

На правах рукописи

КАРАМАН ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ

Политические репрессии в отношении крестьянства

на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в.

специальность: 07.00.02. – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель,

Деревянко А.П.

доктор исторических наук,

профессор

Шабельникова Н.А.

доктор исторических наук,

доцент

Владивосток 2009

Содержание

Введение	3
 <i>Глава 1. Генезис репрессивной политики в СССР</i>	 <i>37</i>
§ 1. Общие тенденции политических репрессий в СССР	37
§ 2. Крестьянство в контексте репрессивной политики в СССР	47
 <i>Глава 2. Сущность и механизм политических репрессий в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР</i>	 <i>61</i>
§ 1. Репрессии в период хлебозаготовительной кампании и коллективизации (1928 – 1933 гг.)	 61
§ 2. Особенности репрессивной политики государства во второй половине 1930-х годов	 101
 <i>Глава 3. Крестьянское сопротивление репрессивной политике государства на Дальнем Востоке СССР</i>	 <i>119</i>
§ 1. Крестьянские восстания	119
1.1. Зазейское восстание 1924 г.	119
1.2. Сианское восстание. 1930 г.	125
1.3. Улунгинское восстание. 1932 г.	135
§ 2. Невооруженные формы крестьянского сопротивления.....	158
 Заключение	 174
Список источников и литературы	181
Приложения	218

Введение

Актуальность темы исследования. Ушедший век стал для России веком невиданных потрясений. Огромна цена, которую пришлось заплатить нашему обществу в период массовых политических репрессий, совершавшихся в СССР на протяжении всего периода его становления и существования. Политические репрессии – одно из наиболее трагичных явлений XX века. Жертвами узаконенного беззакония оказались сотни тысяч человек. Это нанесло непоправимый ущерб генофонду, экономике, обороноспособности, культуре и самой духовной сущности народа.

Колесо репрессий прокатилось и по судьбам крестьян. В 20-е гг. XX века в России в составе населения преобладало крестьянство, что обусловило многие особенности социально-экономического и политического развития страны, в том числе российского Дальнего Востока, где крестьяне составляли более 70% населения¹.

В силу сложившихся исторических, социально-экономических, культурных, национальных, географических и других условий дальневосточная деревня имела ряд особенностей: значительно отличалась от деревни центральной части страны отсутствием крепостного права и помещичьего землевладения, наличием зажиточного типа крестьянских хозяйств, по масштабам производства, использованию машинной техники и наемного труда.

Исследование политических репрессий в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30 годы XX века своевременно и значимо.

Проблема изучения политического насилия, в частности, политических репрессий в отношении крестьянства, получили особую актуальность в связи с изменениями, которые происходят в российском обществе в последние десятилетия. Вопрос об эффективности и правомерности применения насилия, в том числе репрессий, при разрешении социальных, национальных, этнических конфликтов и возможность их использования в рамках процесса построения правового государства подразумевает точное знание сущности и

особенностей правового механизма применения подобных мер. Опыт прошлого, анализ событий 20-30 годов XX века позволяют выявить закономерности и учесть уроки драматических событий истории нашего Отечества.

Актуальность темы определяется и тем, что в связи с открытием доступа к рассекреченным документам и материалам изучаемого периода появилась возможность с учетом новых исторических фактов дополнить, а в некоторых случаях и воссоздать заново историю Российского государства в важный, переломный для страны и Дальневосточного региона период 20-30 годов XX века.

Исследуемая проблема имеет не только историческую значимость, но и политическую. Исследование механизма политических репрессий в отношении крестьянства тесно связано с задачей более полного раскрытия сущности тоталитаризма и освобождения общества от его деструктивного наследия. Необходимо провести большую работу по преодолению стереотипов, оставшихся от административно-командной системы, формированию новой нравственности и правового сознания, без которых невозможно создание атмосферы уважения к человеку, единого всеобъемлющего механизма защиты прав и свобод граждан.

Историческое понимание причин и объективное воссоздание реальной картины репрессий, обрушившихся, в частности, на крестьянство, необходимы для преодоления всех негативных последствий противостояния государства и общества, что и составляет главную политическую актуальность данной темы.

Сам термин "репрессии" относительно устойчив и не претерпел особых изменений. Наиболее точным будет определение понятия "репрессии" как наказание, применяемое государством². Соответственно, под понятие "политические репрессии" подходит наказание, применяемое государством по политическим мотивам. И в своей работе мы будем исходить из данного понимания термина политические репрессии.

С момента установления в 1917 году советской власти в стране, ею осуществлялась целенаправленная политика репрессий против различных слоёв населения, причём слово "репрессия" входило и в официальные документы. В частности, после ареста, при первом же допросе (фиксирувавшемся в "анкете арестованного") практически всегда, арестованному задавался вопрос: "подвергался ли репрессиям со стороны органов советской власти?" Этот же вопрос часто повторялся следователями перед началом допроса по существу дела. Специально отметим, что целенаправленная политика репрессий – это обычное явление в истории со стороны такого института общества, как государство. Репрессии всегда направлялись против какой-либо группы, представляющей как прямую, так и потенциальную угрозу для существующего строя, тем более, если государственный строй только образовался и ему силой, приходилось утверждать свою власть и к тому же имелось достаточное количество людей, недовольных новым порядком вещей.

В исторической литературе (а также и в философской, политической, социологической и др., где так, или иначе, затрагивается тема репрессий) речь идёт о политических репрессиях. К этому явлению, чаще всего, относят осуждение граждан, от отдельных лиц до целых народов. Но это не совсем верно. Собственно необоснованное осуждение не исчерпывает всей гаммы репрессивной политики государственной машины против опасных для неё или только потенциально могущих быть опасными слоёв общества или отдельных личностей. Репрессии против крестьянства значительно выходят за рамки только незаконных судебных преследований, составлявших основу политических репрессий против остальных слоёв общества. Наряду с осуждением за несовершенное преступление многочисленные группы крестьян подверглись такому виду репрессий, как ничем необоснованная (кроме желания в короткие сроки получить значительные средства) конфискация всего нажитого имущества и выселение (кампании хлебозаготовок и раскулачивания). Эти репрессивные меры осуществлялись не только политической полицией (в СССР это – ОГПУ, НКВД, НКГБ и т.д. в зависимости от реорганиза-

ций внутри ведомства), но и местными властями или судебными инстанциями. И всё крестьянство в целом было насильственно (через прямое принуждение и налоговый пресс) принуждено перейти к колхозному строю. Поэтому, говоря о политических репрессиях, следует иметь в виду, что кроме непосредственно репрессий имел место целый комплекс мер, предпринятых государством (применительно к нашей теме в период с 1927 по 1941 гг.), результатом которых стало ущемление прав и ограничение роли крестьянства в жизни страны. В этот комплекс следует включить: колхозную политику, паспортную систему, идеологическую пропаганду и т. д.

Репрессии по отношению к крестьянству иногда определяют таким понятием, как геноцид³. Правомерно ли понятие геноцид в отношении репрессий против крестьянства? При понимании его (геноцида) как уничтожение одного народа другим этот термин не приемлем, так как репрессии не являлись злой волей какого-либо одного народа, как это пытаются иногда изобразить⁴, а в равной степени касались крестьян всех народов СССР. Для Дальнего Востока, как колонизируемого края, это особенно характерно. Но, за последние десятилетия, ранее довольно чётко обозначенные термины, стали постоянно использоваться в более широком понимании. Историк не может игнорировать такие изменения в языке. Так, целенаправленные массовые репрессии против любых слоёв населения стали чаще называть геноцидом. Это согласуется и с юридическим определением геноцида⁵. Данное расширение термина "геноцид" исходит из того, что массовые репрессивные меры государства не могут не отразиться негативно на генофонде страны. Поэтому применение понятия "геноцид" при обозначении политики репрессий против крестьянства в определённой степени оправдано.

Пока остаются закрытыми многие секретные фонды архивов правоохранительных и других государственных органов, не до конца изучен и не осознан в полной мере механизм государственного террора, не названы имена миллионов репрессированных, а не только тех, кто получил официальную реабилитацию, Российское государство не гарантировано от рецидива про-

шлого. В этой связи обращение к данной теме является весьма своевременным.

Степень научной разработанности проблемы. Особенностью историографии проблемы является ее условное деление на две составные части: историография политических репрессий и историография политических репрессий в отношении крестьянства.

Общему процессу разработки и степени изученности темы соответствует деление отечественной историографии на два существенно отличающихся друг от друга периода. Первый из них можно отнести к периоду советской историографии продолжавшийся до середины 1980-х годов и совпадавший в значительной мере с временем массового террора конца 1920-х – начала 50-х гг. Самостоятельным, но не изолированным от него выступает другой период – начавшийся с середины 1980-х годов.

Причины и общие тенденции политических репрессий (репрессивной политики) в СССР рассматривались практически с начала установления советской власти. Первыми исследователями стали главные политические противники советского режима, эмигрировавшие из СССР (так называемая первая волна эмиграции). Их исследования опирались, главным образом, на личные воспоминания времён гражданской войны и выходили в основном в эмигрантских изданиях. Многие работы были опубликованы во второй половине 80-х, в 90-х годах XX века в СССР, а после его распада – в России, что значительно облегчило работу исследователей⁶. Наиболее взвешенно попытались подойти к этой проблеме представители интеллигенции, высланной в 1922 году из СССР ("философский пароход")⁷. Вслед за противниками советской власти пытались анализировать репрессивный аппарат и эмигрировавшие сторонники оппозиции победившему в борьбе за власть Сталину. Наибольшее количество работ, критикующих непосредственно установившийся в стране режим, вышло из-под пера главного противника Сталина – Льва Троцкого. Но лишь в немногих из них он рассматривает именно политические репрессии⁸. Вслед за Троцким пытались сказать своё слово и так назы-

ваемые "невозвращенцы"⁹. После окончания второй мировой войны в 1945 году и смерти Сталина в 1953 году количество работ (за рубежом), исследовавших политические репрессии, увеличилось. А после XX съезда они стали выходить и в СССР.

Следует обратить внимание на то, что хрущевская оттепель положила начало более глубокому изучению истории периода репрессий. В Советском Союзе исследования касались, главным образом, не анализа причин, а отдельных фактов и судеб конкретных людей. В основном это были или художественные произведения, написанные очевидцами событий¹⁰, или биографии репрессированных участников Гражданской войны¹¹. Но и эти работы позволяли судить в определённой степени о масштабах происходившей трагедии. К моменту снятия Н.С. Хрущёва с должности первого секретаря ЦК КПСС исследования, посвящённые политическим репрессиям, перестали выходить в СССР. Во всех трудах, так или иначе посвящённых периоду 1930-х годов, в лучшем случае стояла незначительная оговорка о "негативных последствиях культа личности", "перегибах в социалистическом строительстве".

Для отечественных исследований и литературы первого периода были присущи единые представления о целостности и постоянстве большевистской политики по разгрому политической оппозиции и классовых противников в городе и деревне как составной и единственно верной программы строительства социализма в стране¹².

В указанный период были опубликованы многочисленные статьи, монографии, коллективные труды, характеризующие ход коллективизации, колхозное производство, общественно-политическую жизнь советской деревни¹³. Однако специалисты по аграрной истории страны лишь вскользь затрагивали репрессивную политику сталинского руководства по отношению к сельскому населению страны, при этом, не раскрывая истинной сущности и считая ее необходимой мерой в борьбе с кулаками. Так, например, С.П. Трапезников отмечал, что "путем вредительства, уничтожения производитель-

ных сил, срыва государственных заданий, разложения трудовой дисциплины классовый враг и его агентура брали ставку на разрушение молодого, только что возникшего колхозного строя"¹⁴.

Основные публикации по проблеме политических репрессий в СССР выходили за его пределами и сделаны они были как отечественными, в основном, эмигрантами¹⁵, так и зарубежными авторами¹⁶. Основу источниковой базы зарубежных исследований составлял Смоленский архив областного управления НКВД, который после окончания второй мировой войны оказался в США¹⁷. Для тех зарубежных авторов, которым был разрешён въезд в СССР, главная сложность заключалась в том, что они не могли пользоваться теми материалами советских архивов, с которых не был снят гриф "секретно". А без использования этих материалов все их работы очень многое теряли. Тем не менее, именно в этих трудах в отличие от советской историографии была предпринята попытка глубокого анализа тоталитаризма в целом, роли и места различных государственных институтов в обстановке борьбы за абсолютное господство в партии и государстве.

Изменения, начавшиеся с середины 1980-х годов внутри политической жизни страны, положили начало новому этапу российской историографии в плане исследования политических репрессий в целом и политических репрессий в отношении крестьянства в частности. Плюрализм мнений сыграл позитивную роль в стимулировании научных дискуссий. Вместе с тем обозначилась тенденция критического восприятия исследуемых проблем. Расширилась и стала более доступной источниковая база исследований. Значительную роль в этом процессе имело принятие Указов Президента Российской Федерации от 24 августа 1991 г. "О партийных архивах" и от 23 июня 1992 года "О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека". А также изданного на их основе приказа Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации № 210 от 17 ноября 1992 г.

"О дальнейших мерах по введению в научный оборот документов бывших партийных архивов".

С открытием значительного числа ранее засекреченных документов публикации стали более документированы. Но с падением политической конъюнктуры их число пошло на убыль. Тем не менее, это улучшило и качество публикуемых работ и исследований, так как отсеялись работы, основанные на сиюминутных интересах, вызванных больше политическим заказом, чем желанием установить историческую истину. Все работы, посвящённые репрессиям в СССР, концентрируются вокруг узловых проблем темы репрессий. Для понимания причин репрессий сначала надо было ответить на вопросы, сколько людей было репрессировано, кого считать репрессированным, а кого нет. Данные проблемы поднимались в работах таких исследователей, как Н.А. Араловец, Н.Ф. Бугай, Н.Я. Гущин, И.Е. Зеленин, В.Н. Земсков, А.Н. Дугин, Е.А. Осокина, В.П. Попов, Ю.А. Поляков, В.Я. Шашков¹⁸ и вызвали большие споры, так как авторы исходили из разных посылок. Одни авторы включали в эту категорию только формально осуждённых, другие – репрессированных по приказам в ходе массовых операций, главным образом, это раскулаченные и умершие от голода крестьяне и депортированные народы.

Не обошли своим вниманием исследователи и тему биографий. В этом плане можно упомянуть работы Д.А. Волкогонова и Р.А. Медведева¹⁹. Однако их работы больше раскрывают внутреннюю сущность и логику, по которой действовали коммунистические вожди, меньше – суть самой политической системы и механизм политического террора.

Ликвидация идеологического диктата государственной власти и "архивная революция" создали исследователям благоприятные условия для творческой работы. Характерной чертой работ этого периода явилась попытка дать объективную оценку государственной политики в деревне в 1930-е гг. и пересмотреть устоявшиеся стереотипы в отечественной историографии. Наиболее полный библиографический справочник по истории политических репрессий в СССР имеется в электронном виде²⁰.

В этот период продолжают публиковаться исследования, освещающие аграрную историю советского государства²¹ и связанную с ней репрессивную политику в деревне на рубеже 1920-1930-х гг.²².

Значительный вклад в исследование проблемы внесли зарубежные исследователи. В частности, Ш. Фицпатрик и Р. Манинг²³, уделив внимание социальной истории советского государства, критически анализируя результаты обобществления крестьянских земель, выдвинули гипотезу об "искусственно организованном голоде".

Проблема политических репрессий и репрессий в отношении крестьянства нашла отражение и в работах исследователей Дальнего Востока, которые внесли значительный вклад в разработку региональной специфики изучаемой проблемы.

Одним из первых дальневосточных исследований является работа А.С. Сутурина²⁴, где автор показывает, как репрессии отразились на всех слоях общества через отдельные судьбы репрессированных, однако причины и механизм репрессий остались за рамками работы.

Механизм массовых политических репрессий в советской России и взгляд на систему ГУЛАГа как на хозяйственный организм с дешёвой рабочей силой рассмотрен в работах А.П. Деревянко²⁵, где показан спектр репрессивной политики. Рассматривая механизм репрессий на Дальнем Востоке на фоне репрессий в СССР, с начала установления советской власти, автор определяет репрессии таким термином как геноцид. Главный мотив репрессий связывался с коммунистической идеологией, носители которой и осуществляли репрессивную политику.

Наиболее изученная часть вопроса – это проблема депортаций и миграционной политики в контексте репрессий. В частности, в 1991 – 1993 гг. Н.Ф. Бугаев были опубликованы работы по депортации корейцев Дальнего Востока²⁶. По мнению автора, депортация была осуществлена как превентивная мера на случай войны с Японией.

К проблеме социально-демографической политики в контексте политических репрессий обращается в своих работах Е.Н. Чернолуцкая²⁷, где депортация рассматривается ею как один из способов репрессий. Депортацию автор, главным образом, связывает с тем, что сталинское руководство расценивало китайское и корейское население, как "проблемное" и, следовательно, нежелательное в приграничной зоне. Поэтому депортация и была предпринята, как превентивная мера обеспечения безопасности в приграничной зоне накануне второй мировой войны. По этой же причине в период коллективизации в ДВК была проведена паспортизация, и за пределы края был выдворен так называемый "антисоветский элемент", независимо от национальности, проживавших в ДВК. Особенности этой правительственной акции, имевшей существенные отличия от центральных регионов страны, рассмотрены в том ключе, что паспортизация стала одним из завершающих этапов в утверждении советского тоталитарного режима. Кроме депортации автор обращает внимание на судебные репрессии против крестьянства в период хлебозаготовительной кампании. Этот вид репрессий рассматривается как "подгонка" карательного аппарата к новой политике не только в деревне, но и в стране в целом. Не обойдена вниманием и пенитенциарная система на Дальнем Востоке в 1920-е годы и её место в репрессивной политике. Тема репрессий против крестьян с применением политической 58 статьи УК рассмотрена Е.Н. Чернолуцкой в купе с судебными репрессиями во время хлебозаготовительной кампании, при этом справедливо отмечается, что 117 и 61 ст. и по Закону "Об охране и укреплении общественной собственности" от 7 августа 1932 года, постепенно заменяются 58 ст. УК²⁸. В.Г. Макаренко, обратившись к этой же стороне политических репрессий, показывает, как по материалам следственных дел против крестьян видно, что этот вид репрессий не был эпизодическим, а составлял систему, использованную и против остального населения²⁹.

Тема репрессий в отношении корейского населения, которое в основном было сельскохозяйственным, затрагивается в монографии Б.Д. Пака – "Ко-

рейцы в Советской России"³⁰, где с большим привлечением фактического материала рассматривается политика Коммунистической партии и советской власти по корейскому вопросу. Даётся экономическая характеристика корейских крестьянских хозяйств, которые прекратили своё существование с депортацией их за пределы ДВК в Среднюю Азию и Казахстан.

Второй наиболее изученный вопрос репрессивной политики на Дальнем Востоке – это раскулачивание и коллективизация. В совместной монографии Е.А. Лыковой и Л.И. Проскуриной "Деревня российского Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века"³¹ раскрываются основные тенденции и особенности политического и социально-экономического развития дальневосточной деревни в 1920-1930-е гг., значительное место уделяется вопросу раскулачивания и коллективизации.

Определение коллективизации как репрессивной политики в ряде работ дают Л.И. Проскурина и Е.А. Лыкова³². Они рассматривают коллективизацию и хлебозаготовки, как основной вид репрессий, применённый государством к крестьянам. Ими затрагивается такой важный момент, как причины, позволившие организаторам коллективизации добиться административного успеха и при этом избежать полномасштабной крестьянской войны. По мнению автора, расчёт Сталина при коллективизации основывался на расколе деревни. Кроме того, этот раскол был искусственно усилен. При этом обращается внимание на повышенный процент кулаков и бедняков на Дальнем Востоке. В результате раскулачивания, по мнению автора, деревня попала в полную зависимость от командно-административной системы.

Использование спецпереселенцев, как рабочей силы, не связанной с сельским хозяйством, рассматривает Е.М. Ермизина³³. В её работах анализируется материал по Амурской области. Если учесть, что Амурская область – один из наиболее развитых сельскохозяйственных регионов ДВК, то политика использования репрессированных крестьян, просто как дешёвой рабочей силы, выделяется наиболее рельефно.

Рассмотрению причин, хода и последствий восстания крестьян на Амуре посвящено исследование И.Д. Саначёва³⁴. Как большинство крестьянских антисоветских восстаний, Амурское восстание было шагом отчаявшихся, добиться изменений своей жизни, крестьян. Называть его, по мнению автора, кулацким мятежом нет достаточных оснований. Вооружённое выступление амурских крестьян под руководством Терентия Перелыгина было описано Г.Б. Куртиной³⁵ и В. Макием³⁶ с точки зрения работников ФСБ и прокуратуры работающих с историческими документами на предмет реабилитации жертв политических репрессий. Восстание старообрядцев в районе р. Бикин в 1932 г. рассматривалось Ю.В. Аргудяевой и В.В. Кобко³⁷. Ими было обращено внимание на судьбы участников восстания и роль старообрядцев в жизни Дальнего Востока.

Изучаемая проблема получила рассмотрение не только в монографиях и статьях исследователей, но и в докторских и кандидатских диссертациях, где репрессивная политика советского государства анализируется в целом³⁸ и репрессии в отношении крестьянства в частности³⁹. Особого внимания заслуживает диссертационное исследование С.А. Головина⁴⁰. Проблема репрессий в отношении крестьянства рассматривается в контексте общей репрессивной политики на Дальнем Востоке. Вторую главу своей диссертационной работы автор целиком посвятил анализу репрессий в отношении амурского крестьянства. К сожалению, при анализе материала не были использованы материалы следственных дел в отношении крестьян, находящиеся в Государственном архиве Приморского края и переписка ПП ОГПУ с Далькрайкомом ВКП(б) – в Государственном архиве Хабаровского края.

Таким образом, обобщение литературы по проблеме политических репрессий в отношении крестьянства, изданный за период с 1920-х гг. по настоящее время, показывает: накоплен большой фактический и научный материал, освещающий этот процесс. В научный оборот было введено много (особенно в 1990-е годы) исторических источников, ранее недоступных исследователям. Однако следует отметить, что история политических репрес-

сий в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР изучена недостаточно. Основной вывод, который можно сделать по результатам анализа историографии изучаемой проблемы, сводится к необходимости проведения обобщающего исследования. Требуется более глубокое осмысление сущности, механизма и последствий политических репрессий в отношении крестьянства, научный анализ и критический подход к оценке имеющихся исследований, поиск новых источников.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе изучения научной литературы, архивных документов и опубликованных источников всесторонне исследовать процесс политических репрессий в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в.

Для достижения цели автор поставил следующие **задачи**:

- раскрыть общие тенденции политических репрессий в СССР;
- изучить положение крестьянства в контексте репрессивной политики в СССР;
- проанализировать сущность и механизм репрессий в период хлебозаготовительной компании и коллективизации в дальневосточном регионе;
- обосновать особенности репрессивной политики государства на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х годов;
- обобщить основные направления, формы и методы крестьянского сопротивления репрессивной политике государства на Дальнем Востоке.

Объект исследования – крестьянство Дальнего Востока СССР.

Предмет исследования – репрессивная политика государства против крестьянства на Дальнем Востоке СССР и её последствия.

Хронологические рамки исследуемого периода – 20-30-е гг. XX в. Нижняя граница периода обосновывается тем, что в начале 20-х годов XX века с окончанием гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, упразднением ДВР и образованием Дальневосточной области РСФСР, идет процесс структурной реорганизации органов власти и формирование классов-

вого подхода в отношении крестьянства. Верхняя граница обосновывается тем, что к началу Великой Отечественной войны советское государство уже полностью поставило всё сельское население (как в прочем и городское) под свой контроль (как политический, так и экономический, и идеологический) и уже не нуждалось в терроре в деревне. Именно за эти два десятилетия силами (в основном военно-политическими) советского государства, единолично-кооперативное крестьянство было превращено в колхозно-совхозное, в результате чего практически изменился весь крестьянский менталитет.

Территориальные рамки исследования. Территория в пределах административных границ Дальневосточного края в изучаемый период. Основное внимание сосредоточено на сельскохозяйственных районах. Главным образом, это территория – в границах нынешних Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв.

Методологическая основа исследования основана на диалектическом подходе к изучению исторических явлений, который рассматривает общественное развитие как естественноисторический процесс, определяющийся объективными закономерностями и, вместе с тем, находящийся под воздействием субъективного фактора посредством деятельности масс, общественных групп, политических партий, лидеров⁴¹.

Особую актуальность в условиях реформирования современного общества имеет концепция исторического опыта, сформулированная академиком В.В. Алексеевым. В соответствии с ней, исторический опыт рассматривается как часть исторического знания, ретроспективная оценка прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики. По своей сути исторический опыт представляет собой преемственность знаний и умений поколений, целесообразно отобранные и системно проанализированные сведения, необходимые для осмысления непосредственных практических задач, стоящих перед обществом на данном этапе.

Следует согласиться с В.В. Алексеевым в том, что "... проблема изучения исторического опыта для России остается очень важной, т.к. страна переживает один из труднейших этапов своей истории. Вопрос стоит так: либо продолжать идти "вслепую", ухватившись за чьи-то фалды, путем гигантских растрат человеческой энергии, природных ресурсов, финансовых средств, путем скачков и попятных движений, зигзагов; либо научиться извлекать опыт из своей богатейшей истории, соотносить его с общечеловеческими ценностями и на этой основе выработать оптимальные пути развития"⁴².

Исследование исторического опыта в современных условиях является необходимым делом, которое позволяет глубже понять прошлое, его позитивные и негативные результаты, связь с настоящим, воздействие на будущее. Исследуя процесс политических репрессий в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в., важно иметь ввиду, что прошлое не дает готовых рецептов. Тем не менее, обладая знаниями о прошлом, важно не допустить повторения трагических событий прошлого в развитии настоящего и будущего нашего Отечества.

Основными научными принципами диссертационного исследования являются принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволил проанализировать процесс политических репрессий в отношении дальневосточного крестьянства в тесной связи с политической и социально-экономической обстановкой, сложившейся в регионе. Принцип объективности потребовал анализа совокупности всех факторов и явлений для преодоления односторонности в оценке исторических процессов.

В рамках поставленной проблемы помимо общих методологических принципов применялись различные методы исследования. Классификация как метод позволил выделить общее и особенное в изучаемых явлениях, облегчил сбор материала, способствовал теоретическим обобщениям. Проблемно-хронологический метод помог в хронологической последовательности раскрыть общие тенденции политических репрессий в СССР и положение крестьянства в контексте репрессивной политики. На основе сравнитель-

но-исторического метода выявляются общие и особенные тенденции репрессивного процесса в отношении дальневосточного крестьянства.

Источниковую основу исследования составили опубликованные и введенные в научный оборот впервые документы и материалы. Важной частью работы стало выявление, отбор и анализ разнообразных по характеру и содержанию источников. Весь привлеченный автором источниковый материал имея разноплановый характер и содержание, является основой для решения поставленных в диссертации задач.

Опубликованные источники стали выходить практически одновременно с процессом политических репрессий и издаются по настоящее время. Их можно объединить в несколько групп.

Во-первых, официальные публикации: правительственные постановления, распоряжения, приказы различных ведомств⁴³. В дальнейшем стали выходить различные сборники, где были тематически (по истории коллективизации, уголовного законодательства и т.д.) подобраны различные документы⁴⁴. С изменением политической ситуации в конце 1980-х гг., в стране вышли сборники ранее секретных документов, освещающие общественно-политическую жизнь (циркуляры партийных организаций, информационно-статистические сводки); содержание и методы государственной политики в деревне (сводки о ходе хлебозаготовок, циркуляры о применении уголовной ответственности по делам об укрывательстве хлеба); характеризующие механизм и методы политических репрессий (документы окротделов ОГПУ по индивидуальным уголовным делам, циркуляр краевого суда об организации показательных судебных процессов и т. д.)⁴⁵, а также документы центральных органов, власти служивших основанием для проведения массовых репрессий в стране⁴⁶. Часть документов центральных архивов, отражающих репрессивную политику, была опубликована в различных изданиях, которые предполагалось сделать периодическими, но по различным причинам их выход замедлился⁴⁷.

Во-вторых, сборники документов. В последнее время в большом, но всё-таки недостаточном, количестве появились и сборники с рассекреченными документами, позволяющими судить о масштабах политических репрессий, условиях и методах содержания в исправительно-трудовых лагерях и отдельные документы ранее не публиковавшиеся по идеологическим причинам⁴⁸. По гуманитарным программам стали выходить тематические сборники документов специально посвящённые истории политических репрессий в отношении крестьянства.⁴⁹ Однако доля документов относящихся к дальневосточной деревне не велика.

В третьих, политические произведения – труды, речи, выступления руководителей государства, написанные в изучаемый период. Разумеется, поскольку речь идёт о политических репрессиях, первостепенное значение приобретают произведения их главных идеологов⁵⁰. Произведения политических руководителей широко издавались и пропагандировались в тот период, когда эти руководители находились у власти, но с их уходом с политической арены эти издания стали библиографической редкостью. Затем следуют произведения их политических оппонентов. Большинство книг было издано во второй половине 1980-х годов и как репринтные издания и в рамках различных программ, предполагавших издание исторического наследия⁵¹. Но со второй половины 1990-х их публикация пошла на убыль.

В четвёртых, периодическая печать изучаемого периода, как центральная, так и местная. Прежде всего, – официальные статистические материалы. Опубликованные отчёты о ходе коллективизации в сопоставлении с ранее секретными сводками предстают в несколько ином свете, особенно это касается рассматриваемой в работе экономической и идеологической сторон репрессивной политики против крестьянства. В этом плане немаловажным является анализ периодической печати. Ведь материалы, публиковавшиеся в журналах и, особенно, в газетах дают возможность понять идеологическую направленность политики раскулачивания, и то, какой экономический эффект ожидался в обществе от коллективизации и, главное, то, как он препод-

носился народу в соответствии с реальными результатами. Идеологическая пропаганда всё же, несомненно, влияла на экономическую ситуацию (хотя, казалось бы, это несопоставимые категории) и оценить это влияние без анализа периодической печати невозможно. Кроме того, по периодической печати особенно хорошо видно, как менялось отношение властей всех уровней по крестьянскому вопросу, на протяжении всего периода – переделки более независимой единолично-кооперативной деревни в деревню более зависимую – колхозно-совхозную.

В пятых, мемуарная литература. До начала открытого изучения политических репрессий в СССР она выходила только за рубежом, сразу же после прибытия первой волны эмиграции. Публиковалась с большим размахом, чему способствовало огромное количество российских эмигрантов⁵². В СССР выходили только "идеологически выдержанные", либо с купюрами, и с соответствующими комментариями мемуары⁵³. Со второй половины 1980-х годов стали выходить различные мемуары современников политических репрессий, либо участников, либо жертв, либо свидетелей⁵⁴.

И, в шестых, справочные издания. Особого внимания кроме справочной литературы (Большая Советская Энциклопедия, различные политические и юридические словари и т.д.), заслуживают "Книги Памяти жертв политических репрессий", аналогичные "Книгам памяти погибших в Великой Отечественной войне". Они вышли в различных регионах, под различными названиями⁵⁵. Существуют также и электронные версии книг памяти⁵⁶. Основное назначение этих сборников – дать обществу информацию о числе репрессированных в СССР и помочь многим гражданам узнать судьбу своих близких, подвергшихся репрессиям. 16 января 1989 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в 1920-х – 50-х гг.", а 18 октября 1990 г. – закон "О реабилитации жертв политических репрессий", в соответствии с которыми, прокуратурой восстанавливаются юридические права жертв репрессий с отменой большинства приго-

воров по политической 58 статье УК РСФСР и признанием осуждённых по этой статье пострадавшими от политических репрессий. По материалам следственных дел ОГПУ, НКВД в Приморском крае создаётся, а в Хабаровском крае уже вышла "Книга Памяти жертв политических репрессий"⁵⁷. Несмотря на то, что данные издания являются мартирологами, и не дают полный список всех подпадающих под понятие политические репрессии, тем не менее, они позволяют прояснить масштаб репрессий на Дальнем Востоке и составить более точное представление о процессе.

Подавляющее большинство публикаций снабжено исчерпывающими комментариями, позволяющими ориентироваться в публикуемых источниках. Главный недостаток всех этих публикаций для исследования дальневосточных репрессий заключается в том, что они при всей своей взвешенности, являются, во-первых, фрагментарными, а во-вторых, основные приоритеты в публикациях отдаются документам центральных регионов, а доля дальневосточных материалов в них чрезвычайно низка.

Для выяснения причин, хода и последствий политических репрессий, недостаточно только опубликованных документов, несмотря на их относительную полноту. Поэтому в работе основной упор делается на архивные документы. Автором изучены и обобщены документы и материалы восьми архивов: пяти центральных – Российского государственного архива социально-политической истории (ГАРСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центрального архива Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), трех региональных – Государственного архива Амурской области (ГААО), Государственного архива Приморского края (ГАПК), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) и одного ведомственного – Архива Управления Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Омской области (УФСБ ОО),

Архивные документы можно условно разделить на три большие группы.

1) документы (решения, распоряжения, протоколы и др.) властных структур всех уровней. Они наиболее информативны в освещении периода так называемого "Великого перелома", так как решения о раскулачивании причисленных к 2 и 3 категориям кулаков проходили через местные советы. Информация, содержащаяся в документах (решения РИКов, списки раскулаченных, описи имущества и т.д.) по раскулачиванию, ценна, в том числе, и описанием экономической мощности раскулачиваемого, в сущности ликвидируемого хозяйства, так как на его месте не возникало аналогичного по мощности колхозного. В материалах РИКов, кроме списков лиц лишённых избирательных прав (наиболее многочисленная группа документов), имеются описи имущества хозяйств, подлежащих раскулачиванию. Эти документы дают возможность получить представление о том, какие хозяйства считались кулацкими в данной местности, какова была их численность и т.д. (По этим документам, в частности, архивы выдают справки для восстановления имущественных прав раскулаченных крестьян).

2) документы партийных структур всех уровней (протоколы и стенограммы партийных пленумов, конференций, инструкции, распоряжения и т.д.). Поскольку решения Коммунистической партии во время существования СССР носили общегосударственный характер, то, разумеется, сведения, содержащиеся в партийных документах, позволяют проследить ход репрессий от абстрактной идеологической доктрины до их практического воплощения.

"Рассекреченные" материалы позволили приобщить к исследованию значительный массив документов, ранее недоступных исследователям (переписка, приказы, инструкции, распоряжения). Партийные документы интересующего нас периода ценны прежде всего тем, что содержат сведения о репрессивной политике ВКП(б) и о внутрипартийной борьбе в 1930-е годы, которая разгорелась, в частности, по вопросу репрессий (методах, сроках, и т.д.). По этим документам можно выяснить как проводилась на Дальнем Востоке в жизнь победившая к 1929 году линия в ВКП(б) на ликвидацию кулачества, как класса. В этом плане наибольшей информативностью обладает пе-

реписки партийных инстанций от первичных организаций до областного и краевого комитетов ВКП(б) с различными ведомствами.

Особую группу составляют документальные материалы, (справки, заключения, объяснительные, докладные и т.д.), касающиеся периода "партийной чистки" (1928 – 1935 гг.)⁵⁸. Они не разпылены по всем документам фонда, а сконцентрированы в отдельные дела. Они так и называются: "Протоколы заседаний и материалы комиссии по проверке и чистке членов и кандидатов в члены ВКП(б) Дальстроя (ВОХР ОГПУ, Вл. окротдела ОГПУ и др. партийных организаций)". Подобное формирование дел значительно упрощает работу исследователя. В частности, по ним можно проследить критерии, применяемые при "чистке" партийных кадров (как декларировавшиеся, так и фактические). Это, в свою очередь, поможет дать оценку места "партийной чистки" в общем контексте политических репрессий. Однако следует отметить, что обращение исследователей к этим, недавно рассекреченным документам, довольно редко.

Большинство документов первых двух групп находится в Государственных архивах Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв. Документы центральных властей и партийных органов располагаются в Российском государственном архиве социально-политической истории (ГАРСПИ); Российском государственном архиве экономики (РГАЭ); Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) .

3) материалы ОГПУ, НКВД. Их можно разделить на следственные дела и различного рода документацию в виде приказов, переписки и т. д. Следственные дела, возбуждённые в 1929 – 1933 годах не только против крестьян, но и против всех, кто так или иначе был причастен к коллективизации, находятся в Государственном архиве Приморского края (фонд Р-1588); архивах Управлений ФСБ РФ и информационных центрах МВД РФ по Амурской области Приморскому и Хабаровскому краям. Здесь надо отметить, что архивно-следственные дела по Амурской области относящиеся к крестьянским восстаниям находятся в архиве УФСБ по Омской области. Несмотря на мно-

гочисленность этой группы документов (42813 ед. хр. по состоянию на 1 января 2002 года в ГАПК, в архивах других регионов таких, как Сахалинская область, Алтайский край, Республика Бурятия и некоторых других, эта цифра значительно скромнее), они приняты в необработанном виде, без внутренних описей, значительная часть без вложенных в конверты личных документов, в сдаточных описях дела не расположены в хронологическом порядке и т. д., что создаёт немалые трудности для работы с ними. Переписка органов ОГПУ, НКВД с различными инстанциями имеется и в указанных архивах первых двух групп документов, а также в Центральном архиве ФСБ РФ. Документы регламентирующего характера Центрального архива ФСБ РФ, значительно расширяют возможности исследователей.

Информация, содержащаяся в следственных делах, почти отсутствует в других источниках. Особенное значение имеют документы с информацией о мнениях крестьян относительно коллективизации и политики коммунистической партии в деревне. В частности, по формулировкам обвинительных заключений особенно хорошо видно, как обычные слова о несогласии с какими-либо действиями властей расценивались, как политическое преступление (ст. 58-10 УК РСФСР). Хотя в каждом конкретном случае нельзя сказать, имели ли место высказывания недовольства данного обвиняемого политикой партии и правительства, так как сведения об этих высказываниях чаще всего построены на неподтверждённых свидетельских показаниях (не говоря уже о прямо сфальсифицированных делах), всё же тенденция подобных недовольств отчётливо просматривается.

Состав документов, входящих в следственное дело обычно стандартен. Это анкеты арестованных, протоколы допросов, обысков и т. д. Архивно-следственные дела различаются в основном приложениями к делу. Сюда входит переписка по делу, изъятые у арестованных по делу лиц документы (письма, фотографии, удостоверения и т.д.).

При анализе архивно-следственных дел следует обратить внимание на тот факт, что дела 1920-х – первой половины 1930-х гг. по своему стилю

ближе к делопроизводству царской России. Дела этого периода более информативны за счёт того, что они велись более обстоятельно, чем в последующий период. В делах второй половины тридцатых годов весь комплекс документов сводится к признательным протоколам допросов, похожих друг на друга, как копии одного документа. Дела бывших руководителей более объёмны (за счёт многочисленных допросов и приложений к делу). Дела же крестьян в большинстве случаев состоят из нескольких листов (анкета, протокол допроса, приговор). Формирование дел стало носить поточный характер. Всё это свидетельствует о том, что со второй половины тридцатых годов кардинально изменился подход к репрессиям со стороны центральных властей. От следователей требовалось в кратчайшие сроки завершить несколько дел, к тому же образовательный уровень ведущих дело следователей был значительно ниже предшественников и даже при беглом осмотре дела это сразу бросается в глаза.

Доступ к приказам, оперативным сводкам и другим аналогичным документам ограничен и требует прохождения длительных юридических процедур по рассекречиванию документов. Но недостаток этой группы документов несколько компенсируется наличием документов, содержащих аналогичную информацию в Государственном архиве Хабаровского края. В большинстве они сосредоточены в фонде Далькрайкома ВКП(б), так как между Далькрайкомом и Полномочным представительством ОГПУ в ДВК шла переписка, в которой основными были вопросы проведения политики насильственной коллективизации и раскулачивания. А вот переписка Далькрайкома и ПП ОГПУ, находящаяся в Российском Государственном историческом архиве Дальнего Востока (фонд № 2413 – Дальневосточный краевой исполнительный комитет), пока не рассекречена (со слов руководства архива – по техническим причинам – отсутствие собственного здания архива), и также недоступна исследователям.

Кроме того, следует отметить слабую разработанность научно-справочного аппарата (применительно к документам ФСБ, можно говорить

об его отсутствии), это связано с тем, что значительная часть документов недоступна и к тому же, никак не предназначалась для научного изучения. Всё это, конечно, затрудняет работу исследователя. В частности, в Государственных архивах Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв, а также в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, находится на хранении значительное количество документов, как органов советской власти, так и партийных органов различных уровней, содержащих информацию о кулацких хозяйствах – их хозяйственной мощности, динамике развития, но нет еще ни полной статистики, ни необходимого поискового аппарата, позволяющего ответить на вопросы о количестве хозяйств, признанных кулацкими, о судьбе самих раскулаченных семей и т. д.

Завершая обзор источников, следует отметить их недостаточность при статистическом исследовании такой сложной проблемы, как политические репрессии. Вот весьма характерный факт. В архивы за поиском документов, дающих право на реабилитацию, обращаются тысячи граждан (в основном, это и дети бывших кулаков и депортированных корейцев), но ответить положительно на запросы первых архив может чуть более, чем в 50 % случаев и на запросы вторых – не более, чем в 20 %. В Государственных архивах Амурской области и Хабаровского края аналогичная ситуация, при том, что в количественном отношении, запросов по корейцам в этих архивах значительно меньше. Необходимыми документами не располагают и отделы реабилитации жертв политических репрессий информационных центров УФСБ, и УВД.

Таким образом, налицо следующая картина, оказывается фактически репрессированных лиц больше, чем это отражено в документах. Документы либо были утеряны (что не удивительно из-за неразберихи в делопроизводстве, какая была в 1920-1930-е годы), либо затерялись среди других документов, не говоря уже о целенаправленных так называемых "макулатурных" кампаниях. Кроме того, дела 1920-х начала 1930-х гг. – это очень неудобные листы несовременного стандарта; с переходом на другой формат их стали за-

гибать, многие документы написаны на плохой бумаге (обёрточная, папиросная и т. д.) простым карандашом. Поэтому текст на них становится трудночитаемым, и со временем, читать эти документы всё труднее и труднее. В результате, значительная часть информации просто утрачивается. Эта проблема, к сожалению, характерна для всех архивов⁵⁹.

Особенную сложность представляет достоверность и полнота источников. Работая с любым документом, как с источником информации, всегда нужно помнить, что существует два информационных потока. Первый – это информация самого текста документа; второй – это информация, лежащая за пределами текста, но которая, тем не менее, может быть получена именно из данного документа. Что касается информации, отражающей репрессивную политику, то значительная её часть лежит за пределами документов. Так, фальсификация следственных дел не позволяет, например, использовать информацию текста допроса, как достоверный источник, раскрывающий реальную деятельность допрашиваемого. Но сличение нескольких показаний, а также анализ параллельных показаний в других делах, позволяет раскрыть механизм фальсификации дел и использования необоснованного осуждения, как инструмента укрепления власти. Аналогичная ситуация и с другой группой документов. Особенно это касается переписки и официальных сводок. Иногда практически невозможно найти иные документы, подтверждающие или опровергающие утверждения официальных лиц, данные в их отчётах или указаниях и исследователю приходится оперировать имеющимися данными, хотя они могут и не соответствовать действительности.

Всё же, несмотря на всевозможные недостатки и изъяны, объём и информативность вновь вошедших в научный оборот исторических источников, настолько велики и значимы, что их вполне достаточно, чтобы всесторонне исследовать процесс политических репрессий в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в.

Научная новизна исследования заключается не только в многосторонности охвата источниковой базы, но и всестороннем исследовании процесса

политических репрессий в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в.

Избранная тема является самостоятельным исследованием и включает следующие компоненты новизны:

1) В диссертации использованы документы, большая часть которых длительное время была недоступна исследователям в связи со строжайшим режимом секретности, касавшимся всех аспектов деятельности репрессивных органов власти. Впервые использованы ранее не включавшиеся в научный оборот материалы следственных дел ОГПУ – НКВД, документы регламентирующего характера (приказы, циркуляры, меморандумы ОГПУ, НКВД) Центрального архива ФСБ РФ, недавно рассекреченные документы партийных архивов, как исторический источник по истории репрессивной политики ВКП(б) в объёме, позволяющем судить о её масштабе в дальневосточной деревне.

2) Впервые описаны Сианское и Улунгинское восстания. Анализ этих восстаний позволяет определить их крестьянскую антиколхозную, а не религиозную (в обоих восстаниях принимали участие старообрядцы) направленность.

3) Проанализирован механизм политических репрессий именно в отношении крестьянства, имеющий свою, отличную от других слоев общества, специфику и реакция деревни на них.

4) Представленное исследование является еще одним шагом на пути осмысления реальных последствий репрессивных мер в дальневосточной деревне 1920-1930-гг.

Выводы и материалы диссертационного исследования могут быть использованы в правоприменительной практике реабилитации жертв политических репрессий.

Положения и результаты диссертационной работы могут быть применены в качестве значительного фактического материала в процессе подготовки фундаментальных трудов по истории Дальнего Востока, лекционных курсах

в высших учебных заведениях, а также для исследований краеведческого характера.

Апробация результатов исследования. Основные положения проведенного диссертационного исследования опубликованы в 14 статьях (из них 3 – в периодических журналах перечня ВАК) общим объемом 6,38 п.л.

Результаты исследования докладывались и обсуждались на пяти научных конференциях: трех международных – "Старообрядчество Сибири Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи" (Владивосток – сентябрь 1999 г.), "Исторический опыт освоения Дальнего Востока" (г. Благовещенск – май 2000 г.) и "Россия и Китай на дальневосточных рубежах" (г. Благовещенск – май 2001 г.); межрегиональной – "История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока" (г. Иркутск август 2001 г.) и региональной – "Политические репрессии на Дальнем Востоке" (г. Владивосток 1997 г.).

Автор принял участие в международном конкурсе по программе "Поддержки молодых учёных" (учредители фонд им. Генриха Бёлля (Берлин) и общество "Мемориал" (Москва). Результатом работы по проекту стало выступление с докладом в г. Санкт-Петербурге во время проведения летней школы стипендиатов фонда им. Генриха Бёлля.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав и заключения, списка источников и литературы, приложения.

Приложение содержит копии документов, схемы, карты. Документы расположены для удобства восприятия по тематическому принципу. Орфография источников (включая орфографические ошибки и опечатки) сохранена.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лыкова Л.И., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века. – Владивосток, 2004. – С. 3.

² Большая Советская Энциклопедия. В 30 тт. – М., 1972; Краткий политический словарь. – М., 1987, Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1988, и др.

³ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. – М., 2000. – С. 302.

⁴ Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А. (Москва), Кондрашин В.В. (Пенза), Осколков Е.Н. (Ростов на Дону). О голоде 1932 – 1933 годов и его оценка на Украине. // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 256 – 263.; Мерль Штефан. Голод 1932 – 1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 49 – 61.; Конквест Р. О статье Штефана Мерля. // Отечественная история. – 1995. – № 6. – С. 205 – 206. и др.

⁵ УК РФ. – М., 1997. – С. 161.

⁶ Деникин А.И. Очерки Русской смуты. – М., 1991.; Махно Н.И. Воспоминания. – М., 1992.; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. – М., 1992. и др.

⁷ Бердяев. Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж, 1955.; Он же. Судьба человека в современном мире. – Париж, 1934.; Вышеславцев Б. Парадоксы коммунизма. // Путь. – 1926. – № 3. и др.

⁸ Троцкий Л. Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? Париж, 1936.

⁹ Раскольников Ф.Ф. Открытое письмо Сталину. // Открывая новые страницы. М.: 1989. С. 313 – 321.

¹⁰ Дьяков Б.А. Повесть о пережитом. – М., 1966.

¹¹ Командарм Уборевич. Сб. – М., 1964.; Марячин Г. Постышев. – М., 1965.; Салехов Н.И. Ян Борисович Гамарник. – М., 1964. и др.

¹² Что сделано для укрепления социалистической законности // Партийная жизнь. – 1957. – № 4; Амнистия и помилование в СССР. – М.: Юридическая литература, 1959 и др.

¹³ См., например: Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. – М., 1963; Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932). – М., 1966; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). – М., 1971; Вылцан М.А., Данилов В.П. Кабанов В.В., Мошков Ю.А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. – М., 1982 и др.

¹⁴ Трапезников С.П. Коллективизация крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1927-1934 гг.). Автореф. дис. ... докт. истор. наук. – М., 1951. – С. 23.

¹⁵ Авторханов А. Технология власти. – Франкфурт на Майне. 1976.; Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР. – Мюнхен. 1955.; Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1 – 7. – Париж, 1973 – 1975.; Медведев Р.К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. – Нью-Йорк, 1974. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. – Нью-Йорк; Иерусалим; Париж, 1983. Максудов С. Потери населения СССР. – Бостон, 1989. и др.

¹⁶ Конквест Р. Большой террор. – 1963; Conquest Robert. Power and Policy in the USSR. – London, 1968; Он же. The Great Terror: Stalin's Purges of the Thirties. – London, 1968; Он же. Kolyma: The Arctic Death Camps. – London, 1978; Он же. The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. – London, 1980; Он же. Inside Stalin's Secret Police. – London, 1985; Он же. The Harvest of Sorrow. – Oxford. 1986.; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ. Ч. 1. – М., 1991.

¹⁷ Земсков В.Н. О некоторых проблемах "Большого террора". 1937-38 гг. (ответ на письмо в ред. Степанова.) // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 204.

¹⁸ Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: Проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии. // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 135 – 145; Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-х – 40-х гг. // История СССР. – 1989. – № 6; Он же. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений. Л. Берия – И. Сталину. // История СССР. – 1991. № 1. – С. 143 – 165; Гущин Н.Я. "Раскулачивание" в Сибири 1928 – 1934 гг. Методы, этапы социально-экономические и демографические последствия. – Новосибирск, 1996.; Зеленин И.Е. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938. // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 195 – 198; Земсков В.Н. ГУЛАГ. Историко-социологический аспект. // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 11.; Он же. Земсков В.Н. Заключённые в 1930-е годы социально-демографические проблемы. // Отечественная история. 1997. – № 4. – С. 54 – 79; Осокина Е.А. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: Сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР). // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18 – 26; Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923 – 1953 гг. (источники и их интерпретация). // Отечественные архивы. – № 2. – 1992. – С. 20 – 31; Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920 – 1930). // Вопросы истории. – 1996. – № 3. – С. 122 – 128.

¹⁹ Волкогонов Д.А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. – М., 1996.; Он же. Сталин. Политический портрет. В 2-х кн. – М., 1996; Медведев Р.А. Они окружали Сталина. – М., 1990.

²⁰ Жертвы политического террора в СССР. Базы данных. Лазерный диск. – М., Мемориал. 2002.

²¹ См., например: Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. – М., 1989; Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. – М., 1989; Документы и материалы по аграрной истории России (X-XX вв.). Вып. 2. – Саратов, 1996. и др.

²² См., например: Гушин Н.Я. "Раскулачивание" в Сибири 1928 – 1934 гг. Методы, этапы социально-экономические и демографические последствия. – Новосибирск, 1996.; Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов в деревнях Поволжья. // Вопросы истории. – 1991. – № 6. – С. 176 – 181. и др.

²³ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М., 2004; Манинг Р. Бельский район 1937 г. – Смоленск, 1998 и др.

²⁴ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. – Хабаровск, 1991.

²⁵ Деревянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР ... Указ. изд. – С. 33 – 59; Он же. ГУЛАГ НКВД и его роль в производственно-хозяйственной деятельности СССР (начало 30-х – середина 50-х гг.). Там же. – С. 256 – 279.

²⁶ 40-50-е гг. Последствия депортации народов. Сост. Н. Ф. Бугай. // История СССР. – 1992. – № 1. С. 122 – 143; Бугай Н.Ф. О выселении корейцев из Дальневосточного края. // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 141 – 168.; Он же. 20-40-е годы: депортация населения с территории европейской России. // Отечественная история. – 1994. – № 4. – С. 37 – 49; Он же. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока. // Вопросы истории. – 1994. – № 5. – С. 141 – 148; Он же. К вопросу о депортации народов СССР в 30-х – 40-х гг. // История СССР. – 1989. – № 6. С. 120 – 125; Он же. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений. Л. Берия – И. Сталину. // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 143 – 165.

²⁷ Чернолуцкая Е.Н. Архивные документы о политических репрессиях на дальнем Востоке. // Известия РГИА ДВ. Вып. II. – 1997. – С. 90 – 95; Она же. Депортация Китайцев из Приморья (1938 г.) // Исторический опыт открытия и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX (к 350-летию начала похода В. Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений. Вып. II. – Владивосток, 1993. – С. 78 – 81.; Она же. Чернолуцкая Е.Н. "Националы" Приморья в Сталинских политических репрессиях // Известия РГИА ДВ. Вып. I. – 1996. – С. 149 – 160; Она же. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е начале 50-х гг. (о роли "спецконтингентов"). – Владивосток, 1993; Принудительное переселение в Дальневосточном регионе СССР в 30-е годы // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России. XVIII – XX вв. Материалы международной научной конференции. – Новосибирск, 1996. – С. 156 – 160; Она же. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период. // Вестник ДВО РАН. – 1995. – № 6. – С. 71 – 79; Она же. Противоречивость миграционной политики на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е годы (на при-

мере Приморья). // Исторический опыт освоения восточных регионов России: тезис. докл. и сообщений междунар. научн. конф. – Владивосток, 1993. – С. 89 – 92 и др.

²⁸ Чернолуцкая Е.Н. Судебные репрессии на Дальнем Востоке в период хлебозаготовительной кампании 1929 – 1930 гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР ... Указ. изд. – С. 129 – 137.

²⁹ Макаренко В. Г. Архивно-следственные дела репрессированных крестьян, как исторический источник. // Третья Дальневосточная конференция молодых историков. Тезисы докладов. ДВО РАН. – Владивосток. – 1994. – С. 63 – 69.

³⁰ Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). – М., Иркутск, 1995.

³¹ Лыкова Л.И., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века. – Владивосток, 2004.

³² Проскурина Л.И. Репрессии в Дальневосточной деревне в конце 20-х – первой половине 30-х гг.; // Политические репрессии на Дальнем Востоке ... Указ. изд. – С. 116 – 128; Проскурина Л.И. Вернуть земле хозяина. История Дальнего Востока. // Россия и АТР. – 1992. – № 2. – С. 21 – 31; Коллективизация сельского хозяйства Приморья и формирование административно-командной системы управления // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион, науч. конф. по пробл. истории, археологии и краеведения. – Уссурийск, 1992. – С. 118 – 120; Лыкова Е.А.; Проскурина Л.И. Расчёт Сталина оправдался // Россия и АТР. – 1996. – № 4. – С. 14 – 16.

³³ Ермизина Е. М. Раскулачивание в Амурской деревне (1930 – 1934 гг.). – Благовещенск, 1999; Она же. Использование труда и условия жизни спецпереселенцев в Зейском округе Амурской области в 30-х гг. XX в. // Исторический опыт освоения Дальнего востока. Выпуск третий. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. – Благовещенск, 2000. – С. 126 – 131.

³⁴ Саначёв И. Д. Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестник ДВО РАН. – 1992. – № 3 – 4.

³⁵ Куртина Г.Б. Как это было... Из практики работы УФСБ с материалами архивных уголовных дел периода массовых репрессий. // Материалы международной научно-практической конференции. 29.08.01. - Благовещенск, 2001. – С. 142 – 149.

³⁶ Макий В. Повстанцы. // Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. – Благовещенск, 2001. – С. 337 – 349.

³⁷ Аргудяева Ю.В. Старообрядцы. // Россия и АТР. – 1993. – № 2. – С. 111 – 123; Она же. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. – М., 2000; Кобко В.В. "Бикинское Соборное Уложение" 1924 г. старообрядцев-часовенных северного побережья Приморья как историко-этнографический источник. // Алтарь России. вып. 1. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция, русские и зарубежные

связи. Материалы научно-практической конференции 19 – 25 сентября 1994 г. Владивосток. – Владивосток, 1997. – С. 65 – 68; Она же. Кобко В.В. Заимка крестьян старообрядцев (юг дальнего Востока середина XIX в. – 30-е годы XX в.) // Россия и АТР. – 1999. – № 1. – С. 59 – 67.

³⁸ Баранцева Е.Л. Организационно-правовые основы и механизм политики репрессий в Вятском крае (ноябрь 1917 – декабрь 1934 года). Дис. ...канд. юрид. наук. – Нижний Новгород. 2005; Варфаломеева М.И. Репрессивная политика Советского государства в 1930-е годы и политические настроения (на материалах Белгородской, Курской и Орловской областей). – Курск, 2002; Головин С. А. История политических репрессий на Дальнем Востоке 1920 – 1930-е годы. Дис. ...канд. ист. наук. – Хабаровск. 2008; Иванов В.А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. на материалах Северо-Запада РСФСР. Дис. ...д-ра. ист. наук. – Москва. 1998; Кузнецов И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 30-е годы и реабилитация жертв террора. Дис. ...канд. ист. наук. – Томск. 1992; Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ). – Нижний Новгород, 2007; Усенко А.Н. Массовые политические репрессии 1930-х годов на Дону. – Ростов на Дону. 2005. и др.

³⁹ Глумская М.Н. Единоличное крестьянское хозяйство России в 1933 – 1937 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Москва. 1994; Коломиец К.А. Репрессивная политика Советского государства в деревне в 1930-е годы: Дисс. ... канд. ист. наук. – Пенза. 2006; Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии: Дисс. ... канд. ист. наук. – Петрозаводск. 1998; Стасюкевич С.М. Социально-экономическое развитие амурской докол-хозной деревни (1922 – 1929 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. Владивосток. 1995; Шашков В.В. Раскулачивание в СССР и судьба спецпереселенцев (1930 – 1954 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 1995. и др.

⁴⁰ Головин С. А. История политических репрессий на Дальнем Востоке 1920 – 1930-е годы: Дисс. ... канд. ист. наук. – Хабаровск, 2008.

⁴¹ Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней – М., 2003; Введение во всемирную историю. Выпуск I. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. Учебное пособие/ МФТИ. – М., 1997; Журавлев В.В. Методология исторической науки // Кентавр. – 1995. – № 6; Поляков Ю.А. Почему история нас не учит? // Вопросы истории. – 2001. – № 2 и др.

⁴² Алексеев В.В. О теории и практике использования исторического опыта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2001. – С. 176 – 188.

⁴³ Уголовный кодекс. 1926 г. – М., 1956; журналы: Дальневосточное статистическое обозрение 1928 – 1930 гг; газеты: Правда. Орган ЦК ВКП(б). 1928 – 1934 гг. Известия. Орган ЦИК СССР. 1928 – 1938 гг. и др.

⁴⁴ Борьба КПСС за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926 – 1929 годы).

Документы и материалы. – М., 1961; Ведомости Верховного Совета СССР; История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917 – 1954 гг. сб. документов. М., 1955; Сб. Документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1953. – М., 1953. и др.

⁴⁵ 1925 – 1929. Народ и власть: Сб. док. и материалов. / Сост.: Марков В.И., Тренин Б. П. и др./; Томск, 2000.; 1940 - 1956. Невольные сибиряки: Сб. док. и материалов. / Сост.: Нам И.В. и др./; Томск, 2001.

⁴⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: 1993.

⁴⁷ Звенья. Прогресс, Феникс, Athentum. М.: 1991. Вып. 1.; Неизвестная Россия. XX век. М.: 1992.

⁴⁸ Съезды Советов Амурской области. 1918 – 1936 гг. Сб. документов. Хабаровск. 1987; Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917 – 1954. – М., 1954; Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953-91 гг.) – Казань, 1992. и др.; Нарымская хроника 1930 – 45. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. – М., С-П., 1997; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы. В 5 тт. – М., 1999. и др.; Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30 – 50-е гг.) в 2-х тт. – Кемерово, 1994.; Стенограмма февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. – 1992. – № 2 – 12; 1993. № 2, 5 – 8; 1994. № 1, 2, 6, 8, 10, 12; 1995. № 2 – 8, 10, 11. и др.

⁴⁹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918 – 1939: Документы и материалы: В 4-х тт. Документы и материалы. – М., 1998.; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание 1927 – 1939 гг.: Документы и материалы: В 5 тт. – М., 1999.

⁵⁰ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939; Калинин М.И., Енукидзе А.Е. Сплошная коллективизация и задачи Советов. Речи на всесоюзном совещании по вопросам советского строительства. – М-Л., 1930. и др.

⁵¹ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. – М., 1990; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923 – 1927. в 4-х Т. М.: "ТЕРРА".

⁵² Архив русской революции. Т. 1. Берлин. 1922. и послед. тома; Троцкий Л. Д. Моя жизнь. – Берлин, 1932; Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1-2. – Франкфурт на Майне, 1971; Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – Париж, 1980. и др.

⁵³ Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. – М., 1966; Первая борозда: сб. воспоминаний. – М., 1981; Худяков А.П. На переломе: Дневник сельского коммуниста. – М., 1973. и др.

⁵⁴ Каганович Л.М. Памятные записки. – М., 1996; Хрущёв Н.С. Воспоминания. – М., 1996; Чуев Ф.И. Молотов: полудержавный властелин. – М., 2000; 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. Публикация Е.Н. Разумов-

ской. // Звенья. Прогресс, Феникс, Athentum. Вып. 1. – М., 1991. – С. 113 – 162; Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. – М., 1990; Шолохов М.А. и Сталин И.В. Переписка начала 30-х годов. Публ., вступ. ст. Ю.Г. Мурина. // Вопросы истории. – 1994. – № 3. – С. 3 – 25; Шолохов М.А. "Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти": публ. Письма И.В. Сталину от 1933., подгот. к печати и предисл. Ю. Мурина. // Родина. – 1992. – № 11-12. – С. 51 – 57. и др.

⁵⁵ Из бездны небытия: книга памяти репрессированных калужан. Т. 1. (А – Д). – Калуга, 1993; Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. – Пермь, 1998. и др.

⁵⁶ [http:// www.irkutsk.memorial.ru/](http://www.irkutsk.memorial.ru/); [http:// www.memorial.krsk.ru/](http://www.memorial.krsk.ru/); [http:// www.memo.ru/](http://www.memo.ru/) (дата просмотра 01.11.02.); Жертвы политического террора в СССР. Базы данных. Лазерный диск. – М., Мемориал. 2002. Жертвы политического террора в СССР. Базы данных. Лазерный диск. (2 диска) – М., Мемориал. 2004. и др.

⁵⁷ "Хотелось бы всех поименно назвать...". Книга-мартиролог. А-К. – Комсомольск на Амуре, 1997; "Хотелось бы всех поименно назвать...". Книга-мартиролог. Л-Ф. – Комсомольск на Амуре, 1998.

⁵⁸ ГАПК. Ф. П-3, Оп. 3. Д. 22, 84; Оп. 4, Д. 227-а, 236, 306; Оп. 5. Д. 19, 22, 81, 117; Ф. П-2541, Оп. 1, Д. 70, 80, 81.

⁵⁹ [http:// www.memo.ru/about/bull/b24/36.htm](http://www.memo.ru/about/bull/b24/36.htm). Дата просмотра 10.11.04.; Рогалина Н.Г. Актуальные проблемы изучения Российского крестьянства 1920 – 1930-х гг. в свете новейших документальных публикаций. // Вестник архивиста. – 2004. – № 3-4 – С. 115 – 129; № 5. С. 79 – 87.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР

§ 1. Общие тенденции политических репрессий в СССР

Политические репрессии не являются чем-то исключительным в истории. Любое государство не обходится без применения репрессий. Репрессии являются одной из основных функций любого государства. Обобщённо всех, против кого применяются репрессии, можно объединить в две группы. Первая – это активные противники режима, как самостоятельно претендующие на власть в стране, так и делающие ставку на третью силу. Вторая – это нежелательные для режима группы (инакомыслящие и социально неблагонадёжные).

Государство – это такая структура, которая не производит капитала. Ни товарного, ни промышленного, ни финансового. Но оно может взять этот капитал либо извне (внешняя экспансия), либо внутри (внутренняя экспансия). Экспансия эта самого широкого диапазона. От простой продажи государством своих услуг по охране собственности и общего порядка через более или менее сложную систему налогов, до полного подчинения всех экономических структур своему диктату через внешнее управление в виде прямого администрирования и централизованного планирования. В СССР победившая в борьбе за власть, радикально настроенная часть партийного аппарата, пошла именно по второму пути. А достичь этого можно было только с помощью применения массовых политических репрессий.

В первой половине XX века, сразу несколько государств поставили политические репрессии во главу своих взаимоотношений с обществом и другими государствами. Наиболее часто сравнивают режимы, установившиеся в Германии и Советском Союзе¹. Кроме СССР и Германии, к аналогичным репрессивным режимам можно отнести фашистский режим в Италии и традиционный императорский – в Японии и др. Главное различие заключалось в

том, что в СССР основной упор делался на внутреннюю экспансию, а в Германии, Италии и Японии на внешнюю. Для осуществления репрессивной политики охранные институты государства в этих странах были преобразованы в политическую полицию с расширенными полномочиями (наиболее характерно для СССР и Германии). Здесь можно согласиться с мнением авторов монографии "Политическая юстиция в СССР" В.Н. Кудрявцева и А.И. Трусова, что для всех диктаторских режимов характерно наличие института политической юстиции, в задачи которого и входит применение репрессий для подавления политических противников². Расширение полномочий политической полиции позволяло производить уничтожение людей в массовом порядке, не связывая политическую полицию какими-либо ограничениями, если согласно политической доктрине какая-либо группа представлялась нежелательной для существующего режима. Главную общность режимов III Рейха, фашистской Италии и СССР составлял диктат одной партии. При формировании режимов произошло сращивание партийного и государственного аппаратов. СССР и Германию объединял (довольно существенно) и тот момент, что оба репрессивных режима возникли в результате слома прежних императорских структур власти.

Весь исторический опыт свидетельствует о том, что давно сложившаяся и устоявшаяся государственная структура, хотя и имеет все для этого возможности, но, тем не менее, не прибегает к тотальным политическим репрессиям. Происходит это не в силу того, что при устоявшихся государственных структурах возглавляют страну более мягкие и гуманные люди (то есть в силу сугубо субъективных причин), а вследствие того, что к применению тотальных политических репрессий отсутствуют объективные причины, заставляющие, вне зависимости от личных качеств носителей верховной власти, прибегать к прямому политическому нажиму в виде репрессий. Репрессии в СССР периода 1927 – 1941 годов происходили в обстановке вновь сло-

жившейся государственной структуры, что и предопределило их характер.

Политические репрессии в СССР, не шли единым потоком. Они варьировались в зависимости и от различных причин. Наиболее точно отражающим суть репрессий нам представляется критерий задач, которые были призваны решить репрессии в тот или иной период.

Говоря о периодизации репрессий в СССР, применительно хронологическим рамкам 1917 – 1941 годов, наиболее правильным будет выделить следующие этапы:

Первый	(1917 – 1922) – завоевание власти
Второй	(1923 – 1927) – удержание власти
Третий	(1928 – 1933) – установление контроля над крестьянством
Четвертый	(1934 – 1936) – установление полного контроля над партией
Пятый	(1937 – 1938) – окончательная победа Сталина в борьбе за единоличную власть в стране ("Большой террор")
Шестой	(1939 – 1941) – "выпуск пара".

Первый период. Это период Гражданской войны. Основной целью репрессий в этот период являлась ликвидация, либо отстранение от политической деятельности всех политических противников, претендовавших на власть в стране. Поскольку политические противники (главным образом это организаторы и сторонники "белого движения" – Вооружённые силы Юга России (А.И. Деникин), правительство Колчака и др.) располагали собственными вооружёнными силами и службами безопасности, то основную роль в борьбе с ними играла армия. Спецслужбы (политическая полиция) играли вспомогательную роль. Политические репрессии ("красный террор" – подавление крестьянских восстаний, расказачивание, и т.д.) советская власть могла

производить только на подконтрольной ей территории, занятой Красной армией. Для проведения политических репрессий были созданы соответствующие структуры:

- судебные органы (осуждение по приговору). Декретом о суде № 1 (ноябрь 1917 г.) были образованы народные суды и ревтрибуналы. Если народные суды выполняли функцию общегражданских судов, то политические репрессии возлагались непосредственно на ревтрибуналы;³

- внесудебные (объединяющие следствие, вынесение и исполнение приговора) и Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) Постановлением СНК от 20 декабря 1917 г.

ВЧК и ревтрибуналами "Красный террор" проводился как против политических противников, оспаривавших большевистскую монополию на власть в стране ("Союз защиты Родины и свободы", "Союза общественных деятелей" и др.⁴), так и против потенциально несогласных с советской властью слоёв населения ("бывшие", кулаки, казаки и пр.).

Репрессивная политика советской власти в этот период определялась главным образом Постановлением ВЦИК от 2 сентября 1918 г. (о "Красном терроре") и политикой "военного коммунизма". Основными методами репрессий были расстрел, взятие заложников и использование на принудительных работах.⁵ Целью всей репрессивной политики в этот период был бесспорный и безальтернативный (тотальный) контроль над страной. То есть, все, кто с оружием в руках, или инертным нежеланием сотрудничать с новой властью противостоял большевикам, подлежал либо уничтожению (расстрел), устрашению (заложничество), либо изоляции и использованию в качестве рабочей силы (принудительные работы).

После победы на фронтах и эвакуации всех остатков войск, противостоявших большевистскому правительству, закончилась Гражданская война. К 1922 году большевики контролировали почти всю территорию бывшей

Российской империи, кроме Польши и Финляндии.

Второй период. Это тот период, когда победившие в гражданской войне большевики оказались единственной политической силой в стране, и главной их задачей стало создание нового политического строя. С политической арены были устранены все политические партии, кроме ВКП(б). А в самой ВКП(б) образовался значительный раскол и наметившаяся оппозиция была отстранена от власти. Поэтому наиболее приемлемым будет обозначить хронологически этот период до 1927 года, т.е. до XV съезда ВКП(б), который подвёл определённую черту в борьбе за власть и соответственно определил репрессивную политику.

Основным инструментом проведения репрессий в этот период стало Объединённое Государственное Политическое Управление (ОГПУ), созданное на основе реорганизации ВЧК декретом ВЦИК СССР от 15 ноября 1923 года⁶. А главным объектом репрессий в этот период стали представители отстранённых от власти политических партий и социальных слоёв (бывшие) и, все так или иначе на принявшие советскую власть (инакомыслящие). Права ОГПУ были расширены передачей ему части судебных функций. 28 марта 1924 года ЦИК утвердил "Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь"⁷.

Однако этот период характеризует относительная либерализация репрессивной политики особенно в сравнении с периодами гражданской войны и второй половины 30-х годов. Причины этого кроются в двух аспектах: экономическом и политическом. Экономические причины заставили большевиков заменить политику "военного коммунизма" НЭПом для удержания власти за большевиками, а основная политическая борьба происходила в самой большевистской партии, и исходом этой борьбы должен был стать контроль над партией, что в итоге давало возможность установить контроль и над обществом.

Третий период. Главной задачей этого периода было подчинение крестьянства и использование его экономического потенциала для нужд существовавшего режима. В этот же период начались крупные репрессии с показательными процессами против "буржуазных специалистов" (Шахтинское дело, Академическое дело⁸ и др.). Для удобства проведения подобных процессов следователи были изъяты из ведения судов и переведены в административное подчинение прокурора, а также часть судебных функций (возбуждение и прекращение уголовного дела и др.) была передана прокуратуре.⁹

Репрессии против крестьянства имели ту особенность, что проводились не только карательным аппаратом, но и – на начальном этапе – всей административной структурой государства, главным образом, органами советской власти от верховного до низового уровня. Они были исполнителями и в начальный период раскулачивания и в период коллективизации. В ведение местных советов входило составление списков кулацких хозяйств. То есть, ответственность решать, кому быть раскулаченным, а кому нет, возлагалась не на политическую полицию (ОГПУ), а на местные советы. Непосредственный арест и высылку крестьян, признанных кулаками (в первую очередь кулаков первой категории), производили органы ОГПУ. Но через год раскулачивания, согласно решению специально созданной комиссии, возглавлявшейся заместителем председателя СНК СССР А.А. Андреевым, (на XVI съезде ВКП(б) утверждённый председателем ЦКК и наркомом РКИ СССР), вся деятельность по управлению выселенными крестьянами, так называемыми спецпереселенцами, из ведения партийных и советских органов перешла в ведение ОГПУ¹⁰. А в июле 1931 года решение комиссии было утверждено постановлением СНК СССР "Об устройстве спецпереселенцев"¹¹. Со второй половины 30-х гг. все функции по определению "врагов народа" и их использованию в хозяйственных целях полностью перешли к НКВД.

Если обратиться к статистике репрессированных (данные Санкт-

Петербургского Мемориала), то наибольшее количество погибших составляют погибшие от голода и раскулачивания¹². То есть, основную массу репрессированных составляют жертвы искусственно созданной ситуации "гуманитарной катастрофы" (направленный удар "гуманитарной катастрофой"). Именно этим термином конца XX века правильно будет обозначить ситуацию в деревне в первый половине 30-х годов.

Четвёртый период. Основной мотив репрессий этого периода – установление полного и всеобъемлющего контроля над партией. Для этого была проведена "партийная чистка". Специально организованные комиссии рассматривали персональные дела коммунистов и проводили исключение из партии всех, кто не смог доказать свою полную лояльность (как прошлую так и настоящую) сталинской линии. Фактически происходила замена старой партии на новую, так как, кадровый состав партии кардинально изменялся в течение всего периода. За исключением из партии обычно (но не всегда) следовал арест и осуждение за контрреволюционную деятельность, т.е. применение политических репрессий.

Главным организатором политических репрессий было партийное и политическое руководство страны, а исполнителем репрессий стал образованный Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года на базе Объединённого Государственного Политического Управления (ОГПУ) Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД).¹³ Функции НКВД за весь период его существования постоянно расширялись. Самым главным преимуществом при проведении репрессий этой, обычной для каждого государства, структурой было то, что им была передана и часть судебных функций. Роль судебных органов выполняли специально созданные структуры. Сначала при ОГПУ СССР, а также при Полномочных представительствах ОГПУ в регионах, были созданы так называемые тройки, а после – особые совещания при Народном комиссаре Внутренних дел СССР и при региональных управлениях. В

функции этих троек и особых совещаний входило вынесение приговоров в ускоренном порядке в течение 15 минут без прения сторон и вызова свидетелей с немедленным приведением приговора в исполнение. Юридическим основанием для создания троек стало утверждённое 1 декабря 1934 года Постановление ЦИК СССР "О порядке ведения дел о подготовке и совершении террористических актов". Существование таких структур, с таким порядком судопроизводства позволяло в кратчайшие сроки осудить значительное количество людей. Но при этом объективность следствия не просто нарушалась, а прямо игнорировалась. А так как задачей троек и особых совещаний было именно репрессирование неугодных, а не выяснение истинной виновности подсудимого, то такой порядок вынесения приговоров был наиболее удобным и эффективным.

Пятый период. Репрессии, применяемые против крестьян, были направлены и против руководителей различных уровней, чтобы выработать у них рефлекс беспрекословного повиновения. С началом второго московского процесса против "троцкистско-зиновьевского центра", начавшегося 23 января 1937 года, а через месяц и с 25 февраля по 5 марта 1937 года, пленума ЦК ВКП(б), страна вступила в период так называемого "Большого Террора". Этот термин ещё не окончательно утвердился в исторической литературе, но для обозначения периода с января 1937 по ноябрь 1938 г., то есть до постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия" он наиболее правильный.

Главным видом репрессий, в этот период было необоснованное привлечение к уголовной ответственности (как с помощью расширенного толкования той или иной статьи Уголовного кодекса, так и прямой фальсификации следствия) для исключения из общественной жизни наиболее опасных для существующего государственного строя граждан. Это требовало наличия необходимого юридического обеспечения. Таким юридическим обеспечением

являлась 58 статья Уголовного кодекса. Эта статья (в редакции 1926 года), состоящая из 18 пунктов, предполагала осуждение за действия, направленные против существующего государственного строя и его институтов. Через год, согласно Постановления ВЦИК и СНК СССР от 6 июня 1927 года в Уголовном Кодексе РСФСР, глава 1 – "Преступления государственные" – была разделена на две части: контрреволюционные (1) статьи 58¹ – 58¹⁴ и особо опасные против порядка управления (2) статьи 59¹ – 59¹³. Таким образом, число пунктов 58 статьи было сокращено до четырнадцати¹⁴. Разумеется, любое государство не может мириться с действиями, направленными на его свержение. Однако такие государственные преступления не являются правилом общественной жизни, а наоборот исключением из них. Формулировки же 58 статьи были настолько расширенны, что позволяли практически любого человека сделать виновным в совершении преступления, предусмотренного 58 статьёй. Главным пунктом, который в большинстве случаев предъявлялся крестьянам, был пункт десятый. Он звучал так: "Особенная часть. Глава 1. Преступления государственные. Контрреволюционные преступления. ... Статья 58¹⁰. " ...Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений ..."¹⁵ В дополнение к этому 23 января 1935 года выходит директива прокурора СССР, которая гласила: " ...1. Контрреволюционные выступления, одобряющие террористические акты в отношении вождей Партии и советского Правительства, квалифицировать по ст. 58-10 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. ... 3. По вопросу по подсудности дел по ст. 58-10 руководствоваться следующим: ... б) дела в отношении одиночек, обвиняемых в террористической пропаганде и террористических высказываниях, а так же групповые, по которым нет достаточных документальных данных для рассмотрения в судах, как правило, направлять для рассмотрения Особым совещанием при

НКВД СССР, что однако не исключает передачи этих дел в спецколлегии, если это вызывается местными условиями"¹⁶. Такая трактовка десятого пункта 58 статьи сохранялась и активно использовалась до 1938 года, когда вышла директива Народного комиссариата Юстиции СССР № 13с от 15 апреля 1938 г. Эта директива не отменяла применение десятого пункта 58 статьи, а просто несколько упорядочивала его применение. Директивное письмо № 28 Верховного Суда и Прокуратуры СССР от 13-го января 1935 г. "О порядке допущения защиты по делам, рассматриваемым Спецколлегиями", (см. Приложение 1) разосланное всем нижестоящим структурам, прямо предписывало исключать допуск адвоката (в редакции 30-х годов он назывался защитником). Действие этой директивы продолжалось и после 1938 г. Это, в свою очередь, сводило к минимуму и без того призрачные права репрессированных.

К репрессивным акциям этого периода без юридического обоснования можно отнести приказ по НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов". Для ареста и осуждения по этому приказу не требовалось соблюдения элементарных юридических процедур (обвинения, доказательство вины и т.д.).

Шестой период. Первым документом, показавшим осмысление организаторами репрессий того факта, что дальнейшее проведение "Большого Террора" может захлебнуться, стало Постановление пленума ЦК ВКП(б) "Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков" проходившего 11 – 20 января 1938 г., то есть за десять месяцев до вышеупомянутого "Постановления...". В результате проведения "Большого Террора" к 1938 году сменились практически все руководители ОГПУ, НКВД, как по стране, так и по ДВК и Примор-

ской, Амурской областям, на которых и была возложена вся вина за репрессии. Период 1938 – 1941 гг. можно определить как период передышки – выпуска пара. В это время были реабилитированы некоторые репрессированные и осуждены реальные исполнители репрессий. Здесь будет необходимо упомянуть о том, что многие исследователи репрессий для анализа незаконных методов ведения следствия в своих работах часто ссылаются на следственные дела осуждённых "за нарушения социалистической законности" именно периода 1938 – 1941 гг.¹⁷.

Крестьянство занимало особое место в репрессивной политике и кульминация репрессий в отношении крестьянства приходится на 1929 – 1933 гг., то есть на третий период согласно представленной нами классификации.

§ 2. Репрессии в отношении крестьянства в контексте репрессивной политики в СССР

В 1929 году Коммунистическая партия и Советское правительство начали во взаимоотношениях с таким многочисленным классом, как крестьянство проводить политику прямого административного нажима, переросшего в политические репрессии. Но здесь надо оговориться. Формально о репрессивной политике по отношению к крестьянству или, тем более, о его ликвидации не говорилось. Класс крестьянства был разделён на три самостоятельных группы: бедняков, середняков и кулаков. Объявлялось же о ликвидации эксплуататорского класса – кулачества. 21 января 1930 года в статье "К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса" Сталин писал: "... нынешняя политика партии в деревне есть не продолжение старой политики, а поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества, как класса"¹⁸. После объявления о ликвидации кулачества, естественно вставал вопрос, как и кто это должен сделать и кого причислять к классу кулаков.

В данном разделе мы рассмотрим причины репрессий против крестьянства и место крестьянства в общей репрессивной политике. Непосредственно формы репрессий, применявшиеся в отношении крестьянства (хлебозаготовки, раскулачивание и необоснованное осуждение), будут рассмотрены в соответствующих разделах второй главы.

Причины репрессий против крестьянства несколько отличались от причин общей репрессивной политики. При анализе того, что же заставило организаторов политических репрессий, в лице политического руководства страны, пойти на столь неординарный шаг, наиболее правильным и объективным, с нашей точки зрения, будет выделить две основополагающих объективных причины политических репрессий против крестьянства. Первая – рациональная. Осуществлял репрессии тот, кому это было выгодно. Из четырёх участников политических репрессий (крестьянство, карательные органы ОГПУ – НКВД, партийные и советские органы на местах, центральный аппарат ВКП(б)) главную выгоду – контроль над обществом через материальные ресурсы – получал Центральный аппарат ВКП(б). Вторая – иррациональная. Это действия, не укладывающиеся в рамки формальной логики и противоречащие не просто интересам общества, но и интересам самих организаторов. Но, тем не менее, иррациональные причины вполне объективны, а не субъективны, как это может показаться на первый взгляд.

Объективные рациональные причины политических репрессий заключались в решении трёх основных задач:

Первая – экономическая задача. В истории любого общества всегда бывают периоды, когда груз проблем, накопленных, но не разрешённых предшественниками, начинает складываться в так называемую "критическую массу". Подобное положение дел грозит повернуть ход событий в сторону, противоположную прежнему политическому курсу государства, что сопряжено с потерей власти для правящего режима (в частности возникновение

"революционной ситуации", по В.И. Ленину). Решение о том, какие именно меры должны быть приняты, для изменения существующего положения, принимается всегда руководителями государства, (если, конечно, события не выйдут из-под контроля раньше, чем государственные деятели успеют среагировать на них). От того, как государство и стоящие во главе его люди справятся со вставшими перед ними проблемами, и зависит дальнейшее существование государства. К 1929 году СССР как раз оказался перед такой проблемой. Главным вопросом было экономическое положение страны на мировой арене. После победы большевиков в гражданской войне и возникновения на большей части бывшей Российской империи нового государства – СССР, страна всё ещё продолжала оставаться преимущественно крестьянской. То, что аграрная страна не сможет противостоять высокоразвитым промышленным державам и поэтому рано или поздно попадёт под их зависимость, было ясно практически всем, стоявшим у власти в СССР. Поэтому последовавшая политика репрессий в отношении крестьянства преследовала, прежде всего, экономические цели, но решались они не экономическим путём, а путём прямого внеэкономического принуждения. Основная же суть этих репрессий заключалась в получении государством значительных материальных и человеческих ресурсов, достаточных для проведения индустриализации в короткие сроки и создании промышленной базы в стране, дававшей ей независимость от более развитого в промышленном отношении внешнего окружения. Поэтому в короткий срок требовались значительные финансовые средства для ускоренной индустриализации, а, учитывая внешнюю обстановку, и милитаризации. Дать эти ресурсы кроме крестьянства не мог никто. То есть от крестьянства требовалось обеспечить потребности в хлебе, не столько для внутреннего потребления, сколько для экспорта. До 1929 года земля хоть и являлась собственностью государства, но не находилась в его прямом распоряжении. Земля находилась в ведении крестьянских общин и распределялась

по едокам. То есть, государство контролировало сельскохозяйственную собственность через налоговые рычаги, не имея возможности прямого воздействия. Наступление на крестьянство было предпринято с целью поставить под прямой контроль государства всю сельскохозяйственную собственность. А значительное количество неучтённых посевов (утаенных от налогообложения) не позволяло государству в полной мере использовать весь сельскохозяйственный потенциал на экспорт. А это, в свою очередь, тормозило использование средств на индустриализацию. То есть крестьянство рассматривалось политическим руководством ВКП(б) как источник доходов, необходимых для решения политических и экономических задач. Поэтому, чтобы получить возможность использовать крестьянство в этом качестве, было решено переключить собственность с единоличных крестьян, а также с менее контролируемых кооперативных хозяйств, на государство. А поскольку крестьянство добровольно на это не пойдёт, то репрессии против крестьянства представлялись единственным решением проблемы. Нужно не забывать, что в 1929 – 1933 годах происходил мировой экономический кризис. В США была "великая депрессия", в Германии рвались к власти нацисты, в Индокитае шла кровопролитнейшая война за гегемонию в Азии. Поэтому ожидать взвешенного подхода к решению политических проблем, связанных с взаимоотношением крестьянства и советской власти, даже через восемь лет после окончания гражданской войны (на Дальнем Востоке в частности) от ставшей единственной политической силой в стране коммунистической партии, не приходилось. Тем более, что решением этих проблем в основном, должны были заниматься люди, привыкшие всякие проблемы решать военно-политическими средствами и не понимавшие, что есть средства экономические, и заменять их политико-административными, а тем более, военными, нельзя. Поэтому экономика в стране рассматривалась как тыловое обеспечение, должное быть мобилизованным по первому требованию. А достичь это-

го можно было, только лишив крестьянина права самостоятельного хозяина. В связи этим чем каждый крестьянин, крепко обустроивший свое личное хозяйство, даже не применявший наёмного труда и был объявлен кулаком, подлежащим уничтожению. Таким образом, в стране назревал новый передел собственности, целью которого было достижение абсолютной власти в стране. Здесь мы согласимся с мнением Р. Адамса, одного из виднейших представителей американской культурной антропологии, рассматривавшего власть как социальное отношение, возникающее в результате контроля над элементами окружающей среды. Поскольку крестьянство, как никакой другой слой общества, было с ней теснейшим образом связано, то определение Адамса, точно передаёт суть начавших разворачиваться в 1927 году событий¹⁹. Отстранение крестьянина от контроля над землёй, лишало крестьянство всякой возможности влияния на государственные структуры. В данном случае налицо стремление оказавшихся в результате революции у власти людей закрепить своё привилегированное положение и не дать возможности развиваться социальной мобильности общества²⁰ и сделать положение в социальной структуре напрямую зависимым от центральной власти.

Вторая задача – политическая. Суть этой задачи состояло в том, что единоличное крестьянство составляло большинство населения и уже только этим представляло сложности для тотального управления. Даже, если судить только по зажиточным хозяйствам, то по стране получалась колоссальная цифра. В своей речи на первом съезде колхозников-ударников "...на каждые 100 дворов Сталин насчитывал от 12 до 16 кулацко-зажиточных. Всего же в начале 30-х годов в нашей стране было около 25 млн. крестьянских хозяйств. Более 3 млн. Сталин отнёс в чёрную графу. Если учесть коэффициент семейности (на тот период), то в разряд подлежащих "ликвидации как класс" попало 15-20 млн. человек"²¹. То, что речь шла не обо всём крестьянстве, а только о кулаках, не должен вводить нас в заблуждение, так как на практике репрес-

сиям подверглось всё крестьянство. В данном случае можно согласиться в некоторой степени с мнением И.Е. Зеленина, использующего термин "раскрестьянивание", так как термин "кулак" слишком размыт, а соответственно и термин "раскулачивание" не полностью определяет то содержание, которое в него вкладывается²². К крестьянину, даже если он был и бедняком, но единоличником, применялось не раскулачивание, а если так можно выразиться околхозивание, то есть принудительное (различными способами от прямой угрозы раскулачивания до экономического давления в виде налогового прес-са) вовлечение в колхоз, и, следовательно, совершался его переход в разряд зависимых людей. Аналогичное мнение высказывают и зарубежные исследователи в частности американский историк Р. Такер пишет, что "... таким образом, то, что именовалось "коллективизацией", на деле представляло собой огосударствление сельского хозяйства и повторное закрепощение крестьян, которых лишали паспортов и обязывали, как их предков при крепостном праве, нести барщину под видом трудодней"²³. Но, что характерно в этом вопросе и у начинавшей захватывать все рычаги управления сталинской группы и у левой оппозиции особых различий не было. "25 миллионов мелких хозяйств составляют основной источник капиталистических тенденций. Выделяющаяся из этой массы кулацкая верхушка осуществляет процесс первоначального капиталистического накопления, ведя широкий подкоп под позиции социализма"²⁴. Контроль же над конфискованной у крестьянства собственностью давал возможность контролировать поведение, как крестьянства, так и общества в целом. Такой контроль делал невозможной смену власти, в зависимости от уровня жизни населения и его мнения о качестве правительства и желания его заменить. Здесь налицо была прямая попытка сделать нефункционирующей обратную связь в звене: власть – общество. То есть, прослеживается стремление сделать власть полностью независимой от общества и наоборот – поставить общество в полную зависимость от власти. Что хорошо

прослеживается по уже опубликованным документам (сводки ОГПУ о настроениях крестьянства и аналогичные документы).²⁵ Репрессии против крестьянства для решения этой задачи были главным инструментом. Контроль над собственностью позволял использовать ресурсы сельского хозяйства по усмотрению центральных властей вне зависимости от мнений крестьян. И для этого требовалось "ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов"²⁶. Кулак, как самостоятельный сельский хозяин, не вписывался в административное регламентирование экономики, устанавливавшееся партийным руководством для укрепления своей власти в стране. Это предполагало заменить менее административно управляемое население, уже только этим составляющее потенциальную угрозу существующей власти, полностью управляемым и зависимым, и, соответственно, не представляющим ни потенциальной, ни тем более прямой угрозы для существующего режима.

Третья задача была идеологическая. Она требовала, чтобы крестьянство превратилось в сельскохозяйственного рабочего. Годы, прошедшие после гражданской войны, показали, что крестьянство по своим идеологическим позициям и по всему своему мировоззрению никак не укладывалось в схему социалистического строительства, как его понимали стоявшие у власти коммунистические лидеры. Господствовавшая среди них идеологическая доктрина о крестьянстве как о "попутчике" не позволяла крестьянству оставаться в том виде, в каком оно пребывало на момент коллективизации. Темпы кооперации крестьянских хозяйств не просто не устраивали коммунистических идеологов. Главное их недовольство вызывала именно экономическая независимость крестьянских кооперативных хозяйств, которая неизбежно вела к независимости идеологической. В результате, из крестьянства выделялся класс кулаков, который подлежал полному уничтожению. Хотя формально

предполагалось уничтожение именно класса, то есть, основ, порождающих его существование, фактически это вылилось в уничтожение людей, которые были причислены к этому классу. Деление это было не просто расплывчато, но и стояло в прямой зависимости от субъективного мнения членов РИКов, принимавших решение о раскулачивании, что в свою очередь ставило и их в зависимость от центральных властей, а не от мнения местного населения, интересы которого они должны были выражать. Так, если местные власти после раскулачивания не справлялись с планом хлебопоставок, то темпы раскулачивания ставились им в вину, как перегибы. Когда же местные власти выпускали нежизнеспособные колхозы, то им ставили в вину, то, что они плетутся в хвосте колхозного движения, а они должны его возглавлять. Такая политика приводила к неуверенности местных руководителей в своих действиях, и приучала их действовать только по руководящим указаниям вне зависимости от логики. Коллективные трудовые сообщества (колхозы) в деревне не были новостью. Экономически они представляли определённую выгоду для крестьян. Но для лидеров в ВКП(б), вставших на путь сплошной коллективизации, темпы роста сельхозкооперативов были явно недостаточными. И, самое главное, они возникали сами, а не были плодом руководящих указаний и, следовательно, не были в прямой зависимости от властей. Идеологическая установка требовала тотального контроля над умонастроениями крестьян. А экономическая независимость являла тому серьёзное препятствие. Чтобы поставить под свой контроль все виды коллективных объединений был признан только один их вид — колхозы.

Для решения тех задач, которые поставило перед собой руководство ВКП(б), и была предпринята политика политических репрессий. Именно единоличники и колхозники (как доколлективизационные, так и после) наиболее пострадали в результате политики сплошной коллективизации и последовавшей за ней политики "Большого Террора".

Субъективные рациональные причины заключались в персональной борьбе за власть. Этот вопрос является наиболее исследованным из всех. Биографии большинства руководителей ВКП(б) претендовавших на безраздельное господство или значительное влияние в стране и их взаимоотношения исследовались как отечественными, так и зарубежными историками²⁷. Не углубляясь в этот вопрос, так как он идёт по касательной к нашей проблеме, можно согласиться с большинством исследователей и констатировать, что Сталин в борьбе за власть оказался наиболее удачливым и система политических репрессий была необходима ему для победы в этой борьбе.

Почему же было необходимо установить именно тотальный контроль над обществом, а не обычный, вполне достаточный, и результативно от тотального контроля ничем не отличающийся? Тем более что при этом малая экономическая выгода сочеталась со значительными потерями, сопряжёнными с риском потери власти. Но, тем не менее, организаторы политических репрессий шли на это в силу объективных причин, обуславливавших существование образовавшегося в стране после гражданской войны политического режима и определившего государственный строй. Для этого необходимо проанализировать объективные иррациональные причины.

Главной причиной такого иррационального поведения руководителей ВКП(б) и Советского государства, превышавшего все нормы иррационального поведения в стабильных государственных системах, стала та инфляция человеческой жизни, которая наступила после гражданской войны. И хотя после её окончания прошло, в частности, на Дальнем Востоке шесть лет, политическое руководство продолжало жить лозунгами "военного коммунизма". Дело здесь даже не в фанатичной вере в идеалы "военного коммунизма" (хотя и это имело место), а в том психологическом моменте, что человек один раз прошедший войну остаётся более или менее под её психологическим воздействием на всю жизнь. Устоявшегося термина в исторической литературе

пока ещё нет, так как работа в этом направлении ещё только началась. Некоторыми учеными уже предпринимались попытки исследовать подобный феномен²⁸. Главным образом исследовалось влияние психологии военного времени в мирное время на рядовой и младший начальствующий состав. В основном именно на эту категорию психология войны и оказывает наибольшее влияние²⁹. У автора нет каких-либо данных утверждать что руководству СССР, проводившему политику репрессий против крестьянства, был уже известен данный феномен. Но то, что оно само находилось под его влиянием и активно использовало его для достижения своих целей (способствовало этому значительное количество среди низового партийного и советского аппарата участников Гражданской войны, подверженных военной психологии) не вызывает сомнений. К такому заключению нас подводит анализ реакции на все возникавшие в стране трудности мирного строительства. Так, все технические ограничения ускоренному росту колхозов, выдвигавшиеся специалистами, всё больше расценивались, в лучшем случае, как тормоз на пути построения социализма, а чаще – как сознательное вредительство. Крестьянство же, по своей сути более консервативный, чем другие, слой населения и далеко не сразу воспринимающий все, пусть даже полезные и выгодные ему нововведения, автоматически приравнивалось к врагам колхозного строя. В этом отношении дальневосточные крестьяне, будучи жителями приграничных районов, рассматривались и как потенциальные предатели³⁰. Особенно это касалось корейцев, в большинстве своём занимавшихся сельским хозяйством, которые и были высланы с Дальнего Востока. И ещё, пожалуй, немаловажную роль в отрицательном отношении к крестьянству, определившим такую иррациональную реакцию на крестьянский вопрос было то, что в правительстве, называвшемся рабоче-крестьянским, не было ни одного крестьянина (кроме Калинина). Основу партийного руководства, от которого зависело принятие решений, составляли профессиональные революционеры. Побе-

див в гражданской войне, это стали профессиональные политики, имевшие косвенное отношение к сельскому хозяйству. За всё свою деятельность они привыкли смотреть на крестьян, как на поставщика сначала продуктов, потом бойцов для фронта, а к моменту коллективизации – как на резерв рабочей силы, необходимой для претворения в жизнь их планов. Для того, чтобы взглянуть на это иначе, руководству ВКП(б) надо было фактически поменять своё мировоззрение. А это было нереально. Ему было проще поменять мировоззрение крестьянства. Что оно фактически и сделало, применив к крестьянству методы репрессий. Поэтому не будет преувеличением сказать, что главной иррациональной причиной организации репрессий относительно крестьян, было именно мировоззренческое несовпадение крестьянства и стоявших у власти партийных идеологов.

Заканчивая анализ генезиса репрессивной политики в СССР мы приходим к следующим выводам:

Принятый в 1921 году на X съезде РКП(б), курс на новую экономическую политику не просто перестал устраивать особенно радикально настроенных членов партийного руководства, но и прямо мешал им поставить страну под свой контроль. Здесь мы присоединимся к мнению тех, кто в полемике о том, был ли конец НЭПа естественным, (т. е. он исчерпал все свои возможности и, выполнив свою задачу, был обречён) или же он был искусственно свёрнут из политико-идеологических соображений, считает второе более соответствующим истинному положению дел. К такому выводу нас подводит то, что к 1929 году внутри руководства коммунистической партии разгорелась ожесточённая борьба за власть, и крестьянство оказалось разменной картой в этой борьбе. На это наслоились и другие причины, такие как острейшая необходимость промышленного прорыва, дающего стране экономическую независимость от внешнего окружения, мировой экономической кризис, обострение международной обстановки, особенно на Дальнем Востоке.

Немалую роль в этом сыграл и провал надежд на мировую революцию. Со-вокупность всех этих причин требовала от желавших остаться у власти одного – средств – промышленных, финансовых, людских. Разумеется, все взоры в первую очередь были обращены к крестьянству. Такой поворот дела вполне закономерен, но индивидуальной особенностью было то, что предпринятый террор против крестьянства в виде раскулачивания и последующего затем фактического закабаления крестьянства, поддерживавшегося постоянным нависанием над крестьянином угрозы осуждения его как врага советской власти, смог вообще осуществиться. Учитывая многочисленность крестьянства и его явное нежелание содействовать властям в политике, направленной против его же интересов, шансы на успех его насильственной коллективизации были очень невелики. Это косвенно и было признано Сталиным, определившим по свидетельству Британского премьер-министра Черчилля, положение в 1929 году не менее критическим, чем в 1941 году, когда немцы готовились взять Москву. Это ещё раз приводит нас к тому выводу, что политические репрессии, развязанные против крестьянства, имели своим основанием больше именно иррациональные (главным образом заидеологизированность сознания), неподдающиеся формальной логике, причины.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В мире двух диктатур. Zwischen zwei Diktaturen. "Мемориал". Санкт-Петербург. 2001; Информационный бюллетень правления международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества "Мемориал" – М., 2000. – № 21. – С. 40; А. Черкасов меж двух диктатур. Там же № 22. – С. 36.; О международной научной конференции, посвященной сравнительному анализу репрессивной политики СССР и Германии и проходившей 28 февраля – 2 марта 1995 года в г. Мюльхайм-Рур (Германия) – Земсков В.Н. О некоторых проблемах "Большого террора" 1937 – 1938 годов. // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 201.

² Кудрявцев В., Трусев А. Политическая юстиция в СССР. – М., 2000. – С. 14.

- ³ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991. – М.: 1994. – С. 105.
- ⁴ Красная книга ВЧК. В 2-х тт. – М., 1989.
- ⁵ Кудрявцев В., Трусов А. Указ изд. – С. 101 – 105.
- ⁶ Лубянка. ВЧК – КГБ. (1917 – 1960 гг.). Справочник. – М., 1997. – С. 10.
- ⁷ Кудрявцев В., Трусов А. Указ изд. – С. 101 – 105; – С. 279.
- ⁸ Академическое дело 1929 – 1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. – СПб., 1993.
- ⁹ Кудрявцев В., Трусов А. Указ изд. – С. 224 – 226.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.
- ¹² Россия и Германия XX век. НИЦ "Мемориал" – СПб., 2001. – С. 2.
- ¹³ Лубянка. ВЧК – КГБ. (1917 – 1960 гг.). Справочник. – М., 1997. – С. 12.
- ¹⁴ Цитируется по кн. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С. 32.
- ¹⁵ Уголовный кодекс. 1926 г. – М., 1956. – С. 31.
- ¹⁶ Сборник законодательных и нормативных актов ... Указ. изд. – М., 1993. – С. 36.
- ¹⁷ Буяков А.М. Репрессии среди сотрудников органов НКВД Приморья во второй половине 30-х гг. XX в. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С. 65 – 83.; Дервянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы. Там же. – С. 33 – 59.; Макаренко В. Г. Архивно-следственные дела репрессированных крестьян, как исторический источник. // Третья Дальневосточная конференция молодых историков. Тезисы докладов. ДВО РАН. – Владивосток, 1994. – С. 63 – 69 и др.
- ¹⁸ Сталин И.В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса. // Сталин И. Вопросы ленинизма. – М., 1939. – С. 292.
- ¹⁹ Adams R.N. Energy and structure. Austin. – London, 1975.
- ²⁰ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. // Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – С. 295 – 424.
- ²¹ Дервянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы. – Там же. – С. 37 – 38.
- ²² Зеленин И.Е. "Революция сверху": завершение и трагические последствия. // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 30.
- ²³ Такер Р. Государство и общество в Советской России. Ответ на ст. Павловой И.В. // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 203.

²⁴ Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиция) к XV съезду ВКП(б). // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923 – 1927. в 4-х тт. – М., 1990. – Т. 4. – С. 115.

²⁵ Рогалина Н.Г. Актуальные проблемы изучения Российского крестьянства 1920 – 1930-х гг. в свете новейших документальных публикаций. // Вестник архивиста. – 2004. – № 3-4 – С. 121.

²⁶ Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. .– Указ. изд. – С. 589.

²⁷ Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2 тт. – Смоленск, 1996; Волкогонов Д.А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. – М., 1996. и др. изд.; Медведев Р.А. Они окружали Сталина. – М., 1990., и др.

²⁸ Серебрянников В.В. Социология войны. – М., 1997.

²⁹ Сениявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта. // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 7 – 16.

³⁰ Чернолуцкая Е.Н. Принудительная миграция на Дальнем Востоке СССР как превентивная мера обеспечения безопасности в приграничной зоне накануне второй мировой войны. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тезис. докл. и сообщ. междунар. конф. – Хабаровск, 1995. – С. 165 – 167.

ГЛАВА 2. СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР

§ 1. Репрессии в период хлебозаготовительной кампании и коллективизации (1928 – 1933 гг.)

До 1928-29 года, то есть, до начала наступления на крестьянство, главным фактором, определявшим экономику сельского хозяйства, была многоукладность. Вместе сосуществовали единоличные крестьянские хозяйства, колхозные объединения, а также государственные предприятия в виде совхозов. Для Дальнего Востока был характерен повышенный процент кулаков¹. Обеспеченность же скотом в единоличных хозяйствах значительно превосходила колхозную по всему ДВК. Кроме того, единоличное хозяйство представляло собой, ввиду многочисленности крестьянских семей, показатель, превышавший средний по колхозам². Крестьянские хозяйства были многочисленны и разбросаны по краю, чем представляли сложность для налогообложения. Причём разница между намечаемыми к налогообложению и привлечёнными довольно значительна. Наглядно это можно увидеть в табл. № 1.

Средства, которые не удавалось получить с помощью налогообложения, предполагалось решить кампанией хлебозаготовок.

Развёрнутая по всей стране с 1928 года кампания хлебозаготовок стала первой в ряду массового экономического наступления на крестьянство. Своей целью кампания хлебозаготовок ставила высвобождение средств (в основном финансовых), необходимых для проведения ускоренной индустриализации страны. Добыть эти средства предполагалось за счёт реализации на внешнем рынке излишков сельхозпродукции. И хотя Дальневосточный регион не являлся "житницей страны", хлебозаготовительная кампания была также развёрнута и на ДВК. Сама по себе идея поднятия индустриального

Таблица № 1

**Данные о кулацких хозяйствах выявленных Дальневосточным
статуправлением для налогообложения.**

Округа:	Намечено Ориентировочно Кулацких Хозяйств	Привлечено Кулацких Хозяйств в 1929-30 г.	Привлечено кулацких хозяйств в 1928-29 г.
Читинский	840	381	351
Сретенский	310	44	23
Зейский	100	20	5
Амурский	1730	387	403
Хабаровский	220	50	20
Владивостокский	1330	953	527
Никольский	50	56	25
Всего по краю	4580	1891	1355
% ко всему числу хозяйств	2%	0,8%	0,6 %

Источник: Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1929. – № 9 – 10. – С. 64.

потенциала за счёт экспорта продукции сельского хозяйства была вполне здоровой для огромной сельскохозяйственной страны. Такая постановка вопроса практически не вызывала возражений. "... При том соотношении, которое существует у нас между продукцией сельскохозяйственной и продукцией промышленности, между количеством сельскохозяйственного населения и населения индустриально-городского, роста производительных сил и

продукции сельского хозяйства предполагает наличие и соответствующих иностранных рынков сбыта сельскохозяйственных товаров. Таким образом, безусловно, и развитие самого сельского хозяйства оказывается в теснейшей связи с проблемой сельскохозяйственного экспорта"³ – писал в 1927 году в журнале "Пути сельского хозяйства", такой ведущий специалист аграрник, как Н.Д. Кондратьев, осуждённый 26 января 1932 года Постановлением Коллегии ОГПУ, как один из лидеров, так называемой "трудовой крестьянской партии". Понимали экспортную ценность хлеба и партийные лидеры – "Хлеб не есть простой товар... хлеб есть валюта валют"⁴. Но меры, которыми производились хлебозаготовки для получения финансовых средств на индустриализацию, не были простой экономической акцией. Это была настоящая экономическая экспансия против крестьянства, предпринятая в силу заидеологизированного сознания политических руководителей страны – организаторов хлебозаготовительной кампании. Но подтолкнула их к этому экономическая ситуация, связанная с трудностями в осуществлении ускоренных темпов индустриализации. Трудности эти были вызваны, в том числе и начавшимся мировым экономическим кризисом. Для их разрешения предполагалось конфисковать у крестьянства продукт их труда – хлеб. Идеологически это оправдывалось как изъятие излишков. Фактически у крестьян отбирали всё. Результатом же такого подхода к крестьянскому вопросу стало обеднение, а затем и обнищание крестьянства. Организаторы конфискационной политики в деревне к 1933 году пришли к пониманию того, что взять необходимые ресурсы можно только у богатой деревни но, тем не менее, они так и не признали всю ошибочность своих прежних подходов к этой проблеме. "Чтобы двинуться дальше ... мы должны сделать второй шаг ... мы должны ... сделать всех колхозников зажиточными. Да, товарищи, зажиточными"⁵. То есть, в своей речи на первом съезде колхозников-ударников Сталин иными словами повторил, в известной степени неплохой для экономики, лозунг

Бухарина "обогащайтесь", но объявленный самим же Сталиным "правым уклоном", как и все меры, направленные на увеличение экономического потенциала деревни, но не укладывающиеся в его идеологические схемы. Нельзя сказать, что лидеры коммунистической партии совсем не понимали той истины, что прежде чем использовать крестьянство, как источник финансовых резервов для промышленности, сначала надо дать ему возможность встать на ноги и экономически окрепнуть. "В общем, и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте своё хозяйство... Что получим мы в результате накопления в крестьянском хозяйстве? Накопление в сельском хозяйстве означает растущий спрос на продукцию нашей промышленности. В свою очередь, это вызовет могучий рост нашей промышленности, который окажет благотворное обратное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство"⁶. Но идеологические догматы в борьбе за власть и желание получить "здесь и сейчас" нашли бóльшую поддержку среди партийного руководства. И, в результате, победила сталинская концепция, предполагавшая применение репрессивных мер против крестьянства для получения средств на индустриализацию.

Хлебозаготовительная кампания, как экономическая репрессивная политика, преследовала вполне определённые цели и была призвана разрешить те задачи, которые разрешить другим путём, её организаторы не считали возможным. Цели можно сконцентрировать по следующим основным моментам.

Экономические. В короткие сроки получить значительное количество сельхозпродукции, реализация которой даст возможность: во-первых, избежать тех последствий, какими грозил наметившийся экономический спад, переросший в мировой экономический кризис. Во-вторых, использовать полученные средства для создания собственной промышленной базы, не уступающей ведущим промышленным державам мира. В третьих, использовать

значительные средства на проведение экспансионистской политики по поддержанию Коминтерна и иметь возможность влиять через него на зарубежные компартии.

Политические. Во-первых, подчинить своему влиянию крестьянство, расколов его и лишив значительных материальных ресурсов. Во-вторых, для радикально настроенной части ЦК ВКП(б) использовать кампанию, как возможность потеснить более умеренные круги в партии и правительстве, используя при этом обострившуюся обстановку в стране. В третьих, укрепить положение компартии, как единственной политической силы в стране, которое экономически независимое крестьянство потенциально вполне могло оппортировать.

Для достижения этих целей организованная хлебозаготовительная кампания должна была обеспечить выполнение основной задачи: любыми средствами собрать в максимально короткие сроки максимально большее количество хлеба. Сталин, бывший главным организатором и идеологом хлебозаготовительной кампании, проводимой такими методами, сказал: "Правда, этот метод сочетается иногда с применением чрезвычайных мер против кулачества, что вызывает комические вопли у Бухарина и Рыкова. А что в этом плохого? Почему нельзя иногда, при известных условиях, применять чрезвычайные меры против нашего классового врага, против кулачества?"⁷.

Решить поставленную задачу предполагалось путём усиленной концентрации и мобилизации людских ресурсов. "Что нужно сделать для того, чтобы получить эти хлебные излишки? Нужно прежде всего ликвидировать психологию самотёка как вредную и опасную вещь. Нужно организовать хлебозаготовки. Нужно мобилизовать бедняцко-середняцкие массы против кулачества и организовать их общественную поддержку мероприятиям Советской власти по усилению хлебозаготовок"⁸. Но, этот призыв, повторявшийся на всех партийных, государственных и хозяйственных уровнях, со-

держал практически указание на раскол деревни. Во всех подобных призывах фигурирует понятие кулака, употреблявшееся с 30-х годов не только как синоним сельского эксплуататора, но и как термин, обозначающий теперь целый класс. В действительности же, само понятие кулака является более идеолого-пропагандистским термином, чем конкретным экономическим определением для эксплуататорского класса, живущего за чужой счёт. Кулака как сельского капиталиста, после гражданской войны в советской деревне не существовало. Существовавшие, кроме кооперативных хозяйств единоличные, различались по своему экономическому уровню в основном из-за наличия в семье значительного количества трудоспособных и энергичных мужчин. То, что значительная часть крепких хозяйств применяла наёмный труд (для Дальнего Востока, процент таких хозяйств был, по сравнению с европейской частью, довольно велик)⁹, используя материальные затруднения, главным образом переселенцев, а также, не сумевших встать на ноги соседей, больше говорит о неумении (или нежелании) властей обеспечить бедняцким хозяйствам возможности экономического роста, чем о наличии эксплуататорского класса, подлежащего уничтожению. Здесь мы согласимся с теми исследователями, которые считают, что к кулакам причисляли, прежде всего, наиболее умелых инициативных и трудолюбивых крестьян. В этом плане характерно определение В.Н. Земскова "... в чисто смысловом аспекте термин "кулаки" – синоним термина сельская буржуазия, что предполагает ведение хозяйства за счёт эксплуатации какого-то постоянного контингента наёмных рабочих (батраков). В действительности же таковых среди раскулаченных крестьян было сравнительно немного, и именно они употребляли в самоназвании термин "кулак". Основная же масса называемых кулаками вела хозяйство своими руками..."¹⁰. Отсутствовало и точное юридическое определение кулачества. Постановление Далькрайисполкома от 8 января 1930 года о признаках кулачества никак нельзя считать таковым.¹¹ Определённое законом понятие ку-

лчества было слишком расплывчатое и при желании под это понятие (на Дальнем Востоке особенно) можно было подвести почти всё крестьянство.¹² А после Постановление ЦИК и СНК СССР от 23.12.30., предписывающего местным советам самим устанавливать признаки кулацких хозяйств, вопрос о принадлежности вообще фактически переводился в плоскость "политической целесообразности". Поэтому в призыве борьбы "бедняцко-середняцких масс" против кулака делался расчёт на то, что различные слои деревни больше будут воевать друг с другом, чем с властью, организовывающей хлебозаготовки. Этот, казалось бы, элементарный расчёт, вполне оправдался. К аналогичным выводам при анализе ситуации в дальневосточной деревне 20-х – 30-х гг. пришли Е.А. Лыкова и Л.И. Проскурина в статье "Расчёт Сталина оправдался"¹³. И в результате этого раскола даже родные братья впоследствии раскулачивали друг друга. Для определения числа кулаков в деревне власти в определённой мере опирались на данные статистического учёта. При статистическом учёте на Дальнем Востоке применялось в частности такое описание кулацких хозяйств:

*"Кулаки: хозяйства, для которых эксплуатация своих средств производства является главным источником средств существования или главным источником денежных поступлений; хозяйства с систематическим наймом годовых работников; часть хозяйств с систематическим наймом батраков на срок от полугода до года; хозяйства промышленников предпринимательского типа; хозяйства промышленников самостоятельного типа с значительным размером найма рабочей силы; хозяйства с промыслами и наймом батраков на значительный срок; зажиточная часть хозяйств с одновременным сочетанием аренды земли, сдачей средств производства и значительным размером найма рабочей силы"*¹⁴.

Именно у хозяйств подобного типа и требовали фактически нереальный план сдачи хлеба. План этот был явно завышенный. Хозяйство не могло

далее эффективно существовать, сдав этот план полностью. Крестьяне не понимали сути хлебозаготовительной кампании, кроме того, что с её помощью у них хотят забрать хлеб. При этом даже план хлебозаготовок скрывался от крестьян: "Во что бы то ни стало нужно добиться сугубой секретности установленных норм..."¹⁵. Разумеется, крестьяне, чьи хозяйства подпадали под усиленное налогообложение, не могли быть довольны таким положением дел. На колхозных собраниях, на сельских сходах они говорили, выражая своё недовольство кампанией. Это в свою очередь стало основанием для осуждения их как агитаторов против советской власти¹⁶. Сдача хлеба государству в экономическом плане ничего не давала крестьянину, как это должно было быть для эффективного развития экономики. Об этом и говорили крестьяне, осуждённые впоследствии, как противники колхозного строительства¹⁷.

То, что крестьяне добровольно сдавать хлеб не будут, организаторам хлебозаготовок стало ясно с первых дней кампании, если не предполагалось заранее. Вполне возможно, что местные руководители, видя такое сопротивление как говориться "спустили бы на тормозах" всю кампанию хлебозаготовок. Рабочие сводки деревенской части окротдела Амурского окружного комитета ВКП(б) сообщают о категорическом не желании крестьян сдавать хлеб и участвовать в хлебозаготовительной кампании.¹⁸ "Многие даже ответственные работники на хлебозаготовки смотрели, как на тяжёлую и неприятную обузу, навязанную сверху. Это особенно складывалось в период доведения плана до села"¹⁹ – констатировали представители Далькрайкома ВКП(б). Но центральные власти не собирались идти на уступки ни в чём. Местному руководству предписывалось изъять хлеб любой ценой, не останавливаясь ни перед какими жертвами. А сделать это можно было только с применением прямого насилия. Крестьяне в этом плане уже не рассматривались, как равноправные граждане страны. На крестьян, поднявших своим трудом свои хо-

зайства, предполагалось уже смотреть не иначе, чем как на классового врага со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но в идеологических целях они назывались не крестьянами, а кулаками. То, что главные организаторы хлебозаготовок заранее предполагали недовольство крестьян при сдаче хлеба и это недовольство придётся подавлять силой, наиболее ясно видно из речи Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 года. "... Сторонники группы Бухарина, надеются убедить классового врага в том, чтобы он добровольно отрёкся от своих интересов и сдал бы нам добровольно свои хлебные излишки. Они надеются что кулак, который вырос, у которого есть возможность отыгрываться на других культурах и который прячет свои хлебные излишки, – надеются, что этот самый кулак даст нам свои хлебные излишки добровольно по нашим заготовительным ценам. Не с ума ли они сошли? Не ясно ли, что они не понимают механики классовой борьбы, не знают, что такое классы?"²⁰. То есть, организовывая своё наступление на крестьян, Сталин сразу нанёс два удара: по крестьянству, как экономической силе, стоявшей на его пути и по своим партийным соперникам, обвинив их в потере классовой бдительности.

Но, одно дело призывы к классовой бдительности и совсем иное – конкретная репрессивная политика в деревне, которая ничего общего не имела с классовой борьбой, ставшей простым пропагандистским термином, лишённым какого бы то бы ни было реального содержания, так как хлеб, а заодно и прочие ресурсы, выкачивались именно у "трудового крестьянства", интересы которого и была призвана защищать возводившаяся в абсолют, "классовая борьба". Главной целью кампании было получение средств любыми путями. Косвенно это подтверждается и исследованиями других сторон жизни советского общества первой половины 30-х годов²¹. Поэтому не случайно, что из Москвы, за подписью Сталина шли телеграммы с настойчивыми требованиями изъятия всех материальных ресурсов, будь то зерно или денежные

средства (см. Приложение 2) Как видно из документа речь шла о конфискации всего, что имело хоть какую-то ценность. В результате такого сбора во многих округах не хватало средств для вывоза хлеба, что требовало вмешательства краевых властей: "...в Благовещенском округе в хлебных пунктах сконцентрировалось полтора миллиона пудов хлеба, вагонов даётся мало, — начинается большое ощущение в недостатке тарифа... Просьба срочно сообщить в секретариат крайкома ВКП(б) какие приняты Вами меры по даче вагонов на ссыпные пункты"²².

Аналогичная ситуация складывалась и с поступлением финансовых средств. Процент поступивших средств значительно не добирал до плановых. Объём финансовых поступлений, полученный за время хлебозаготовительной кампании 1929 года по ДВК, виден из табл. № 4 (см. Приложение 22). Если принять во внимание, что практически все крестьяне, привлечённые за антисоветскую агитацию, в один голос утверждали, что выплатить все платежи они не в состоянии, то причина недобора вполне ясна. Плановые показатели учитывали все средства, которые может дать облагаемое налогом хозяйство, но совершенно игнорировали необходимость оставления средств не только на развитие хозяйства, но и на обыкновенное физическое существование его членов.

Подобная выкачка средств никак не обогащала деревню. Дальний Восток мог остаться вообще практически без хлеба. Поэтому, неудивительно, что к концу лета после непрерывной конфискации хлеба партийное руководство ДВК в лице секретаря Далькрайкома ВКП(б) Я.Б. Гамарника было вынуждено обратиться к центру за помощью. Помощь была выделена за счёт соседнего Восточно-Сибирского края. Но так как Сибири тоже необходимо было выполнять разнарядки по хлебозаготовкам, то эта помощь была единовременной, и не решала тех затруднений, которые возникли в дальневосточной деревне. А местным советам было разъяснено, чтобы они больше не рас-

считывали на помощь соседей и мало того продолжали сбор средств всеми мерами (см. Приложение 3). Критическое положение возникавшее в результате хлебозаготовок было прямым следствием нереальности поставленных их организаторами задач. Но, судя по переписке между различными ветвями власти, истинное положение дел ими просто игнорировалось²³.

Такое положение дел, когда требование властей о сдаче хлеба превышало все разумные пределы, не могло устраивать крестьян. Поэтому они шли на все возможные ухищрения, чтобы не сдавать хлеб. Поначалу это удавалось, но с каждым разом это становилось всё труднее и труднее. Когда прятать уже собранный хлеб стало невозможно, то крестьяне перешли к сокращению посевов и утайке их (в отличие от центральных регионов страны условия Дальнего Востока позволяли это сделать). Против этой элементарной, с экономической точки зрения, реакции на конфискационную политику, власти перешли к более суровым мерам и более сильному административному нажиму.

Главным инструментом против крестьян, прятавших свои хлебные запасы и утаивавших свои посевы в тайге, власти сделали судебную систему. "...Применение 107 ст. должно стать не только средством увеличения хлебозаготовок, но и средством организации против кулачества бедноты и середняка..."²⁴ – такие установки в период хлебозаготовительной кампании составляют большинство партийных директив. Кроме того, со страниц всех газет не сходят заголовки типа: "Кулака б1 статьёй!". Е.Н. Чернолуцкой в статье "Судебные репрессии на Дальнем Востоке в период хлебозаготовительной кампании 1929 – 1930 гг.", было выявлено применение судебной системы в хлебозаготовительную кампанию²⁵. К выводам автора надо будет добавить, что судебная система была главной силой, заставившей крестьянство сдать хлеб.

Так, крестьянин, утаивший хлеб от хлебозаготовительных органов

осуждался судом по статьям 61 и 107 УК РСФСР, как злостный спекулянт. Сроки по этим статьям предполагали срок наказания в виде лишения свободы до пяти лет. Но применение этих чрезвычайных мер, всё же, не дало ожидаемых результатов и не позволило властям собрать значительное количество хлеба. В 1928 году показатели по хлебозаготовкам были близки к плановым. В абсолютных цифрах эти показатели хорошо видны из бюллетеня Экономического Отдела Секретно-Оперативного Управления ПП ОГПУ ДВК, где о ходе хлебозаготовительной кампании 5 марта 1928 г. сообщалось, что "... выполнение плана основными заготовителями по Амурскому округу по данным окротдела ОГПУ на 20 февраля с. г. выражается в 72 % или 6.972.930 пуд. Неплановыми заготовителями заготовлено 111.878 пуд. Частниками с начала заготовок по 20 февраля заготовлено 1313 центнеров, что составляет 0,1 % в общих заготовках. По Владивостокскому округу на 1 февраля сего года основными гос. и кооп. заготовителями, по данным окротдела ОГПУ заготовлено 2.366.500 пуд., что составляет 77,3 % плана"²⁶. А в 1929 году положение осложнилось и в результате "абсолютные размеры хлебозаготовок обобществлённого сектора в итоге по пяти округам составят в 1928/9 г. всего около 41 % фактических хлебозаготовок 1927/8 г. это снижение идёт, главным образом, за счёт Амурского окр. (в абсолютных цифрах свыше 1,2 милл. центнеров или около 7,7 мил. пуд., т. е. почти в четыре раза меньше заготовок 1927/8 г.)"²⁷.

В табл. № 2 в сумме по всем зерновым (без гарнцевого сбора) приводятся данные о хлебозаготовительной кампании по обобществлённому сектору за период 1927/8 – 1928/9 гг.

Приведённые в таблице данные позволяют судить о неудовлетворительном выполнении плана хлебозаготовок. Наиболее удручающе выглядят данные по самому сельскохозяйственному Амурскому округу. 41 % сбора по краю может говорить только о том, что планы по хлебозаготовкам и интере-

Таблица № 2

Сравнительные данные по хлебозаготовкам зерновых обобществлённого сектора за 1927/8 – 1928/9 гг.

Округа	в тыс. центнеров		1928/29 г. в % 1927/28 г.
	1927/28 гг.	1928/29 гг.	
Читинский	52,3	52,0	100
Сретинский	66,5	11,9	18
Амурский	1741,2	480,7	28
Хабаровский	20,2	26,1	129
Владивостокский	532,3	423,0	80
Итого:	2412,5	993,7	41

Источник: Дальневосточное статистическое обозрение. – 1929. № 4 [55], С. 33.

сы крестьян были взаимоисключающими. Перевыполненные показатели по Хабаровскому округу достигались, скорее всего, за счёт того, что все краевые власти располагались в Хабаровске, и им было несколько легче контролировать деятельность нижестоящих органов власти в своём округе. А то, что большинство данных передавалось не хозяйственными органами, а через ПП ОГПУ, красноречиво говорит, что кампания хлебозаготовок была в большей степени политической кампанией, преследующей экономические цели. А подобная постановка вопроса всегда ставит на первое место поиск врагов и репрессивное подавление, а не экономическое процветание.

Разумеется, всю ответственность за недостатки в хлебозаготовительной кампании кроме крестьян разделяли и судьи, не организовавшие, по мнению центральных и краевых властей, должной борьбы с недатчиками хлеба. Как видно из приведённых данных, например, Амурский округ в 1928/29 гг. по

сравнению с прошлым годом, сдал всего 28% хлеба. Неудивительно, что прокурор ДВК П. Андреев обвинил Амурский окружной суд в том, что он не сумел выявить классового врага и заставить его сдать хлеб. В результате через краевую прокуратуру была направлена записка краевого прокурора об ужесточении приговоров по Амурскому округу²⁸, тем самым на Амурский окружной суд было оказано значительное давление, и все, с точки зрения Дальневосточного краевого суда, мягкие приговоры, были отменены. Жёсткие конфискационные меры позволили властям в дальнейшем наверстать упущенное.

Статистика выполнения годового 1929/30 гг. (всего по ДВК без гарнцевового сбора с бобами) плана хлебозаготовок т. е., на следующий сельскохозяйственный год среди всех крестьянских хозяйств (табл. № 3) выглядела более оптимистично.

Таблица № 3
Выполнение годового 1929/30 гг. плана хлебозаготовок.

Округа	% на 1/IV-29 г.	План в тыс. цент. на 1929/30 г.	Выполнено с на- чала кампании на 1/IV-30 г. тыс. цент.	% выпол- нения
Читинский	38,5	557,4	567,6	101,8
Сретинский	54,3	393,5	469,3	119,3
Амурский и Зейский	21,1	1027,8	788,1	76,7
Хабаровский	46,2	45,9	52,9	115,3
Владивостокский	45,4	1090,1	1195,1	109,6
Всего по ДВК	33	3114,7	3073	98,7

Источник: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 177. Л. 79.

Как видно из табл. № 3, данные за этот год были значительно лучше (более чем в два раза), но, тем не менее, самый сельскохозяйственный округ ДВК так же, как и в прошлом году, дал самый низкий процент сбора. Судя по плановым заданиям не достачу по Амурскому округу, было решено восполнить за счёт Владивостокского округа. И это удалось. Но и эти данные не удовлетворяли организаторов и не заставили сделать должных выводов об экономической бесперспективности хлебозаготовительной кампании. "План октябрьских заготовок целом по краю по существу сорван... Посевные планы до сих пор части районов не доведены до кулацкого двора..."²⁹ – жаловались на неисполнительность низового аппарата краевые руководители. Реакция на подобное положение дел была, так же как и раньше, только одна – усилить нажим на деревню. Партийное руководство, чтобы не быть обвинённым в либерализме по отношению к кулачеству, так как обстановка в центре всё более обострялась, было вынуждено разослать нижестоящим организациям строжайшие указания о недопустимости каких-либо отклонений от плановых заданий и привлечения к суду всех, кто не обеспечил достаточных показателей в деле хлебозаготовок. (см. Приложение 4). Казённый стиль документа ещё раз подтверждает, что цель кампании была только одна – получение максимального количества средств (финансовых, товарных и т. д.) в минимальные сроки.

Если обратиться к судебной статистике, то будет видно, что суды были перезагружены делами по хлебозаготовкам. Количество осуждённых по делам о хлебозаготовках превосходило все разумные пределы. Так, в обзоре работы судов в процессе кампании хлебозаготовок по Дальневосточному краевому комитету ВКП(б) приводились следующие данные, которые мы свели для удобства анализа данных в единую табл. № 5 (см. Приложение 23). Подавляющее большинство крестьян осуждено по 61 статье УК РСФСР. Аналогичные цифры приводятся Е.Н. Чернолуцкой³⁰.

Основными судебными репрессиями периода хлебозаготовительной кампании были репрессии против "экономических саботажников". Репрессии по политическим мотивам были реже, но также имели место и шли по нарастающей. "Всего за время заготовок за террор и контрреволюционные действия осуждено только по Амуру 154 человека, по Владивостокскому 25 и по Сретенскому 14. Причём, из общего количества осуждённых обращает внимание на себя относительно большое количество середняков и бедняков, по Амуру – 51 ..." ³¹. Количество осуждённых по террору значительно уступает осуждённым за не сдачу хлеба. Этот факт подтверждает, ещё раз что главной задачей кампании был не террор, а выкачка материальных ресурсов. И осуждение крестьянина как несдатчика по хлебозаготовкам более точно соответствовало этой цели.

Репрессии касались и низового советского аппарата. Именно местным руководителям приходилось расплачиваться за недоимки в хлебозаготовках. К ним, в основном, применялись меры, как к не обеспечившим налоговые поступления. Амурская область являлась основным сельскохозяйственным регионом ДВК. Поэтому от неё требовали наибольшей отдачи в плане хлебозаготовок. А так как её руководители не смогли выполнить всех требований по хлебозаготовкам, то и репрессии против них не замедлили применить судебные власти. "Так, например, в Амурском округе около 10 руководителей колхозов были осуждены за не сдачу гарнца" ³².

Многие крестьяне подавали апелляции против несправедливых приговоров. Суды были вынуждены их рассматривать. Многие приговоры были пересмотрены в пользу репрессированных крестьян. Особенное нареkanie в этом плане вызвал Амурский окружной суд со стороны краевого прокурора Андреева, подавшего протест в порядке надзора, как на действия судов Амурской области, так и на действия "троек по хлебозаготовкам" (см. Приложение 5) Но, к счастью для крестьян, в результате их сопротивления на-

сельскохозяйственной коллективизации к концу 1929 года, репрессивная политика ВКП(б) по отношению к крестьянству несколько ослабилась и, заслушав доклад о работе судебных органов Дальневосточного края в хлебозаготовительную кампанию 1929 – 1930 гг. (председатель дальневосточного краевого суда Уманский), Дальневосточный краевой суд в свете нового поворота политики партии оставил в силе большинство смягчённых приговоров, которые вызвали протест прокурора ДВК: "... 9. Считать что понимание и проведение Амурским окрсудом ст. 40 УК и 271 ГПК находилось в полном соответствии с классовым принципом и с постановлением Верховного суда от 8/XII-29 г. Поэтому необходимо отвести упреки крайпрокуратуры "о пренебрежительном отношении Амурского окрсуда к закону"...³³.

Однако смягчение части приговоров по хлебозаготовкам не означало отказа властей от дальнейшей политики давления на крестьянство и выкачивания у него всех возможных средств.

На данном этапе политических репрессий против крестьянства основную нагрузку по давлению на крестьянство несли суды, местные органы власти. Но их давление было явно недостаточным. Поэтому всё большее значение и вес приобретали органы ОГПУ с их внесудебной расправой над недовольными существующим режимом. В следующей за хлебозаготовительной кампанией – кампанией по раскулачиванию – их участие стало более широким.

Репрессивная политика, разумеется, била рикошетом и по тем, кто не был формально осуждён судом или постановлением троек. "С хорошей жизни в Ольгинском районе, в коммуне покончили жизнь самоубийством до 80 чел. коммунаров..."³⁴ – заявляли впоследствии свидетели хлебозаготовительной кампании.

Хлебозаготовительные репрессии были направлены против всех национальных слоёв деревни. Вторым по численности после восточнославян-

ского, крестьянским населением на Дальнем Востоке были корейцы. Против них была развёрнута точно такая же кампания:

"Зимой истекшего года хлебозаготовительными органами очень жестоко были проведены хлебозаготовки, в результате чего к весне у всего населения абсолютно не имеется продуктов питания. Корейский народ, который прибыл в Россию, считая её как благородной страной, теперь не зная, что делать, рассеивается по всем по всем местностям, неся мужчины на горбу, женщины на голове. Нельзя терпеть увидев это. При Хэткомунчанском сельсовете где я нахожусь, было свыше 300 хозяйств, но остались не больше 80 хозяйств, а остальные все разошлись. Пока неизвестно, если районные организации не будут отпускать продуктов питания, то останется 50 или 40 хозяйств. Угнетённому народу, куда бы он не пошёл, всегда будет такое же положение. Надо завоёвывать независимость (приводится по тексту документа – В.К.)"³⁵.

Хлебозаготовительная кампания со своими репрессивными методами настолько подрывала сельское хозяйство, что, например, во Владивостокском округе для успешного начала посевной пришлось прибегнуть к помощи ОГПУ, но уже не как к карательному органу, а как к источнику рабочей силы.. Вот выдержка из Протокола общего партийного собрания ячейки ВКП(б) № 49 при Владокротделе ОГПУ от 13 февраля 1929 г. "В заключительном слове т. Берман (с 1928 по 1929 гг. начальник Владивостокского ОКР ОГПУ с 1932 по 1938 гг. начальник ГУЛАГа НКВД СССР) остановился ещё на перспективе будущего урожая, о проведении посевной кампании о помощи, которой должны оказать в этом даже сотрудники ОГПУ"³⁶.

Вторым репрессивным шагом в хлебозаготовительной кампании был диктат в области развития отраслей сельского хозяйства и урезания крестьянских наделов³⁷. Крестьянин, образовывая своё хозяйство, не предполагал, что он работает на общую экономику страны, а работал только для себя так,

как он привык с детства. И, разумеется, не мог положительно относиться к любым резким изменениям в своём хозяйстве. Тем более, если ему указывали люди, никогда не работавшие раньше на селе. Появление, так называемых, "двадцатипятидесятников" вызывало резкое недовольство многих крестьян³⁸. Навязывание крестьянам только определённых, сельскохозяйственных показателей преследовало две цели. Во-первых, психологическую – дать крестьянам понять, кто в стране хозяин. Во-вторых, экономическую, чтобы получить наибольшее количество наиболее выгодных для экспорта сельскохозяйственных культур.

Таким образом, жизнь и благополучие крестьян не представляли собой для партийного руководства той ценности (в отличие от собственной власти и исповедуемых ими идеологических догматов), которую следовало ставить на первое место при принятии всех решений.

Вся хлебозаготовительная кампания носила конфискационный характер и никак не стимулировала дальнейшее развитие крестьянских хозяйств. Но, судя по дальнейшим действиям властей, направленным на ещё большее обострение возникшей ситуации, экономическое развитие единоличных хозяйств и вовсе не предполагалось. Кооперативы и единоличные хозяйства не выполнили, с точки зрения радикально настроенных идеологов коммунистического строительства, основной задачи: в короткие сроки государству не было поставлено то количество сельхозпродукции, которое обеспечило финансовый прорыв в создании мощной индустриальной базы. Поэтому был предпринят следующий шаг, продолживший репрессивную политику против крестьянства, но превосходивший все другие виды репрессий по своим масштабам – раскулачивание.

После того как политика хлебозаготовок не увенчалась успехом, власти не сделали из этого должного вывода и вместо возврата к экономическим рычагам перешли к более агрессивной политике. Непосредственное изъятие

хлеба с использованием 107 и 61 статей УК РСФСР заменяется полной конфискацией имущества и выселением крестьянских семей за пределы села или края в зависимости от категории, к которой были причислены выселяемые семьи.

К концу 1929 года стало ясно, что судебная система, в том виде, в каком она тогда существовала, не в состоянии сломить упорство не желавших сдавать свой хлеб крестьян. Да, судебная система СССР исправно раскручивала маховик репрессий против крестьянства, но в судебной системе, в силу её специфики, были заложены основы, позволявшие крестьянам, как, впрочем, и другим гражданам, сопротивляться произволу властей. Так, любой осуждённый судом крестьянин мог подавать апелляцию на решение суда, как на не законное. Правда, пользовались этим правом далеко не все крестьяне, но и те, которые использовали ту же судебную систему для защиты своих прав, представляли серьёзную помеху массовости репрессий. В определённой степени бюрократическая система позволяла крестьянину использовать её в качестве защиты. Ведь центральные власти не могли при всём желании решать судьбу каждого крестьянина в отдельности. Поэтому исполнение конкретных задач ложилось на местные власти. При этом без их ведома никакие вопросы не решались. Бюрократический закон "начальник не тот, кто выше, а тот, кто ближе" в какой-то мере спас многих крестьян. На этот парадокс системы обращает внимание израильский учёный М. Левин, говоря о сложности выполнения директив центра, минуя непосредственное начальство³⁹. Всё это приводило организаторов репрессий к мысли о сложности использования, существовавшей к 1930 году судебной системы в качестве инструмента репрессивного аппарата. Поэтому не случаен переход к внесудебной расправе, где невозможна подача апелляции. Такой подход к ускорению вынесения приговора и осуждения в административном порядке (от заключения до расстрела) и, фактически, введение судопроизводства по законам

военного времени в прифронтовой полосе начинались сразу после революции и были особенно характерны для периода Гражданской войны, но за время НЭПа они несколько ослабли. Для ускорения конфискации средств производства у крестьянства и приведение его в зависимое от государства положение подход к определению вины по принципу "революционной целесообразности" был наиболее удобен. Поэтому неудивительно, что во взаимоотношениях крестьянства, не желавшего расставаться со своим имуществом и государства, в лице непримиримо настроенных к единоличникам-крестьянам руководителей, произошёл перелом. И власти перешли к более суровым и жестоким террористическим методам гражданской войны. Так как главным объектом репрессий к 1930 году были крестьяне, то, фактически, были применены репрессии не по личной ответственности каждого, а по принадлежности к определённой группе. И, таким образом, стоявшие у власти сторонники тотального контроля над обществом начали новую кампанию, но отличавшуюся от предыдущей тем, что она стала первым крупным политическим наступлением на крестьянство.

1929 год для отечественной истории действительно оказался "годом великого перелома". Так, после неудавшейся в экономическом плане хлебозаготовительной кампании перелом произошёл не только в деревне, но и, что пожалуй важнее, в руководстве ВКП(б). На объединённом Пленуме ЦК и ЦКК и XVI партийной конференции в апреле 1929 года Н.И. Бухарин и М.П. Томский были подвергнуты резкой критике и сняты с руководящих должностей. А уже на ноябрьском Пленуме Н.И. Бухарин был выведен из состава Политбюро ЦК. Таким образом, наиболее агрессивно настроенная к крестьянству группа Сталина окончательно оттеснила от власти своих менее удачливых соперников. Теперь уже от мнения этой группы зависело, какую идеологическую политику проводить на селе. И 5 января 1930 года ЦК ВКП(б) принимает постановление "О темпе коллективизации и мерах помощи госу-

дарства колхозному строительству", положившее начало новой войны с крестьянством, но уже в больших масштабах и с большей жестокостью. Опираясь на это постановление, 21 января 1930 года, Сталин выступает со статьёй "К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса". В этой статье кулачество объявлялась подлежащим уничтожению в своей основе. "Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития (свободное пользование землёй, орудия производства, аренда права найма труда и т. д.). Это и есть поворот к политике ликвидации кулачества как класса"⁴⁰. Такая непримиримая позиция фактически определила ту идеологическую направленность, в свете которой и предстояло действовать всем государственным структурам. А после выступления Сталина все государственные институты не замедлили выпустить соответствующие постановления. Одно дело идеологические заклинания и совсем другое их выполнение. Раскулачивание являлось политико-юридическим инструментом насильственной коллективизации деревни и требовало соответствующих приказов. Первыми легли в юридическую основу, узаконившую расправу над крестьянством, два документа. Это Постановление ЦИК и СНК СССР "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством" и Приказ ОГПУ № 4421, содержащий указание о практическом применении этого постановления, подписанный вместо почти недееспособного председателя ОГПУ В.Р. Менжинского его заместителем Г.Г. Ягодой. Эти документы появились на свет через десять дней после статьи Сталина 1 и 2 февраля 1930 года, соответственно. Но, если Постановление ЦИК и СНК СССР являлось скорее политической декларацией, узаконивавшей репрессии в отношении крестьянства, то приказ ОГПУ, будучи подзаконным актом, и, разумеется, не публиковавшийся, являлся главным инструментом для проведения репрессий против

крестьянства. Этот приказ предполагал, в частности, следующее:

"Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих к[онтр].-р[еволюционных]. и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных махровых одиночек. (Первая категория).

Массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (б[ывших]. помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которого формируется к[онтр].-р[еволюционный]. актив, кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов) и из семейств в отдалённые северные районы СССР и конфискация их имущества. (Вторая категория)"⁴¹.

Проведение такой масштабной акции было довольно рискованным мероприятием, грозившим перерасти в крестьянскую войну. Поэтому основную роль в раскулачивании играли органы ОГПУ, как наиболее лояльная к режиму государственная структура, готовая выполнить любой приказ. До проведения "Большого Террора" у ВКП(б) ещё не было возможности тотального контроля для использования всех имеющихся в наличии вооружённых сил. Неслучайно в данном приказе прямо говорилось о недоверии к армии при проведении раскулачивания и выселения крестьян:

"При ПП ОГПУ. На случай возможных осложнений, обеспечить чекистско-военный резерв. В распоряжение Окротделов ОГПУ, особенно в районах наиболее угрожаемых (в смысле возможных осложнений), организовать маневренные группы из частей ОГПУ.

Части Красной Армии к операции ни в коем случае не привлекать. Использование их допускать только в крайних случаях, при возникновении восстания, по согласованию с Краевыми организациями и РВС – ПП ОГПУ организовывать там, где недостаточно частей войск ОГПУ, в скрытом виде войсковые группы из надёжных, профильтрованных Особорганами ОГПУ

частей Красной армии"⁴².

Третьим из основных документов определявшим порядок раскулачивания стала секретная инструкция ЦИК'ам и Совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам от 4 февраля 1930 года, "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства", подписанная Председателями ЦИК и СНК СССР М.И. Калининым и А.И. Рыковым, и секретарём ЦИК СССР А.С. Енукидзе и спущенная для исполнения всем руководителям краёв и областей⁴³. Эта инструкция состояла из трёх частей: 1) Выселение и расселение кулаков, 2) Конфискация имущества у кулаков, 3) Порядок расселения кулацких хозяйств. В частности этим (как и приказ по ОГПУ № 4421) нормативным документом предусматривалось, что при фактической депортации "вся организация доставки и сама доставка кулаков в отдалённые местности Союза ССР возлагается на ОГПУ. Выселение кулаков в отдалённые районы данного края возлагается на краевые (областные) исполкомы. Расселение кулаков в пределах данного района возлагается на окружные и районные исполкомы"⁴⁴. Но значительная часть документа посвящена порядку конфискации имущества и его использования:

"... 5. В районах сплошной коллективизации конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия производственные и торговые, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также и наличные деньги.

6. При конфискации у кулаков имущества им должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые простейшие средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов.

При конфискации наличных денег у кулаков им оставляется некоторая

минимальная сумма (до 500 рублей на семью), необходимая для переезда и устройства на новом месте.

... 7. Сберегательные книжки и облигации государственных займов отбираются у всех кулаков и заносятся в опись с выдачей расписки о направлении их на хранение в соответствующие органы НКФина. Всякая выдача кулацким хозяйствам их вкладов в сберегательные кассы, а также выдача ссуд под залог облигаций в районах сплошной коллективизации, безусловно, прекращается"⁴⁵.

Как видно из приведённого отрывка документа, подобный порядок конфискации ставил крестьян на грань физического выживания, что ещё раз подтверждает, что осуществлялась не столько ликвидация класса, сколько ликвидация людей. Тем более, что даже наличие кооперативного хозяйства, за создание которых так ратовали организаторы коллективизации, не спасало от раскулачивания. Достаточно этому кооперативу было иметь значительное имущество, как его члены автоматически попадали в разряд кулаков. Поэтому данная инструкция предписывала: "Паи и вклады всех кулаков в кооперативные объединения передаются в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а владельцы исключаются из всех видов кооперации"⁴⁶.

На основании этой инструкции Президиум Дальневосточного краевого исполнительного комитета издаёт 18 февраля 1931 года секретное постановление "О внутрикраевом расселении кулаков" (см. Приложение 6). Этот документ определял порядок репрессий по отношению к причисленным к кулакам всем трём категориям.

Из правительственных постановлений по раскулачиванию видно, что репрессии против крестьян были развёрнуты хоть и без широкого привлечения армии, но как крупномасштабная военная акция. Эти репрессии в отличие от репрессий последующего периода "Большого Террора" не были оформлены судом или его суррогатом в виде судебной тройки или Особого

совещания ОГПУ, НКВД. Хотя сама принадлежность к кулачеству и определялась специальной тройкой по раскулачиванию, тем не менее, решением этой тройки не затрагивался такой основной для любого осуждения момент, как персональное обвинение за какое-либо действие, сопряжённое с нарушением того или иного закона или даже обвинение за несовершенное преступление. В данном случае крестьяне репрессировались не в индивидуальном, а в массовом порядке, то есть, их вину составляла простая принадлежность к определённой социальной группе. Поэтому не будет преувеличением сказать, что основной целью репрессивной политики по средствам раскулачивания было полное политическое подчинение крестьянства. Фактически, для достижения этой цели местным органам власти и войскам ОГПУ предписывалось лишить всех самостоятельных хозяев, какой бы то ни было экономической независимости и низвести их социальный статус до положения граждан второго сорта.

Выселяемых крестьян предполагалось сконцентрировать в наименее обжитых районах страны в специально для этого созданных спецпосёлках или трудпосёлках. Положение о спецпосёлках утверждается только в июле 1931 г. Постановлением СНК СССР "Об устройстве спецпереселенцев", т. е. через полтора года их существования. И только в 1933 году выходят "Правила учёта в местах отправления и в пути следования высланного кулачества и заключённых, направляемых в трудпосёлки ОГПУ" утверждённые приказом по ОГПУ № 042, регламентирующие порядок высылки кулаков в спецпосёлки⁴⁷. Этот документ расписывает порядок учёта высылаемых кулаков наравне с этапирруемыми уголовниками, что подтверждает мнение о том, что крестьяне, причисленные к кулакам не рассматривались как полноправные граждане. Весь текст документа свидетельствует о том, что высланных предполагалось использовать как дешёвую рабочую силу. В частности пп. I и II раздела А (учёт в местах отправления), предполагали в первую очередь сбор данных

о наличии квалифицированной рабочей силы, для её дальнейшей эксплуатации⁴⁸.

При высылке возникала и такая проблема. Если крестьянин выселялся не как раскулаченный, а как осуждённый по статье УК, то его выселяли, несмотря на указание в приговоре отдельно от семьи. Это создавало определённые трудности при использовании высланных, как рабочей силы. Поэтому 20/21 октября (так в документе) 1931 года выходит циркуляр ОГПУ № 337/1 предписывающий соединение раздельно высланных семей и их глав (см. Приложение 7).

За последнее время отечественными историками было сделано довольно много для изучения такого явления периода 1930-х годов, как спецпосёлки, в частности, ими были опубликованы ранее неизвестные документы по данной проблеме⁴⁹. Суммируя же выводы, сделанные при изучении спецпосёлков исследователями, как на материалах центральных областей⁵⁰, так и на материалах Дальнего Востока⁵¹ мы согласимся с тем, что спецпосёлки являлись слегка закамуфлированным местом заключения. При этом, положение в посёлках было таково, что на это было обращено внимание центральных властей. И в результате тяжёлые условия, несоответствующие никаким нормам, существовавшие в спецпосёлках, были признаны имевшими место комиссией Андреева, в которую входили также Зам. Пред. ОГПУ Г.Г. Ягода, начальник ГУЛАГа ОГПУ М.Д. Берман, секретарь ЦК ВКП(б) П.П. Постышев. Выводы этой комиссии легли в основу Постановления "О спецпоселенцах". Главным аргументом для подчинения спецпосёлков ОГПУ стали именно тяжёлые условия жизни в них⁵². Но, даже через год после этой передачи положение не улучшилось, что и пришлось констатировать народному комиссару юстиции Н.В. Крыленко в своей записке, поданной им во фракцию ВКП(б) ВЦИК⁵³.

Находящийся в таком спецпосёлке крестьянин приравнивался по своим правам к заключённому, хотя какого-либо преступления он не совершал и за-

ключённым не числился. При самом счастливом стечении обстоятельств (т. е. при благожелательном отношении со стороны администрации спецпосёлка) он должен был отбыть в спецпосёлке 5 лет. Этот порядок оговаривал VI (особое решение) пункт Постановления: "Если данный спецпереселенец выполняет все постановления Сов. Власти, ведёт себя как честный работник, то по истечении 5-летнего срока с момента переселения он получает право голоса и все гражданские права"⁵⁴. Фактически же ограничения с жителей спецпосёлков были сняты только в 1947 году.

Все методы проведения раскулачивания проходили по двум направлениям и сводились к следующему:

Во-первых, это принудительное выселение. Крестьяне, причисленные к кулакам, подлежащим выселению, делились на три категории. Категории устанавливались больше в силу их политической активности, чем в силу их имущественного положения. Первая категория выселялась за пределы края в необжитые районы страны вдали от государственной границы, вторая выселялась за пределы своего округа в наименее освоенные районы края. И третья категория выселялась за пределы района. Списки выселяемых кулаков постоянно пополнялись и уточнялись. 16 июня 1931 года, уже после высылки значительного числа крестьян, причисленных к кулакам в Александровском районе Амурской области утверждается дополнительный список выселяемых кулаков на 43 хозяйства⁵⁵. А через месяц в августе Александровский РИК составил ещё один дополнительный список кулаков в 190 семей (1250 человек). Из которых в ПП ОГПУ ДВК утвердили к немедленной высылке 174 семьи⁵⁶.

Во-вторых, конфискация имущества. Она производилась без учёта категорий. Но здесь местные власти имели широкую возможность для того, чтобы усилить или наоборот уменьшить конфискационную направленность раскулачивания в зависимости от политической конъюнктуры. Описи имущества составлялись так же небрежно, как и списки кулаков. Невысокий

процент положительных ответов архивов на запросы о восстановлении имущественных прав раскулаченных ещё раз подтверждает это. Основное имущество составляли сельскохозяйственные постройки и рабочий скот. Всё конфискованное имущество (кроме оружия) поступало в распоряжение колхозов, организуемых на месте⁵⁷. Но значительная часть имущества растворялась среди исполнителей раскулачивания. Этот факт был использован не только для проведения репрессий среди низового уровня советов, но и главным образом, чтобы направить недовольство раскулачиваемых на непосредственных исполнителей и отвести его от организаторов, что и удалось сделать⁵⁸. Конфискационная политика раскулачивания позволила расколоть деревню и провести раскулачивание без вооружённого сопротивления всей деревни. Все финансовые средства согласно распоряжению Народного комиссара финансов РСФСР И.П. Брюханова и Зам. Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды аккумулировались и переходили в распоряжение НКФ⁵⁹. Вместе с распоряжением шла инструкция по ликвидации финансовых взаимоотношений с кулачеством в районах сплошной коллективизации и о зачислении финансов на особый текущий счёт НКФ Союза ССР № 15182 в Госбанке с прекращением выплаты страховых премий по всем видам и т. д.⁶⁰.

Хотя в документах по раскулачиванию и говорилось, что репрессиям должны подвергнуться исключительно кулаки, не было никаких критериев определения этой категории лиц, кроме личных мнений членов троек по раскулачиванию. Проблема сложности определения социального статуса в СССР отмечалась не только в отечественной исторической литературе, но и в работах зарубежных авторов, изучающих историю Советского Союза. В частности американская исследовательница Ш. Фицпатрик обратила внимание на сложности в определении не только кулачества, но и других социальных групп, правда в своей работе она называет эти группы классами⁶¹. Но, даже если критерии кулачества были бы более чёткими, тем не менее, сама при-

надлежность к кулачеству никак не оправдывала тех репрессий, которые на него обрушились. Применение такого критерия, как наличие частной собственности и систематическое применение наёмного труда в отношении дальневосточного крестьянства было настолько расширенным, что подводило под понятие кулака большинство крестьян, что признавалось даже партийными органами. "Многие середняки и даже бедняки попадали сначала в зажиточные, а потом и в кулаки. Процент кулаков в некоторых сёлах возрос до... сорока"⁶². Рассматривая экономическую структуру дальневосточной деревни, мы приходим к выводу, что понятие кулака и середняка было в основном условным. Саму же конфискацию имущества крестьян, причисленных к кулакам, и ссылку их с семьями в необжитые районы, нужно рассматривать, как репрессии именно против крестьянства, так как те, кто не попадал под высылку как кулак, не имел никаких гарантий, что завтра его не объявят кулаком и не отправят вслед за раскулаченным соседом. Очень многие крестьяне, недовольные раскулачиванием, подавали заявления во всевозможные инстанции с жалобами на необоснованное раскулачивание. По материалам РИ-Ков, содержащим группы документов с расследованием по таким жалобам, хорошо видно всю условность причисления к кулакам. Все основные показания о признаках кулацкого хозяйства базируются на личных симпатиях и антипатиях жителей села, дававших эти показания. Причём прямо противоположные. Так, например, если крестьяне брали к себе бедных родственников по различным причинам, то это представлялось или как жестокая эксплуатация или как приём на иждивение сирот или инвалидов — опять же в зависимости от личного отношения к той семье, о которой давали показания. Вот, в частности, показания крестьян села Хмыловка Будёновского района Владивостокского округа (цитируется по тексту документа): "Всё время содержали батрака по фамилии ТРУШ ... до 1925 г. держали в своём хозяйстве батрачку Максименко Ульяну, затем выгнали её из дома"⁶³, и вот показания прямо

противоположные: "... Знаю, что в наше с. Хмыловку 1927 г. прибыл старик инвалид, калека больной водянкой, с бельмом на глазу. Этот старик житель Украины был на ссылке, на каторжных работах, ходил беспризорно. Кузьменко Спиридон Карпович, отец Кузьменко Филиппа и Александра принял этого старика Труш Егория как изживенца докармливать до самой смерти, которого он после смерти похоронил его. Считаю совершенно неверным приписывание его батраком у Кузьменко Спиридона, т-как он был [у] них как член семьи. Взятый на изживание Кузьменко Спиридоном Карповичем, что и подтверждаю. ... [мы] ниже подписавшиеся колхозники села Хмыловки Будёновского района даём настоящую справку в том, что зная жившую в 1919 году по 1921 год у Кузьменко Спиридона девятилетнюю девочку Ульяну Максименко, что они её одевали учили и кормили в течении трёх лет и работы у них не вила по её малолетности. Узята была девочка Кузьменкой по просьбе её брата Максименко М. и сестры её Елены Анистратенко, так как её не хотел ни кто воспитывать по её малолетности: в чём подтверждаем своими подписями Анистратенко Е. Клим Ключко"⁶⁴. Подобные противоречивые показания в делах раскулаченных крестьян, подававших жалобы на неправомерное раскулачивание, встречаются довольно часто. Но в этих показаниях встречается и такая закономерность: показания тех, кто утверждал, что хозяйство носило эксплуататорский характер и жило за счёт чужого труда, неконкретны и расплывчаты и носят более общий характер. Показания же тех, кто считал, что раскулачивание не обосновано, более конкретны и точны.

Все эти субъективные факторы давали широкие возможности для злоупотреблений в личных целях. Это, в свою очередь, ещё больше накаляло обстановку в деревне. Но в то же время такое нагнетание напряжённой обстановки давало возможность центральным властям маневрировать и отводить все обвинения в свой адрес, просто переводя стрелки на прямых исполнителей. То, что власти опасались крестьянской войны, говорит тот факт, что в

конце февраля – начале марта 1930 гг. практически все РИКи в ДВК рассылают инструкцию предписывающую приостановить высылку кулаков⁶⁵. То, что партийные и советские органы всерьёз готовились к военному противостоянию, так же показывает и их переписка. В частности телеграмма от Зейского окружкома ВКП(б) через ПП ОГПУ направленная в Крайком ВКП(б) (см. Приложение 8) отражает фактически паническое состояние местных властей, которым непосредственно приходилось сталкиваться с недовольством крестьян.

Уже через месяц после начала кампании по раскулачиванию 2 марта 1930 года в "Правде" публикуется статья Сталина "Головокружение от успехов", где вся ответственность за негативные последствия переносится на местных исполнителей. От них действительно зависело очень много, но только не определение общей политики на селе. Судя по тем последствиям, которые имела эта статья Сталина, можно сделать вывод, что она была направлена не на защиту крестьян от необоснованного раскулачивания и так называемых перегибов, а против местных властей, чтобы сделать их зависимыми, только от центра, что было не понято ими: "... на Завитинской районной конференции раздавались голоса: "зачем Сталин написал свою статью в газете, не лучше ли было написать по этому поводу секретный циркуляр"⁶⁶. Местные руководители считали, что они честно выполнили приказ о коллективизации, а теперь недоумевали, почему их за это разносят в главной партийной газете. Действительно, репрессии касались не только непосредственно крестьян, работавших на земле и не участвовавших в управлении, но и низового, состоявшего из тех же крестьян, управленческого аппарата. Чтобы приучить местные Советы к беспрекословному повиновению, значительные усилия были направлены на приспособление избирательного закона. В частности, такую задачу выполняло Циркулярное Постановление Президиума ЦИК СССР от 31 января 1930 г. "О досрочных перевыборах сельских советов и районных

исполнительных комитетов": "В своём постановлении от 25 января 1930 г. о новых задачах советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией в деревне Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР указал, что сельский совет, не ставший во главе колхозного движения, отстающий от темпов социалистического преобразования деревни, не умеющий организовать бедняцко-батрацкие массы – такой сельский совет подлежит немедленному переизбранию"⁶⁷. Это создавало не положение сменяемости кадров, в зависимости от их качества, что является необходимостью для любой управленческой структуры, а текучесть кадров, рождающую временщиков со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Вот характерные данные этой текучки кадров:

"За время после перевыборов Советов 31 г., т.е. за 1 г. и 3 м-ца в 45 районах края сменилось 48 пред. РИКов или 106 % не было смен пред. РИКов только в 14 районах... За 2-е полугодие 31 г., сменилось председателей с/советов: по Ханкайскому району – 84 %, по Зейскому – 68 %. А по Гродековскому району, имеющему 17 сельсоветов, за 2-е полугодие было 25 смен пред. с/советов т.е. – 147 % из них 18 чел. снято, как не справившиеся с работой и 16 чел. объявлены выговора и поставлено на "вид". Шкотовский РИК в одном заседании от 4/1 – снял с работы 4 председателей и секретарей с/с с привлечением к суду..."⁶⁸.

К концу кампании по раскулачиванию, т. е. к 1933 году, значительный процент раскулачиваемых крестьян стали составлять бывшие председатели колхозов, сельсоветов и других руководящих структур низового уровня. Причём, эта категория крестьян сама являлась исполнителем раскулачивания на начальном этапе. Кроме того, они возглавляли и организовывали колхозное строительство. Но к концу кампании они уже "сделали своё дело" и всю вину за её негативные последствия центральные власти перекладывали на этих рядовых исполнителей. Такая политика по отношению к конкретным

исполнителям политики коллективизации и раскулачивания производила эффект "выпуска пара" и в определённой степени снимала накал страстей в деревне, эффект вполне достаточный, чтобы нейтрализовать агрессию крестьян, недовольных изменениями, произошедшими в деревне. Предшествовало раскулачиванию таких крестьян, исключение из колхоза, при этом все обвинения сводились в основном к расплывчатым политическим формулировкам о недостаточной бдительности во время раскулачивания. Кроме того, исключаемым припоминались все злоупотребления властью при коллективизации, которые преподносились в диапазоне от простой бесхозяйственности до кулацкого террора в зависимости от политической конъюнктуры момента. Тогда как при раскулачивании на эти моменты смотрели сквозь пальцы⁶⁹. Не удивительно, что практически все документы об исключении из колхоза имеют аналогичное содержание и не отличаются разнообразием.

Поиск виновных в плохом состоянии сельского хозяйства начался сразу после начала раскулачивания. Так, уже 14 марта 1930 года ЦК ВКП(б) принимает постановление "О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении". В этом постановлении ещё раз подчёркивается, что во всех несправедливостях при раскулачивании виновны нерадивые исполнители. А линия партии на раскулачивание верна и не подлежит обсуждению. "ЦК считает, что все эти искривления являются результатом прямого нарушения политики партии, прямого нарушения постановлений руководящих органов нашей партии, могущего лишь создать почву для усиления правых элементов партии"⁷⁰. Такая, казалось бы, несложная постановка вопроса, однако она дала значительные положительные результаты для организаторов раскулачивания. В результате этого постановления были достигнуты две цели необходимые для успешного завершения раскулачивания. Во-первых, крестьянство было расколото. Те, кто не был раскулачен, не поддерживали раскулачиваемых братьев по классу, и мало того, усердно помогали в этом рас-

кулачивании. Высылка кулаков второй и третьей категорий прямо возлагалась на крестьян тех же сёл и деревень⁷¹. Причём речь шла не только о том, что колхозники должны решить, кто подлежит высылке, но и сами осуществить её. Пункт 8 инструкции уполномоченным по выселению кулаков прямо предписывал: "для сопровождения выселяемых кулаков организовать конвой из надёжных колхозников..."⁷². То есть крестьян удалось стравить между собой. Но и раскулаченная часть крестьянства также не представляла собой единого целого. Идеологическая пропаганда сумела внедрить в сознание многих крестьян идею о том, что именно его раскулачили неправильно, а остальные – это кулаки и враги советской власти. Правда, такие люди не представляли собой большинства, но и этого было вполне достаточно, чтобы расколоть крестьянство. Во-вторых, местные органы власти перестали представлять интересы крестьянства. Они сделались полностью зависимыми только от вышестоящего руководства. Достижение этих двух целей позволяло уже не опасаться крестьянской войны. Разрозненные крестьяне, к тому же лишённые не только экономической силы, но и какой бы то ни было поддержки в городе (армии или иных государственных структурах), не представляли серьёзной угрозы для существующего режима.

Но снятием с постов руководителей низового уровня дело не ограничивалось. Следующими на очереди были краевые руководители. Для этого из Москвы высылались специальные бригады, сформированные из представителей народного комиссариата земледелия. В их задачу входило найти и устранить все имевшие место недостатки и перегибы в раскулачивании. В результате обследования работы руководства ДВК в сельском хозяйстве московские эмиссары в лице руководителя бригады наркомзема РСФСР И.И. Баранова, докладывали в центр:

"Ознакомившись с состоянием сельского хозяйства и выполнением директив Партии и Правительства по ДВК краю бригада НКЗема РСФСР считает

необходимым довести до сведения ЦК ВКП(б) о следующем:... Ошибки и извращения произошли в основном из недооценки классовой борьбы в деревне, из преуменьшения право-опортунистической опасности и выразилось ...в принудительном изъятии у середняцких хозяйств в период хлебозаготовок не только хлебных излишков, но продовольственных и семенных запасов с применением к ним мер воздействия, предназначенных кулачеству..."⁷³.

В результате со своего поста оказалось снятым партийное руководство ДВК, но с несколько смягчённой формулировкой, по сравнению с формулировками времён "Большого Террора". Вместо С.Л. Бергавинова., возглавлявшего дальневосточную краевую партийную организацию, был назначен Л.И. Лаврентьев (Картвелишвили).

Подобные обследования регионов с оргвыводами стали главным оружием против местных руководителей и достигли своего апогея в 1938 году с приездом на Дальний Восток заместителя наркома НКВД М.П. Фриновского, помощника Военного прокурора Главной Военной Прокуратуры и выездной Сессий Военной Коллегии Верховного Суда СССР во главе с И.Т. Никитченко.

"Борьба с перегибами" решила главную из возложенных на неё задач. Значительное количество непосредственных проводников и исполнителей политики раскулачивания было снято и осуждено и как "замаскированные кулаки" и как "левые перегибщики", но сама эта вновь установленная система отношений власти и деревни осталась неизменной. Все соображения о том, что высылка крестьян, не совершивших какого-либо преступления, из села, являлась не только, говоря современным термином нарушением прав человека, но и экономическим абсурдом, организаторами и вдохновителями не принимались в расчёт, несмотря на все факты, подтверждавшие недопустимость раскулачивания. Политический расклад в руководстве ВКП(б) был уже таков, что противники насильственных мер в деревне практически не иг-

рали какой-либо роли в органах власти и партии и уже не могли повлиять на ход событий. Дежурные осуждения перегибов уже не имели особого значения и никак не могли перерасти в отрицание самой политики раскулачивания, так как все относительно умеренно настроенные круги в партии были лишены серьёзного влияния. Поэтому рапорты об успехах раскулачивания не означали его завершения. С особенной наглядностью это показал XVI съезд ВКП(б). Он проходил как раз во время продолжения кампании по выселению кулаков с 26 июня по 13 июля 1930 года и одобрил все мероприятия, связанные с репрессиями против крестьянства.

Чтобы не доводить до массовых открытых выступлений крестьян, могущих действительно создать властям серьёзные проблемы, если вообще не перерасти в открытую крестьянскую войну (особенно это касалось юга Дальнего Востока с его приграничным положением и опасением властей о скором начале войны на Дальнем Востоке, которую, кстати, многие крестьяне ждали, как избавление от репрессий)⁷⁴, руководство ВКП(б) выпускает ряд постановлений и инструкций, предписывающих не подвергать раскулачиванию и высылке некоторые категории крестьян. В частности, высылке не подлежали члены семей красноармейцев и командного состава РККА. Это объяснялось прежде всего тем, что недовольство политикой раскулачивания начинало проникать и в армию, а это грозило повторением событий 1921 года, когда в ответ на политику продразверстки начались волнения и в армии и на флоте. Выход же ситуации из-под контроля был вполне реален и для центральных властей наиболее опасен. Причём, недовольства не просто появились, но и имели тенденцию к ускоренному росту, о чём Особый отдел ОКДВА докладывал своему руководству в "краткой спецзаписке о политико-моральном состоянии частей ОКДВА", где в частности сообщалось, что ими было зарегистрировано в январе 1932 года 2492 отрицательных высказывания и 13 угроз начсоставу; в феврале 2556 и 24; в марте 3842 и 70; апреле 4303 и 89 соответ-

ственно⁷⁵.

Неприменение раскулачивания к семьям красноармейцев позволило нейтрализовать армию и исключить её из потенциальных противников проводимого в деревне курса на коллективизацию. Кроме того, силы высланных кулаков предполагалось использовать на тяжёлых, требующих сильных и работоспособных людей, работах. А это, в свою очередь, делало бессмысленным высылку кулацких семей с нетрудоспособными членами и семей, чьи главы находились в отсутствии. Мало того, высылка таких семей только создавала лишние проблемы, как политического, так и организационно-экономического характера. Поэтому выходит инструкция, предписывающая недопустимость выселения семей без трудоспособных членов⁷⁶. Эти предписания ограничивающие число подлежащих высылке крестьян несколько разгрузили спецпосёлки и снизили недовольство деревни. Но, тем не менее, поток выселяемых кулаков был столь велик, что к концу раскулачивания места заключения и высылки кулаков оказались переполнены и стали больше требовать средств на их содержание. Поэтому властям приходилось отказываться от финансирования устройства выселенных кулаков до посевной кампании⁷⁷. По проектам же их организаторов, спецпосёлки должны были давать прибыль. Кроме того, потоки кулаков выселяемых по второй и третьей категориям пересекались с потоками семей красноармейцев-переселенцев на ДВК. В результате возникали конфликты. О подобных конфликтах указывалось в политдонесениях о положении переселенцев на ДВК⁷⁸. Особенные проблемы возникают с расселением кулаков третьей категории. В частности в Государственном архиве Амурской области сохранилась карта-схема расселения кулаков III категории Александровского района Амурской области за 1930 г. (Карта-схема № 1) Участок, на котором предполагалось расселить кулаков, вызвал споры между Краевым земельным управлением и Александровским РИКом. Спор был решён в пользу расселения кулаков именно на

этом участке. Документы отражающие внутрикраевое расселение чрезвычайно редки. На плохое документальное оформление раскулачивания обратили внимание ещё сами организаторы и исполнители раскулачивания⁷⁹. Но, изменить такое положение дел не смогли. Это кстати подтверждает тезис о спонтанности раскулачивания шедшего под не называвшимся лозунгом "либо сейчас либо никогда".

К 1933 году новый приток спецпоселенцев ограничивается. Для этого принимается специальная инструкция, подписанная И.В. Сталиным и В.М. Молотовым (см. Приложение 9), при этом ДВК уже не упоминается как край, из которого планируется выселение кулаков, хотя оно фактически продолжалось некоторое время и после получения её местными властями:

Что касается общего числа выселенных кулаков на Дальнем Востоке то, по главному сельскохозяйственному району ДВК Амурской области существуют следующие данные: "В Амурском Округе было утверждено к раскулачиванию и выселению по первой категории 216 дворов (1082 человека), по второй – 339 (1997 человека) по третьей – 560 (2815 человек). Всего раскулачиванию подлежало 1175 дворов (5894), около 2,4 % всех семей"⁸⁰.

Всего же количество раскулаченных и высланных для такого несельскохозяйственного и малочисленного региона СССР как ДВК составило значительную цифру. За 1930 – 1931 гг. было раскулачено и выслано более 5 тысяч семей⁸¹. Хотя планировалось выселить с ДВК вдвое меньше. Постановлением Президиума Далькрайисполкома от 18 февраля 1931 года, общее количество кулаков 1-й и 2-й категорий определялось в 2500 человек⁸². Но планируемые данные разнятся в различных документах. Так, по другим данным к высылке планировалось 3500 семей⁸³. А, согласно информационного письма № 11 от 2 февраля 1933 г., только Приморским обл. отделом ОГПУ изъято по Приморской области 1100 человек кулаков⁸⁴. Эти разночтения происходили в основном из-за путаницы в категориях выселяемых кулаков.

Большинство выселяемых кулаков предполагалось использовать как дешёвую рабочую силу на производствах, не связанных с сельским хозяйством. На 1.01.34. на ДВК было 46495 спецпоселенцев. Основная масса которых использовалась на Оборском леспромхозе и лесопильном заводе № 15⁸⁵. Тринадцатый пункт Постановления Президиума ДКИКа от 18 февраля 1931 г. прямо предписывал Дальзолоту и Дальлесу использовать труд высланных кулаков (см. Приложение 6). То есть, налицо обращение с раскулаченными крестьянами как с обычными заключёнными. К аналогичным выводам, приходит Н. Игнатова, но на материале Коми АССР⁸⁶, что позволяет говорить о том, что понятие "учёт местных условий" для центральных властей был очередным трюком.

Среди крестьян, которых никак нельзя было причислить к кулакам, чтобы выслать хотя бы по третьей категории за пределы села, находились люди, недовольные раскулачиванием. Недовольны они были по разным причинам. Одни считали, что после кулаков возьмутся и за бедняков. Другие видели, что после высылки кулаков весь налоговый пресс ляжет на них. Третьи, и таких было немало, принимали раскулачивание просто как бесчеловечную акцию, направленную против людей, вся вина которых заключалась в том, что они хорошо умели вести своё хозяйство и не хотели отдавать его государству только потому, что возглавлявшие его деятели не смогли распорядиться уже имеющимися у них поступлениями от крестьян в виде налогов. Четвёртые никак не принимали колхозов. Кроме этих недовольств политикой раскулачивания у крестьян было много и других поводов. Одним из основных было недовольство крестьян политикой насильственной коллективизации и фактическое закабаление во вновь образованных колхозах.

§ 2. Особенности репрессивной политики государства во второй половине 1930-х годов

После проведения раскулачивания и "добровольно-принудительного" вовлечения в колхозы, крестьянство потеряло какую бы то ни было экономическую независимость. Но репрессии против крестьян не закончились. Власти перешли к третьему этапу репрессивной политики. Этот этап уже не отличался от репрессий против других слоёв общества и не был направлен специфически против крестьянства. Репрессии против крестьянства играли уже вспомогательную роль. Если при хлебозаготовительной кампании и раскулачивании основными репрессивными органами были местные власти, так как именно от их решения зависело, определить крестьянина кулаком или нет, то после завершения раскулачивания все функции, связанные с репрессиями, полностью перешли к институту политической полиции (ОГПУ, с 1934 г. НКВД). Судебная система продолжала выполнять свои функции, но для репрессирования крестьян значительно чаще использовались тройки и особые совещания при УНКВД.

При оперировании таким понятием как "репрессированный", нужно исходить и из того что часть политических осуждалась по уголовным статьям. При исследовании общероссийской (общесоюзной) статистики по всем группам населения московский историк В.Н. Земсков в категорию "сомнительных" – т.е. осуждённых по политическим мотивам, но по уголовной статье, вносит крестьян осуждённых по закону от 7 августа 1932 г.⁸⁷. Применительно к дальневосточному крестьянству можно добавить, что в эту категорию входили осуждённые по 61 и 107 ст. УК. Всё же достаточно чётко разделить осуждённых на политических и уголовных (разумеется речь не идёт о явных уголовниках) довольно трудно. Дело в том что первый раз осуждённый по закону от 7 августа 1932 г. второй раз уже мог быть осуждён за совершение действительно уголовного преступления. Кроме указанных групп

осуждённых на Дальнем Востоке к началу 1930-х годов особое распространение получило осуждение крестьян за контрабанду. Хорошо характеризует такое положение дел документ представленный в Далькрайисполком и крайком ВКП(б) из ПП ОГПУ подписанный также и представителем прокуратуры ДВК (см. Приложение 10). Обращает на себя внимание такой факт, что основной категорией контрабандистов были рабочие и бедняки.

Число осуждённых к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу крестьян за время начала хлебозаготовительной кампании было не маленьким, но, так как осуждение происходило через суд, многие из этих приговоров были отменены постановлениями ВЦИК. Наглядно эта тенденция показана в табл. № 6 (см. Приложение 24), приведённой в докладе Пленума ДВ краевого суда. Количество осуждённых (в документе они значатся как изъятый контрреволюционный элемент) крестьян как антисоветский элемент в 1929 году по всему ДВК составило 1692 человека (см. табл. № 4, приложение 25). Это данные только по так называемым контрреволюционным делам. Через три года положение меняется, количество осуждённых как антисоветский элемент резко возрастает. Общая статистика репрессированных через формальное осуждение, как контрреволюционного элемента, крестьян за 1933 – 1935 гг. показано в табл. № 8 (см. Приложение 26). Обращает на себя внимание тот факт, что за этот период при общем росте осуждённых происходит резкое снижение осуждённых по закону "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности" от 7.08.32 г. среди крестьян с 449 в 1933 году до 21 в 1935 году. Немаловажное значение при этом сыграла Постановление НКЮ РСФСР от 17 ноября 1932 года (см. Приложение 11), при всей своей ограниченности, всё-таки, сохранившее свободу многим крестьянам. Это объясняется тем, что главными фигурантами следственных дел стали другие категории населения, а крестьяне в репрессивной политике отошли несколь-

ко на второй план. И репрессирование проходило главным образом не через судебную систему, а через административное осуждение. С усилением политики террора по политическим делам существовавшая судебная система была фактически не заменена, а оттеснена судебными тройками ОГПУ, НКВД, где осуждением занимались те же органы, что и вели следствие. Общее количество осуждённых резко увеличилось, и до 1939 года факты помилования или пересмотра в сторону смягчения почти не встречаются.

Многочисленные реорганизации как органов ОГПУ, НКВД, так и административно-территориального деления, создавали неразбериху в делах. Это, в свою очередь, отражалось и на крестьянах, которые не знали, к кому обращаться, в случае, если кто-то из родственников оказывался арестованным. Так, при выделении в самостоятельную административную единицу Хабаровской области в 1937 году не были своевременно созданы и все необходимые управленческие структуры. Причём доложено об этом было не органам власти, а в НКВД. 27 октября 1937 г. организационный комитет Хабаровского района Хабаровской области ДВК обращался к уполномоченному НКВД по ДВК комиссару госбезопасности Г.С. Люшкову со следующим: "...одновременно с этим просим разрешить вопрос об обслуживании района органами НКВД и милиции. Хабаровский район организованный с 25 м. с.г. (1937 г. К. В.) не имеет уполномоченного НКВД, раймилиции, прокуратуры и суда. Свыше года в районе не было ни одного судебного процесса и изъятия враждебных лиц в результате этого в последнее время замечен приток бывших кулаков, высланных ранее, осуждённых и вообще людей не проверенных..."⁸⁸.

В этом документе обращает на себя внимание тот факт, что основное беспокойство у оргкомитета вызывает не просто отсутствие структур, необходимых для защиты интересов граждан, а отсутствие политических процессов над "врагами народа". Подобный тип мышления и определял внутрен-

ную политику, получившую название "Большого Террора".

Главным инструментом репрессивной политики ВКП(б), осуществляемой с помощью ОГПУ, НКВД, стала практика применения незаконного осуждения и заключения на различные сроки или депортация. Достигалось это тремя путями:

Во-первых, путём расширенного толкования той или иной статьи Уголовного кодекса (в основном 58 статьи УК РСФСР), позволяющего квалифицировать незначительные упущения в работе или критические высказывания, как государственное преступление.

Во-вторых, это простая фабрикация следственных дел, если расширенное толкование не позволяло осудить по предъявленному обвинению. То есть, человека обвиняли в преступлении, которого он не совершал. Здесь так же в основном использовалась 58 статья УК РСФСР.

И, в-третьих, принимались закон или подзаконный акт, согласно которому ранее честные граждане автоматически становились преступниками в силу принадлежности к той или иной социальной или национальной группе. Особенно это касается Закона "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности" от 7.08.32.), дававших право и возможность органам власти практически любое действие крестьянства по спасению своей жизни при создавшихся после коллективизации условиях расценивать как преступление или фактически доводить до него. Аналогичную интерпретацию этого Закона даёт Л.И. Проскурина⁸⁹.

Именно эти три способа ликвидации или нейтрализации неугодных режиму лиц характерны для периода, наступившего после завершения коллективизации, хотя конечно они использовались и ранее. Но для удобства рассмотрения механизма репрессий мы выделили их, несколько нарушая хронологический порядок, но сохраняя структурную целостность.

Репрессивная политика против крестьянства в виде грабительской хлебозаготовительной кампании и раскулачивания с депортацией и конфискацией нажитого крестьянами имущества не могла не вызывать недовольство крестьян. А расширенная трактовка особенно десятого пункта 58 статьи УК вполне могла юридически квалифицировать такое недовольство, как государственное преступление. Принятие решения по данной статье напрямую зависело от воли следователя, который вёл дело. С начала 1930-х годов репрессии по 58 статье усиливались. Если в период коллективизации считалось достаточным раскулачивание и выселение или осуждение по статье 61 и 107 УК РСФСР, то со второй половины 1930-х годов для ликвидации или нейтрализации недовольных новыми порядками в деревне органы ОГПУ, а с 1934 года НКВД по нарастающей стали применять именно 58 статью. Причём, обвинение или оправдание напрямую зависело от проводимого в данный момент политического курса. Вот пример типичной формулировки для вынесения оправдательного решения как раз после появления в печати статьи Сталина "Головокружение от успехов". В Постановлении ПП ОГПУ ДВК от 27 апреля 1930 г. говорилось: "По своему социальному положению обвиняемый является крестьянином середняком, факты недовольства и антисоветских проявлений, имевшие место с его стороны – явно недостаточны для возбуждения уголовного преследования против середняка; содержание его под стражей и связанная с арестом, конфискация имущества могут послужить к справедливому недовольству остальной середняцкой массы данного села"⁹⁰. Подобные документы относятся к периоду кратковременного отступления, когда над сельскими властями тяготела статья Сталина и когда на смену следователям ОГПУ первой половины тридцатых годов ещё не пришли более исполнительные следователи времён "Большого Террора". Вот характерный пример для подтверждения того, что позиция следователя значила очень много. Это записка в деле, где не было даже относительно четкого об-

винения. "... Овчинка выделки не стоит, пусть едет, а то работы много, ведь надо почти снова дело начинать ... 13/ V- 32 г."⁹¹. Записка датирована маем 1932 года, то есть временем, когда репрессии против крестьян стали только нарастать, но начальник ведущего дело следователя счёл возможным отпустить арестованного, что ещё раз подтверждает тот факт, что от прямых исполнителей репрессивной политики зависело очень многое.

После того как все попытки деревни отстоять свои права были окончательно сломлены, репрессивные меры ужесточились и для осуждения уже была достаточной принадлежность к крестьянскому сословию или нелояльность к советской власти в прошлом. От местных органов НКВД центр с всё большей настойчивостью стал требовать найти и обезвредить контрреволюционные повстанческие организации вне зависимости от того, существовали они реально или нет. И в отделениях ОГПУ, а после 1934 года, НКВД различного уровня, стали появляться в немыслимых количествах различные разоблачённые данными органами контрреволюционные организации. Так, в обвинительном заключении Начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Т.Д. Дерибаса от 20 февраля 1935 года по делу о мифической контрреволюционной казачьей повстанческой организации, в частности, говорилось: "Материалами предварительного следствия, прямая и активная к/р повстанческая и вредительская деятельность указанных выше 10 обвиняемых в достаточной мере не доказана, однако, учитывая что большинство обвиняемых по своему социальному прошлому являются кулаками, активными участниками колмыковщины, а так же учитывая дальнейшее пребывание обвиняемых на свободе в пределах ДВКрая является социально опасным полагал бы: направить на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР"⁹². То есть, обвинение сводилось к такой логической линии: доказательств нет, а посадить надо, потому что это — казаки, а в прошлом кулаки. Следственные дела с подобной логикой заключения — не редкость. Значительное число кол-

хозников и ещё оставшихся единоличников было не обосновано осуждено по 58 статье УК РСФСР с подобной расширенной формулировкой. В основном крестьяне привлекались по пункту 10 данной статьи, предполагавшей осуждение за контрреволюционную пропаганду и агитацию. Толкование этой статьи было настолько расширенным, что любое несогласие человека с теми или иными действиями властей могло расцениваться, как злостная агитация, направленная на свержение существующего строя. Но именно это и требовалось от репрессивного аппарата – заставить выполнять любые распоряжения властей. А 58 статья и её десятый пункт наиболее для этого подходили. Не зря среди репрессированных крестьян большинство составляют осуждённые именно по этому пункту статьи. Но основной контингент аппарата НКВД составляли люди, не имевшие не только юридического, но и среднего образования, а после репрессий в самом НКВД и опыта оперативно-следственной работы. Это, разумеется, накладывало отпечаток на формулировку обвинения. Ко второй половине 1937 года, значительное количество дел по репрессированным крестьянам не имеет квалификации по статье УК. А при вынесении приговора зачастую вместо статьи стоит расплывчатая формулировка типа: "контрреволюционная деятельность, недовольство колхозным строем, антисоветские настроения" и т. д., и т. п.

Кроме расширенного толкования и гораздо чаще существовала и прямая фальсификация следственных дел. Для такой фальсификации следователи не прибегали к тонким изощрениям и подтасовкам. Организаторам репрессий было достаточно наличия признательных показаний обвиняемых или обвинительных показаний свидетелей. Но иногда не требовалось и признательных показаний. Часто встречаются дела, где есть только анкета арестованного с данными года, места рождения и работы, и другими биографическими данными и единственный протокол допроса (обвиняемого или свидетеля), в котором просто повторяются данные анкеты. Каких-либо обвине-

ний или признательных показаний подследственного в деле нет. Тем не менее, в дело, состоящее из этих двух – трёх листов с простыми биографическими данными, заканчивается выпиской из постановления тройки или особого совещания ОГПУ, НКВД о приговоре либо к расстрелу, либо к различным срокам заключения. Например, в деле П-23987⁹³, хранящемся в Государственном архиве Приморского края, есть только один допрос обвиняемого и два – три допроса свидетелей с самыми расплывчатыми показаниями, которые даже в обвинительном заключении не приводятся в качестве примера антисоветской деятельности. Тем не менее, результат ВМН постановлением тройки УНКВД ДВК от 26 ноября 1937 г. Логика репрессивной политики на Дальнем Востоке была та же что и в целом по стране. Если в Москве проходил процесс так называемой "Трудовой крестьянской партии", то на Дальнем Востоке (одна их наиболее крупных на территории Хабаровска и Биробиджанского района), разумеется, тут же были разоблачены её многочисленные "филиалы"⁹⁴.

По мере ужесточения политики репрессий получение признательных показаний от подследственного всё больше становилось почти обязательным условием, так как террором против крестьян (как, впрочем, и других слоёв общества) было не только осуждение, но и сам процесс следствия. Получить такие показания можно было только при ведении пыточного следствия, которое и стало применяться с возрастающими масштабами. При этом от следователей требовали фактически поточного производства. На Дальнем Востоке такой подход стал более широко применяться с приездом заместителя наркома НКВД СССР М.П. Фриновского, который в своих указаниях давал прямую установку на добывание любыми путями обвинительных показаний обвиняемых. Наиболее полно дают картину этого периода показания Н.М. Мочалова, Е.П. Хренова (одних из самых жестоких следователей Приморского областного Управления НКВД, осуждённых к расстрелу за "незаконные ме-

тоды ведения следствия и нарушение соцзаконности" в июле 1940 года) и других. Подобные показания встречаются довольно часто в делах, которые вели следователи впоследствии осуждённые "за нарушение соцзаконности". На допросах о своей антисоветской деятельности они показывали, что все указания о применении пыток он получал как непосредственно от своего начальства, так и от бывшего заместителя наркома НКВД М.П. Фриновского. Кроме того за всё время прокуратурой как Владивостокской, так и представителями Главной Военной Прокуратуры, приезжавшими во Владивосток в марте – апреле 1938 г. с Военной Коллегией, ни разу не были опротестованы действия НКВД⁹⁵.

На Дальнем Востоке "Большой Террор" начался как и в целом по стране после мартовского проходившего с 25 февраля по 5 марта 1937 года, пленума ЦК ВКП(б). В этот период УНКВД по ДВК было арестовано практически всё советское и партийное руководство Приморской области. Одними из основных обвинений, предъявленных им, были развал колхозного строительства, недостаточная бдительность и примиренчество к врагам народа. Вот наиболее характерный пример таких обвинений: "Репрессии против единокличников были ослаблены, принимались все меры к отмене постановлений РИКов об обложении единокличников и наоборот – усиливались репрессии против колхозников и была прекращена борьба с нарушителями устава с/х артели"⁹⁶. В данном случае крестьянский вопрос уже не имел самостоятельного значения, а был только разменной картой для раскручивания маховика репрессий, так как за неудачи общей политики в деревне должны были ответить конкретные люди. Для этой цели наиболее подошли политические противники единокличной власти. Как действительные, так и мнимые или потенциально могущие стать таковыми. Если по крупным делам применялись различные пункты 58 статьи, то по делам против крестьян, как колхозников, так и единокличников, чаще всего обвинение продолжало формулироваться без

статьи – антисоветская или контрреволюционная агитация или ещё расплывчатей – контрреволюционная деятельность, недовольство советской властью и колхозным строем, антисоветские настроения и т. д.

Ускоренное ведение и выведение из-под юрисдикции судов, делопроизводство, по так называемым, контрреволюционным делам, с применением всех возможных видов злоупотреблений ещё помимо прочего исключало и присутствие адвоката не только в тройках, но и в делах, проходивших и через суд.

Но, этим дело не ограничилось, и без того мизерные возможности коллегии защитников были урезаны в 1937 году после ревизии Наркомюста на ДВК в рамках борьбы с "правым уклоном", "врагами народа" и т. д. (см. Приложение 12) Заключением комиссии которое было утверждено народным комиссаром юстиции СССР Н.В. Крыленко, количество защитников сокращалось (многие были осуждены как "враги народа") коллегия защитников оставалась только в Приморской области, остальные переподчинялись краевой коллегии защитников.

Все эти ужесточения законов и правил судопроизводства расширяли права карательных органов и сужали гражданские. Но и этого организаторам политических репрессий показалось мало. Применение 58 статьи УК РСФСР даже в расширенных масштабах не удовлетворило власти, стремившиеся лишиться крестьян какой бы то ни было возможности восстановить силы. Поэтому в разгар "Большого Террора" выходит приказ по НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов". Применение этого приказа означало арест без санкции прокурора и без предъявления обвинения. То есть, повторялась такая же массовая акция, как раскулачивание, но всё же в меньших масштабах, против населения по произвольно толкуемым признакам. Сам приказ противоречил существовавшим на момент его издания законам СССР,

тем не менее, он был широко использован Управлениями НКВД на местах. Применение приказа на практике представляло определённые сложности. Поэтому за две недели до вступления в силу приказа № 00447 12 июля 1937 года в пояснение к предполагаемой "операции по репрессированию..." управлениям наркомата на местах рассылается меморандум № 299⁹⁷ и дословно его повторяющий – № 300⁹⁸, за исключением добавленного пятого пункта, подписанный заместителем нового наркома НКВД – М.П. Фриновским (см. Приложение 13). Меморандум предписывает проведение до начала массовой операции агентурной разработки уже репрессированных. Обращает на себя внимание язык документа. В особенности третий пункт. Он составлен так, что возникает впечатление, что речь идёт не о своих гражданах, чья вина к тому же ещё не доказана, а о военном противнике. Это подтверждает утверждение, что основным мотивом в репрессивной политике было нежелание (и неумение) возникшие социально-экономические проблемы решать мирным путём. Соответственно оставался только военно-репрессивный.

Вступление в колхоз и признание властями непринадлежности к кулакам ещё не гарантировало крестьянина от политического преследования. Для правящих идеологов коммунистического учения, ставшего ко второй половине 30-х годов ортодоксальным, они всегда оставались только "попутчиками" в коммунистическом движении и в силу своей принадлежности к мелкобуржуазному классу, подозрительными, как потенциальные изменники делу построения коммунизма. Поэтому для закрепления своей власти над крестьянством руководство ВКП(б) было вынуждено принять ещё дополнительное репрессивное давление в виде особых подзаконных актов. Таким подзаконным актом, давшим юридическое основание для проведения новой массовой операции против крестьян, и послужил упомянутый приказ по НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года. Хотя к этому времени крестьяне уже не представляли той силы какой они были в 1928 году, тем не менее, было принято

решение о дальнейших массовых репрессиях против крестьянства, чтобы окончательно закрепить положение вещей в деревне. В частности, приказ предполагал осуществить за четыре месяца с 5 августа 1937 года репрессии в виде немедленного ареста и высылки или расстрела в массовом порядке без предъявления обвинения по 58 статье и привлечения к суду⁹⁹. Но самым главным элементом этого документа было то, что он предоставлял право местным органам НКВД на арест и расстрел тех, кого они сочтут антисоветским элементом. То есть повторялась ситуация 1930 года, когда местным органам власти было предоставлено, аналогичное право самим решать, кто будет входить в категорию кулаков. Этим достигалась двойная цель. Кроме репрессий против крестьянства под контроль попадали и местные органы НКВД. Центральные власти всегда могли обвинить исполнителей данного приказа либо в "недогибе" либо в "перегибе", что и было сделано через полтора года принятием Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия".

На основании этого приказа многие крестьяне, уже отбывшие сроки заключения по 58, 61 и 107 статьям УК РСФСР снова возвращались в концентрационные лагеря, а многие получали расстрел. При этом, деление на категории настолько зависело от следователя, что факт этот не поддаётся, какой бы то ни было логике. Оправдательные приговоры за этот период хотя и встречаются, но чрезвычайно редко. Не помогают и апелляции на несправедливые приговоры. Родственники осуждённых получают стандартный ответ: "жалобу... оставить без последствий"¹⁰⁰. Чтобы снизить поток жалоб на незаконное осуждение часто использовался приказ по НКВД № 00515 – сообщать о ВМН (высшей мере наказания – расстреле) как о 10 годах исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) без права переписки.

Последствия применения приказа № 00447 о проведении массовой операции позволяет сделать заключение, что политическое руководство

страны не было заинтересовано в том, чтобы осуждённые крестьяне возвращались к сельскому труду, и, следовательно, получали возможность восстановить свой экономический потенциал. Осуждённых по этому приказу предполагалось использовать на работах, не связанных с сельским хозяйством, как впрочем и по остальным. Но, в каких бы отраслях народного хозяйства не использовались осуждённые, основным критерием была самоокупаемость мест заключения. То есть, налицо все попытки использовать осуждённых как, если не бесплатную, то, как дешёвую рабочую силу. Поэтому не будет преувеличением сказать, что увеличение количества заключённых преследовало и ту цель, чтобы дать государству источник бесперебойного получения материальных ресурсов.

Вторым актом, не направленным специально против крестьян но, тем не менее, непосредственно их задевшим, было Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О выселении корейского населения из приграничных районов Дальневосточного края" № 1428-326сс от 21 августа 1937 года. Корейцы были вторым по численности после русско-украинского сельским населением на Дальнем Востоке. Поэтому депортацию корейцев из пределов ДВК в Среднюю Азию и Казахстан вполне правомерно рассматривать, как в том числе и антикрестьянскую кампанию. Эта массовая акция по выселению корейцев проводилась также с помощью специальных троек. По своим действиям эта кампания практически мало чем отличалась от раскулачивания. Основное отличие заключалось в том, что корейцам предполагалось на месте возместить стоимость имущества. Но на практике с корейцами поступили, так же, как с раскулаченными – нажитого имущества они лишились. К 25 апреля 1938 года в одной только Приморской области корейцами было оставлено имущества на сумму 8.236.000. рублей, в Уссурийской же несколько больше – 9.043.000. рублей¹⁰¹. Общее количество выселенных в 124 эшелонах корейцев по неполным данным составило 36442 семьи (171781 человек)¹⁰² –

эта цифра взята из донесения Ежова о завершении депортации¹⁰³.

Высылкой корейцев массовые акции против крестьянства закончились, крестьянство перестало быть тем крестьянством, каким оно было до этих одиннадцати лет непрерывных репрессий. До 1941 года против крестьян проводились репрессии не отличавшиеся от репрессий против других слоёв общества.

Таким образом, руководством страны в отношении крестьянства на Дальнем Востоке, как и в целом по стране, было предпринято три вида репрессий.

Первым была кампания хлебозаготовок. То, что это была именно репрессивная кампания, подтверждает тот факт, что попытка получить хлеб любой ценой, была осуществлена в таком не хлебном регионе как ДВК. Результатом кампании стало не получение ожидаемых значительных средств, а экономическое ослабление и без того не очень крепкого региона.

Вторым видом репрессий стало раскулачивание, в результате которого деревня лишилась многих ранее рентабельных хозяйств, а государство получило относительно дешёвую рабочую силу из раскулаченных крестьян.

Третий вид репрессий против крестьянства практически не отличался от репрессий против остального населения страны. Основу этого вида репрессий составило необоснованное привлечение к уголовной ответственности и осуждение. Из деревни были изъяты последние носители прежнего (до проведения коллективизации) самосознания и психологии. В результате крестьянство перестало быть той экономической силой, с которой бы приходилось считаться, и потеряло тот духовный стержень, который бы в свою очередь, позволил ему восстановить утерянный экономический потенциал.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крестьянство Дальнего Востока. Очерки истории. – Владивосток,

1991. – С. 185.

² ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 177, Л. 65; Дальневосточное статистическое обозрение № 5-6 [56], – 1929. С. 19.

³ Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избр. произв. В 2-х тт. – М., 1993. – Кн. 2. – С. 177.

⁴ Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939. – С. 258.

⁵ Сталин И.В. Речь на первом съезде колхозников-ударников. Указ. Изд. – С. 417.

⁶ Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избр. произв. – Новосибирск, 1991. – С. 161.

⁷ Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). – Указ. изд. – С. 259.

⁸ Там же. – С. 259.

⁹ Крестьянство Дальнего Востока... – Там же. – С. 184.

¹⁰ Земсков В.Н. О некоторых проблемах "Большого террора". 1937-38 гг. (ответ на письмо в ред. Степанова.) // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 201.

¹¹ Лыкова Л.И., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века. – Владивосток, 2004. – С. 127.

¹² Там же.

¹³ Лыкова Е.А.; Проскурина Л.И. Расчёт Сталина оправдался // Россия и АТР. – 1996. – № 4. – С. 124.

¹⁴ Дальневосточное статистическое обозрение № 12 [51]. – 1928. – С. 13.

¹⁵ ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 63, Л. 114, 114 об.

¹⁶ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23320, Л. 12 об.

¹⁷ Там же. Д. П-23740, Л. 11.

¹⁸ ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 445.

¹⁹ РГИА ДВ Ф. 2413, Оп. 4, 1671, Л. 73.

²⁰ Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). – Указ. изд. – С. 260.

²¹ Осокина Е.М. За зеркальной дверью торгсина. // Отечественная история. – 1995 – № 2. – С. 86–104.

²² ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 63, Л. 12.

²³ Там же. Л. 141; Д. 153, Л. 37 и др.

²⁴ Там же. Л. 114, 114 об.

²⁵ Чернолуцкая Е.Н. Судебные репрессии на Дальнем Востоке в период хлебозаготовительной кампании 1929 – 1930 гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С.129 – 137.

²⁶ ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 66, Л. 31.

²⁷ Дальневосточное статистическое обозрение . – 1929. – № 4 [55]. –

С. 33.

²⁸ РГИА ДВ Ф. 2413, Оп. 3, Д. 1741, Л. 36.

²⁹ ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 153, Л. 44.

³⁰ Чернолуцкая Е.Н. Судебные репрессии... – Указ. изд. – С. 130.

³¹ РГИА ДВ Ф. 2413, Оп. 4, 1671, Л. 70.

³² Там же. Л. 72.

³³ Там же. Оп. 3, Д. 1741, Л. 84.

³⁴ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23334, Л. 44.

³⁵ Из дневника Ким-Кен-Тхен преподавателя японского языка Корейского Педагогического Института за 1930. перевод с корейского Пак Сен Хун. // ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23349, Л. 34.

³⁶ ГАПК. Ф. П-3, Оп. 1, Д. 138, Л. 2.

³⁷ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23360, Л. 28.

³⁸ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23320, Л. 12.

³⁹ Левин М. Бюрократия и сталинизм. // Вопросы истории. 1995. – № 3. – С. 19.

⁴⁰ Сталин И.В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса. Указ. изд. С. 298.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17 - 25.

⁴² Там же.

⁴³ ГАОО, Ф. 17, Оп. 4, Д. 4, Л. 4 – 6.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17 - 25.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ЦА ФСБ РФ, Ф. 66, Оп. 1, Д. 274, Л. 107.

⁴⁸ Там же. Л. 108.

⁴⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. – М., 1992; Спецпереселенцы – жертвы "сплошной коллективизации". Из документов "особой папки" Политбюро ЦК ВКП(б). 1930–1932 гг. /публ. Г.М. Адибеков. // Исторический архив. – 1994. – № 4.

⁵⁰ Зеленин И.Е. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938. // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 195–198; Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект). // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 151–165; Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930 – 1936 гг.). – Мурманск, 1993; Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954 гг. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. – Мурманск, – 1995 и др.

⁵¹ Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпереселенцев в Приамурье

в 1934 г. // Семья и семейный быт в восточных регионах России: сб. науч. тр. ДВО РАН Институт истории этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1997. – С. 171 – 177.

⁵² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 10-16.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ГААО Ф. 17, Оп. 3, Д. 19, Л. 1 – 5.

⁵⁶ Там же. Оп. 4, Д. 21, Л. 1 – 20; Оп. 1, 1, Д. 3-з, Л. 4.

⁵⁷ Там же. Ф. 121, Оп. 1, Д. 5-а, Л. 90.

⁵⁸ Там же. Л. 32.

⁵⁹ Там же. Л. 71.

⁶⁰ ГААО Ф. 17, Оп. 3, Д. 19, Л. 73.

⁶¹ Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 20-х годов. // Вопросы истории. – 1990. – № 3. – С. 16–31.

⁶² Шабанов И. Борьба на два фронта. // Дальневосточный парторботник. – 1930. – № 2. – С. 12.

⁶³ ГАПК. Ф. 25, Оп. 3, Д. 89, Л. 14, 16.

⁶⁴ Там же. Л. 42, 78.

⁶⁵ ГААО, Ф. 6, Оп. 9, Д. 22, Л. 59.

⁶⁶ Шабанов И. Борьба на два фронта... – Указ. изд. – С. 12.

⁶⁷ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927 – 1935. – М., 1957. – С. 263.

⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 2413, Оп. 4, Д. 570, Л. 8.

⁶⁹ ГАХК Ф. 698, Оп. 1, Д. 5, Л. 22, 35, 35 об. 36, 36 оборот.

⁷⁰ Постановление ЦК ВКП(б) "О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении" // КПСС В резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. – М., 1985. – Т. 5. – С. 103.

⁷¹ ГААО, Ф. 121, Оп. 1, Д. 5-а, Л. 31.

⁷² Там же. Ф. 6, Оп. 9, Д. 7, Л. 23 об.

⁷³ ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 226, Л. 27.

⁷⁴ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23250, Л. 38.

⁷⁵ ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 378, Л. 278, 289.

⁷⁶ ГААО Ф. 17, Оп. 4, Д. 15, Л. 12, 13-16, 22.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. Ф. П-1, Оп. 1, Д. 655, Л. 1-об.

⁷⁹ Там же. Ф. 6, Оп. 9, Д. 7, Л. 173.

⁸⁰ Головин С. А. История политических репрессий... – Указ. изд. – С. 110; см. также История развития азиатской части России. – Т. 3. XX век. – Екатеринбург. 1995. – С. 108–126.

⁸¹ Проскурина Л.И. Репрессии в Дальневосточной деревне в конце 20-х – первой половине 30-х гг. // Политические репрессии... – Указ. изд. –

С. 125.

⁸² ГАПК. Ф. П-24, Оп. 2, Д. 34, Л. 16.

⁸³ ГАХК. Ф. 1228, Оп. 1, Д. 162, Л. 8-9.

⁸⁴ ГАПК. Ф. П-1, Оп. 1, Д. 39, Л. 15.

⁸⁵ Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е г. // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 5.

⁸⁶ Игнатова Н. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930 – 1940 гг. Заселение и условия жизни. Корни травы: сб. ст. молодых историков. – М., 1996. – С. 50.

⁸⁷ Земсков В.Н. О некоторых проблемах "Большого террора". 1937-38 гг. (ответ на письмо в ред. Степанова.) // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 203.

⁸⁸ ГАХК Ф. 820, Оп. 1, Д. 6, Л. 12.

⁸⁹ Проскурина Л.И. Репрессии в Дальневосточной деревне – Указ. изд. – С. 119.

⁹⁰ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23320, Л. 34.

⁹¹ Там же. Д. П-23740, Л. 13.

⁹² Там же. Д. П-15861, Т. 9, Л. 136, 137.

⁹³ Там же. Д. П-23987.

⁹⁴ Проскурина Л.И. Трагедия хлебороба. О сталинских репрессиях против дальневосточного крестьянства. // Утро России. – 1992. – № 182 (446). – С. 4.

⁹⁵ Буйков А.М. Репрессии среди сотрудников органов НКВД Приморья во второй половине 30-х гг. XX в. // Политические репрессии... Указ. изд. – С. 78, 80; Деревянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы. – Там же. – С. 52, 55.

⁹⁶ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23607, Л. 74.

⁹⁷ ЦА ФСБ РФ, Ф. 3, Оп. 4, Д. 16, Л. 3.

⁹⁸ Там же. Л. 4, 5.

⁹⁹ Деревянко А.П. Политические репрессии... . – Указ. изд. – С. 39 – 41.

¹⁰⁰ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23818, Л. 47, 48.

¹⁰¹ Танцуренко Е.И. Депортация корейского населения Приморья в документах Государственного архива Приморского края (1937 – 1940). // Политические репрессии... . – Указ. изд. – С. 243.

¹⁰² Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения. // Политические репрессии... . – Указ. изд. – С. 256.

¹⁰³ Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока. // Вопросы истории. – 1994. – № 5. – С. 144.

ГЛАВА 3. КРЕСТЬЯНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР

§ 1. Крестьянские восстания

1.1. Зазейское восстание 1924 г.

После окончания Гражданской войны и установления советской власти на большей территории бывшей Российской Империи значительная часть так или иначе недовольных новой властью эмигрировала в сопредельные страны, а часть осталась в пределах СССР. Это недовольство держалось до определенных пор, пока не выплескивалось наружу в виде восстаний и мятежей.

Главной причиной восстания амурских крестьян и казаков стало несогласие их с той политикой продналога, которая устанавливалась на Дальнем Востоке. "...Истоки восстания лежат в событиях 1923 года, когда был введен так называемый единый сельскохозяйственный налог, в результате которого положение в дальневосточной деревне резко ухудшилось..." – отмечает в своей статье И.Д. Саначев¹. То, что настроения крестьян находятся в прямой зависимости от их материального состояния центральное руководство знало и возможно понимало (так в сводках за 1923 год ОГПУ прямо говорилось о завышенном продналоге)², однако привычка принимать решения в русле гражданской войны брало верх.

Так в июне 1923 года ГПУ в своей информационной сводке³ предупреждало руководство о неблагоприятном положении дел в Амурской губернии и именно в Зейском районе, однако судя по развившимся событиям должных выводов, сделано не было. Недовольство крестьян и казаков новыми порядками вылилось в вооруженное выступление получившее название Зазейское восстание. В исторической литературе это выступление относительно неплохо хотя, и неполно изучено⁴. Так же появились интересные публикации, посвященные Зазейскому восстанию в Интернете⁵. В публикации посвященной

истории амурского казачества на сайте http://kazak-forum.jinonet.ru/history_amur_10.htm (к сожалению не был указан автор) дается удачная попытка освятить события под новым углом зрения.

Ход событий суммировано выглядит следующим образом:

Декабрь 1923 – начало января 1924 года, на приграничной территории из казаков, и всех так или иначе недовольных советской властью и готовых с оружием в руках ей противостоять формируется костяк будущих повстанческих сил. Говорить об особой иностранной помощи нет достаточных оснований (как говорится так – не помогают) вся помощь заключалась в том, что повстанцам просто не мешали. Довольно обширная эмиграция в Маньчжурии не проявила настоящей заинтересованности в формировании военных отрядов. Восставшие так и не были полностью вооружены, как положено, для успешного ведения военных действий⁶.

4 января 1924 можно назвать днем начала восстания. Однако закончилось оно крайне неудачно. Повстанцы были разгромлены пограничниками. И так до 14 января все попытки прорваться и закрепиться в приграничных областях были отбиты.

С 14 числа восстание начинает разворачиваться⁷. Есаул Маньков высаживается на советской территории с двумястами бойцов и проводит ряд мероприятий долженствующих сформировать крупные повстанческие силы способные сломить сопротивление советских погранвойск. Основные мероприятия Манькова были вполне логичны и правильны, а именно: объявлена немедленная мобилизация бывших военнослужащих белых армий и офицеров от 18 до 45-летнего возраста. Формируются отряды из всех недовольных советской властью и имевших опыт борьбы с ней в гражданскую войну. Так же задействуются и невоенные но желающие бороться с советской властью. Сформированные отряды сводятся в Амурскую повстанческую армию во

главе командующим (Н.Н. Корженевский). Маньков занимает должность начальника штаба.

Кроме военных формирований создается и гражданское: "Временное Амурское областное правительство". Идеологическая сторона восстания четко не формируется. Лозунги довольно расплывчаты: "Учредительное собрание и порядок!", "Угнетенные против угнетателей!"⁸.

Основной упор восставшими вольно или невольно был сделан на расправу с активными проводниками политики советской власти, а не на решение насущных военно-политических задач. Как и у последующих выступлений (Сианское и Улунгинское восстания) военная сторона дела была поставлена плохо, что говорит о том, что это было именно крестьянское (несмотря на участие казаков) восстание, а не военная интервенция с целью повсеместного свержения советской власти.

Восстанием удастся охватить восстание Николаевскую, Гильчинскую, Тамбовскую и Амур-Зейскую волости Амурской губ. К 15 повстанцы захватывают Томбовку и укрепляются там.

Однако, несмотря на громкие названия (Амурская повстанческая армия, "Временное Амурское областное правительство") и вполне серьезные намерения повстанцам не удастся решить главной задачи – массового, выступления против советской власти не получилось и военные успехи, оказались более чем скромными. Этот факт не остался незамеченным ОГПУ.⁹ Амурской повстанческой армии общая (пехотные, кавалерийские и пулеметные части) численность которой, колебалась в районе 1000 человек, удастся взять под свой контроль только близ лежащие села. В Тамбовке утверждается центр повстанческих сил. В занятых селах проходит утверждение власти восставших. Тем не менее, не смотря на недовольство советской властью и ее продналогами, население не торопится и полностью встать и на сторону

"Временного Амурского областного правительства". Как обычно население в подобных случаях выжидает.

Противостоящие повстанцам силы отнюдь не представляли собой образец идеальной армии. Так справка зам. Председателя РВС М.В. Фрунзе направленная в Политбюро ЦК РКП дает довольно мрачную картину состояния РККА¹⁰. А сводки ГПУ (с 1924 ОГПУ) пестрели тревожными сообщениями о недовольстве крестьянства¹¹.

Конечно, вряд ли организаторы восстания читали эти сводки, однако для них не было большим секретом положение крестьянства в стране, так же как и брожение в рядах самой Красной армии. Расчет на разложение Красной армии и переход на сторону антисоветских сил не был уж совсем беспочвенным. Не зря наиболее ходовым среди белого движения было определение Красной армии, как редиски (с наружи красная – внутри белая). Тем не менее, советская власть, победив в гражданской войне, относительно твердо укрепилась, и, несмотря на начавшуюся борьбу за власть внутри самой правящей партии, четко осознавала проблемы стоящие перед страной и продолжала держаться единым фронтом против враждебного окружения. Напротив, более или менее сильные противники советского строя, так и не сумели объединиться, не говоря уже о разрозненном крестьянстве.

Неумение собрать воедино антисоветские силы всецело относится и к "Временному Амурскому областному правительству", которому удастся продержаться относительно спокойно только до 21 января. К этому моменту в район охваченный восстанием подтягиваются части Красной армии. Президиум Амурского губисполкома поручает начальнику Амурского ГО ОГПУ Каруцкому ликвидацию восстания, для чего в его подчинение входят полевые части и части особого назначения.

К 22 января армия повстанцев терпит полное поражение и перестает быть самостоятельной боевой единицей.

Ликвидация разрозненных групп восставших, не успевших просочиться через границу, продолжается до 6 февраля.

Потери сторон говорят о полной неготовности повстанцев к полномасштабным военным действиям. (Восставшие: задержано 1008 чел., раненых – 107, убитых – 167. Советская сторона: 5 убитых, 8 раненых, 6 обмороженных и 2 без вести пропавших¹²).

Планы организаторов восстания (вне зависимости от того насколько четко они сами их осознавали) сводятся к следующему:

1. Формирование на сопредельной неподконтрольной СССР территории костяка будущей армии и правительства.
2. Захват плацдарма на советской территории.
3. Мобилизация военных, трудовых и экономических ресурсов на захваченной территории.
4. Охват идеолого-политическим влиянием соседних регионов для подготовки их к смене власти.
5. Расширение плацдарма и наступление против советских войск и последующим их разгромом и разложением.

Ни по одному пункту повстанцы не добились успеха. Формирование было сделано, что говорится на скорую руку, захват плацдарма хоть и был произведен, однако короткий срок его удержания не позволил использовать его на полную мощность. Мало того охота за сочувствующими, советской власти или близких к ним не прибавила авторитета наспех созданному "Временному Амурскому областному правительству". Хотя амурское крестьянство и было недовольно продналогом изменившему их жизнь в худшую сторону, там не менее не стремилось отдавать жизнь за новорожденное "Временное Амурское областное правительство". До расширения восстания дело так и не дошло. Надежды на разложение Красной армии не оправдались. А неумение воевать (во всяком случае, возможность выиграть сражение у ЧОН и

пограничников повысило бы шансы восставших) окончательно ставило крест на всех притязаниях "Временного Амурского областного правительства". Так сильное сопротивление восставшие смогли организовать только при обороне Тамбовки продержавшись пять дней. Но это уже действительно был жест отчаяния, а не продуманная военная стратегия.

Говоря в целом о Зазейском восстании, следует отметить, ряд особенностей.

- 1) Участие в восстании казаков и бывших белых офицеров.
- 2) Смешанное участие, как активных противников советской власти, так и тех, кто не был принципиальным противником советской власти, а выступил в силу экономического протеста.
- 3) Организационно-военная часть восстания готовилась, как на китайской территории, так и на территории СССР.
- 4) Свои действия восставшие рассматривали как продолжение гражданской войны.
- 5) Отсутствие реальной помощи и поддержки, как населения, так и белоэмигрантских организаций.

Несмотря на то, что восстание в военном отношении, было плохо организовано, оно вызвало сильную обеспокоенность властей. Так в Докладной записке информотдела ОГПУ об антисоветских проявлениях в деревне за 1925 – 1927 гг. оно прямо названо последним крупным повстанческим движением¹³.

Все же это восстание сыграло положительную роль в жизни амурского крестьянства. Налоговая система была несколько приведена в систему снижающую напряжение крестьянства. И до 1930 года, т.е. до начала политики сплошной коллективизации, именно крестьянских восстаний не было. А вот с переходом к политике "наступления социализма по всему фронту" крестьяне снова берутся за оружие.

1.2. Сианское восстание. 1930 г.

Тема вооружённого сопротивления крестьян на Дальнем Востоке в 30-е гг. XX в. ещё мало изучена, хотя вышло несколько работ, посвящённых крестьянским восстаниям на Дальнем Востоке¹⁴. В исторической литературе, так или иначе затрагивающей эту тему приводятся данные о 12 антиколхозных восстаниях с 1300 участниками только в феврале 1930 года по в ДВК¹⁵. Из крупных крестьянских восстаний, которые произошли на Дальнем Востоке отмечаются восстания в с. Малета Читинского округа (3 – 12 марта 1930 г.), Ундино-Талангуйском районе Забайкалья (июнь 1930 г.), в Зейском районе Амурской области (апрель – сентябрь 1930 года), в Тернейском районе Приморского края (май – сентябрь 1932 г.)¹⁶. Н.А. Шабельникова отмечает, что только на территории Забайкальского округа в конце 20-х начале 30-х гг. произошло более 10 крупных восстаний¹⁷.

1930 год это начало раскулачивания, когда значительная часть крестьянства ещё не была выслана с насиженных мест и составляла силу, способную противостоять репрессивному нажиму государства. Поэтому пик крестьянских выступлений приходится именно на 1930 год. Но и в последующие годы крестьяне не оставляли надежды отстоять своё право на свободу. Но к 1933 году крестьянские восстания все сходят на нет.

Говоря о крестьянских восстаниях, необходимо отметить, что речь идёт именно о восстаниях, т.е. организованных вооружённых выступлениях части крестьян с установкой контроля над определённой территорией. Все же остальные формы активного, в том числе и вооружённого, сопротивления политике коллективизации и раскулачивания следует относить к другим формам активного сопротивления.

Поскольку описание всех крестьянских восстаний выходит за рамки нашей темы, то мы ограничимся анализом двух крупных и длительных (не-

сколько месяцев) восстаний: Сианского (Амурская область) и Улунгинского (Приморский край).

В исторической литературе ещё нет устоявшихся названий для крестьянских восстаний, происходивших в СССР в 30-е годы XX века. Вооружённое выступление амурских крестьян под руководством Терентия Перелыгина Г.Б. Куртина называет "Зейский мятеж"¹⁸, В. Макий обходит этот вопрос стороной¹⁹ При публикации воспоминаний участника подавления восстания А. Рыбака в 1989 г. редакция амурской газеты "Коммунистический труд" дало заголовок "Сианское восстание"²⁰. Действительно из деревни Сиан было большинство восставших (30,3 %), в том числе и руководитель восстания Терентий Перелыгин. Кроме того, восставшие держали под контролем территорию относящуюся в большинстве к Сианскому сельсовету. Поэтому, чтобы не путать с Зазейским выступлением 1923 года мы примем для обозначения термин "Сианское восстание". Восстание старообрядцев в районе реки Бикин правильнее будет назвать Улунгинским восстанием – по месту опорной базы и центра восстания.

Оба восстания мы рассмотрим по следующей схеме:

- 1) Причины восстания;
- 2) Военно-политическая организация восставших;
- 3) Экономическая основа восстания;
- 4) Движущие силы восстания;
- 5) Цели и задачи восставших;
- 6) Ход военных действий;
- 7) Итоги восстания и причины его поражения.

В 1930 году в устье рек Зеи и Амура, в Зейском районе Амурской области произошло крестьянское восстание общей численностью в 135 человек. По своим масштабам (число восставших, контролируемые ими районы, и т.д.) оно значительно уступало Улунгинскому. Тем не менее, по способу ка-

ким власти подавили восстание, можно заключить, что Сианское восстание вызвало бóльшее беспокойство властей.

Восстание организовал и возглавил сианский крестьянин, бывший красный партизан Терентий Перелыгин. Исторических исследований этого восстания ещё не было. Вышло только несколько публикаций касающихся юридической реабилитации восставших²¹ и опубликована небольшая заметка с воспоминаниями одного из участников подавления восстания²². Также о восстании упоминается в монографии "Деревня Российского Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века"²³. Источники по истории восстания не вводились ещё в научный оборот. Прежде всего это – "Доклады члена пропгруппы ЦК ВКП(б) о работе в Зейском районе", материалы (отчёты, доклады, сводки и т.д.) о крестьянских хозяйствах Зейского райисполкома, хранящиеся в Государственном архиве Амурской области и Архивно-следственное дело о восстании, хранящееся в архиве УФСБ по Омской области. Данные документы позволяют восстановить относительно полную картину восстания.

Причины восстания были сугубо экономические. Идейных противников советской власти среди восставших не было, мало того большинство из них были активными участниками установления советской власти. Социальный состав восставших определялся в соотношении "... примерно кулаков 5%, середняков – 50% и бедняков-батраков – 45% ..." ²⁴. И это данные партийных органов, склонных записывать в "кулаки" середняков и даже бедняков. Мало того, описывая крестьянские хозяйства к моменту восстания, уполномоченный ЦК ВКП(б) говорит: "До 1930 г., по поселённым спискам вообще трудно было найти кулаков...". Этот показатель оправдывался скрытой эксплуатацией, уменьшением доходов и т.д. тем не менее доказательств, что "скрытые" кулаки жили за счёт деревенских бедняков, так и не было представлено. Все восставшие использовали только труд своих семей, поэтому о систематическом применении наёмной рабочей силы говорить не при-

ходится. Попытка приписать религиозный фанатизм восставшим, так как в восстании якобы принимали участие сианские и умлеканские старообрядцы²⁵, не нашла логического продолжения, т.к. подтверждения участия старообрядцев, полностью или хотя бы частично соблюдавших предписания своей веры, не нашло подтверждения.

В воззваниях восставших основной упор делается именно на несоответствие вложенного труда крестьян и норм, установленных советской властью²⁶. В письме к уполномоченному ЦК ВКП(б) восставшие так и пишут: "... за что мы выступили: Я имею одну лошадь, 1 корову с телёнком, а меня поставили кулаком и стали жать со всех сторон, лишили голоса, лишили крошечного пайка, тогда как у меня своего хлеба нет, что же мне оставалось делать – идти в тайгу и требовать своё..."²⁷.

В переписке восставших с властями и сводках райисполкома очень высокий процент занимают сведения о положении амурских крестьян, и даётся сравнительная характеристика положения крестьянства до и после коллективизации. В частности в "Докладе члена пропгруппы ЦК ВКП(б) о работе в Зейском районе" приводятся данные о крестьянских хозяйствах восставших. Автор доклада Г.Д. Решетников пишет что "... нажим на кулака, в результате всех этих мероприятий (повышенное налогообложение и конфискация сельскохозяйственной техники купленной крестьянами – В.К.), получился такой, что брызги полетели...", и после этого описывает устные заявления членов семей тех крестьян, которые примкнули к восстанию. Согласно этой информации, хозяйства облагались налогом вплоть до полного разорения, а после того когда крестьянин уже не мог уплатить требуемую властями сумму (все показания заканчиваются фразами "платить нам было нечем", "уплатить не мог" и т.д.) его лишали права голоса и описывали имущество²⁸. Такое положение не могло оставаться неизменным, и крестьяне восстали.

12 апреля 1930 года наиболее активные крестьяне сел Новый и Старый Сиан, Старая и Новая Успеновка, Усть-Умлекан, Усть-Деп, Рублевка в количестве 12 человек выступили в направлении Ново-Успеновка – Новый Сиан. Первоначально планировалось выступить в ночь с 8 на 9 апреля, но с 12 апреля в районе должны были проводиться манёвры осоавиахима и по военным соображениям решено было выступить 12 апреля²⁹. Без боя осоавиахимовцы были взяты в плен, при этом часть их перешла на сторону восставших. Перед тем как занять д. Новый Сиан, Т. Перелагин получив сведения о том, что Сианской партиячейки уже известно о восстании, выслал разведку для вывода из строя телеграфной линии: Новосиан – Овсянка – Зея, Новосиан – Новоямполь – Свободный и мостов Тыгда – Зея³⁰. В этот же день восставшие заняли Новый Сиан. Комячейка оказала сопротивление восставшим. В завязавшейся перестрелке коммунары потеряли Семёна Быковского (секретаря партиячейки, назначенного уполномоченным по хлебозаготовкам) и Александра Трайберга, а повстанцы за счёт Сианских крестьян пополнили отряд до 50 человек. Лукой Ткачёвым было составлено "Воззвание к населению крестьян, рабочих, служащих и Красной Армии от 1-го Повстанческого отряда крестьян, рабочих, служащих и красноармейцев". (см. Приложение 14) Пополнив запасы 14 апреля, повстанцы вступили в Усть-Умлекан. По дороге повстанцы были обстреляны разведывательным отрядом ОГПУ и отступили к Усть-Умлекану, там, в результате боя потеряв убитыми 4, ранеными 3 и пленными 2 человек, а также 8 лошадей и несколько бердан и охотничьих дробовых ружей (точные данные в источниках не указаны), отступили в тайгу. В районе еще не было прямых известий о восстании, но волнения среди крестьян были заметны, поэтому в Сиан был направлен заместитель исполкома Захар Косач. В его задачу входило, прибыв к новому месту работы (до этого он возглавлял окружной кооператив), организовывать колхозное строительство. Но Косач был захвачен передовым отрядом Перелыгина и доставлен уже в

качестве пленного в Усть-Умлекан. В результате агитации восставших, Косач перешёл на сторону повстанцев. Насколько был искренним его переход по имеющимся документам судить трудно, во всяком случае, заметной роли в восстании он не играл. Перелыгин для связи с другими регионами выслал гонцов в соседние районы: Белова Никиту в Свободненский, Павлова Кондрата в Рухловский район, и др., снабдив их деньгами и воззваниями "... с целью организации и поднятия восстания..."³¹. А Павлов Потап уже с дальним прицелом был послан Перелыгиным в Забайкалье (д. Бичура) "... с целью узнать о положении дел на месте и приурочить своё выступление к выступлению в Сретинском округе. Часть агентов Перелыгина была перехвачена ОГПУ, часть вернулась, но сведения, которые они принесли, были не в пользу восставших. Крупные восстания в Забайкалье уже были подавлены. Всеобщего вооружённого выступления против советской власти (как представлялось повстанцем по опыту Гражданской войны) не было. Прямое столкновение с большими отрядами ОГПУ было рискованно. Части Красной армии, на чью симпатию восставшие обосновано могли рассчитывать, не участвовали в подавлении восстания, а войска ОГПУ, привыкшие к расправе с неугодными режиму, были настроены решительно, и тяжёлое положение крестьян не вызывало у них, как впрочем и у уполномоченного ЦК ВКП(б), в чью задачу входила ликвидация восстания, никакого сочувствия. В письме восставших прямо говорится об отношении к восставшим бойцов отряда ОГПУ: "...солдаты Денисова (начальник погранотряда ОГПУ – В.К.) говорят, что поймал, дадим плетей, а потом к стенке..."³².

Повстанцы перешли к партизанской тактике (кроме того, им, как бывшим партизанам, такая тактика была привычной). Суть действий отрядов Перелыгина сводилась к неожиданным налётам на стратегические объекты местного значения (главным образом склады), и столь же быстрому отходу. Кроме того, повстанцы были вынуждены заботиться о еде и оружии. Интен-

дантская часть у повстанцев была пущена на самотёк. Этот момент заметно отличает это восстание от Улунгинского 1932 года, где восставшие заблаговременно побеспокоились о запасах и в последующем имели аналог службы снабжения через орочей. Тактика неожиданных налётов была изнурительна для восставших, но и правительственным силам при такой тактике, несмотря на значительный численный и технический перевес, не представлялось возможным быстро подавить восстание. После выступления повстанцев первоначальное решение Зейского окружного отдела ОГПУ было – немедленно подавить начавшееся восстание силами партийно-комсомольского актива³³. Но это не удалось. Костяк повстанцев составляли бывшие красные партизаны (см. Приложение 15), т.е. в военном отношении отряд повстанцев представлял собой вполне боеспособную единицу. В результате, в Зейский район был направлен член уже упоминавшейся сформированной Пропгруппы ЦК ВКП(б) Г.Д. Решетников с особыми полномочиями, в том числе местные отряды ОГПУ подчинялись приказам уполномоченного Пропгруппы ЦК ВКП(б). Суть его действий заключалась в том, чтобы путём переговоров склонить если не всех восставших, то значительную их часть, сдаться. Ответ, данный на первое письмо восставших председателем Зейского райисполкома Номоконовым, был явно неудачным³⁴, т.к. этим ответом крестьянам прямо заявлялось с элементами шантажа, что они должны только работать "... Ваши семьи не получают ни одного килограмма муки до тех пор, пока Вы не будете работать..." В деле переговоров должен был быть более дипломатичный подход. Материалы следственного дела, переписка с восставшими и доклады Г.Д. Решетникова позволяют сделать вывод, что Решетников правильно понял поставленную перед ним задачу. Именно в результате удачных переговоров повстанческий отряд покинула значительная часть бойцов, настолько ослабив силы повстанцев, что их дальнейший военный разгром не представлял собой каких-либо затруднений, что и показало взятие Усть-Умлекана отря-

дом ОГПУ и бойцами сформированной из комсомольско-партийного актива группы. Переговоры велись около месяца. Из 135 человек отряда Перелыгина в общей сложности 101 человек добровольно сложили оружие. Вначале несколько человек покинуло отряд. Следом повстанцы выслали разведку с целью узнать каково положение сдавшихся. Что бы привлечь остальных сдавшихся повстанцам было позволено жить так же, как и не участвовавшим в восстании крестьянам.³⁵ В своём докладе Решетников по этому поводу писал: "... явившиеся добровольно бандиты для соблазна и приманки других были оставлены на свободе /пахать поехали/ ..." ³⁶ Но, сложив оружие, они не выдали Перелыгина и его товарищей. Поэтому переговоры продолжались. Причём, несмотря на то что, восставших было уже довольно мало, переговоры велись и отказываться от них власти не собирались. Для вооружённой ликвидации повстанцев потребовались бы значительная концентрация войск. Судя по отчётам Г.Д. Решетникова и материалам следственного дела, властям до последнего момента не было известно ни местонахождение отряда Перелыгина, ни пути его следования, ни его связи в сёлах, несмотря на все усилия. Решетников даже прямо говорит о провале агентов ОГПУ, целью которых была информация о настроениях крестьянства³⁷. На начальном этапе переговоров требования властей были: сложить оружие и выдать главарей. После того как основная масса покинула отряд, требования изменились. Поскольку требования восставших были, если их суммировать, в том, чтобы вернуться к состоянию до коллективизации (прекращение хлебозаготовительной компании, возвращение раскулаченных и т.д.), то основной упор в переговорах делался на то, чтобы убедить восставших в том, что Пропгруппа ЦК ВКП(б) прибыла в Зейский район именно за этим. Определённая несогласованность действий Пропгруппы и отрядов ОГПУ чуть было не сорвала переговоры. Так 15 мая 1930 года погранотряд ОГПУ под командованием Денисова обстрелял уже шедшую на переговоры с Решетниковым делегацию повстанцев.

Денисову удалось захватить коней, и взять в плен Е. Авдеева. Военные действия Денисова очень не понравились Решетникову, ведь его кавалерийская (в прямом и переносном смысле) атака могла сплотить повстанцев, а это уже означало бы усиление восставших, чего он никак не мог допустить. Поэтому после "выяснения отношений" Решетниковым от имени Денисова было составлено извинительное письмо, где его действия оправдывались и объяснялись несвоевременным получением приказа (на деле не существовавшего). В обращении Решетникова к повстанцам, также упоминался "инцидент" с отрядом Денисова в извинительных тонах. С письмами был отправлен взятый в плен Денисовым Е. Авдеев. Данный манёвр несмотря на свою примитивность возымел действие, разумеется вкупе с другими факторами, такими, как усталость крестьян от боёв и желание только мирно заниматься крестьянским трудом, отсутствие фанатичного желания "продолжать борьбу до победного конца" и т.д. В отряде остались только сам Перелыгин и основные его сподвижники: Лука Ткачёв, Потап и Кондрат Павловы и Иван Вдов. Вести переговоры с Решетниковым им было уже не о чем. Переписка и переговоры прекращаются, а Решетников пишет отчёт о проделанной работе. Результатом его деятельности в Зейском районе Амурской области стала полная ликвидация восстания, хотя взять самого Терентия Перелыгина и четверых его сподвижников, так и не удалось. Но, это уже входило в задачу местных отделов ОГПУ, с которой они не справились. По воспоминаниям А. Рыбака, одного из участников подавления восстания, уже в августе 1931 года он встретился с Перелыгиным, пытавшимся организовать второе восстание (со слов А. Рыбака) и вступил с ним и его людьми в перестрелку. Рыбак и бывшие с ним милиционеры взяли в плен Комкова (имя не указано). Перелыгин и те, кто был с ним ушли в тайгу. В дальнейшем имя Терентия Перелыгина не всплывает по другим следственным делам и следы его и его товарищей теряются.

Несмотря на ликвидацию восстания власти, не решились из-за опасения новых восстаний осудить всех участников восстания. Согласно материалам архивно-следственного дела о восстании из 135 участников 5 человек (Косач Захар Трофимович, Тихонов Исаак Фёдорович, Туркот Яков Петрович, Ткачёвы Григорий Михайлович и Михаил Лукич) были приговорены к ВМН, 16 человек к различным срокам ИТЛ, 98 человек было освобождено в ходе следствия.³⁸ В 1938 году 35 участников восстания по старому обвинению были вновь арестованы и расстреляны.³⁹

Сианское восстание было ликвидировано политическим путём, т.к. восставшие несмотря на боевой опыт Гражданской войны не умели организовывать политические движения (они были крестьяне, а не политики), а без политической составляющей любое восстание, даже состоящее из хороших солдат и командиров, обречено. Основным (и пожалуй единственным) желанием крестьян было то, чтобы власти оставили их в покое, а не завоевание власти в стране. Такой настрой, заранее обрекал восстание, не просто на военное поражение, но и на разложение в процессе восстания. Военная дисциплина один из основных компонентов любых боевых действий полностью отсутствовала, и это при том, что костяк восставших составляли бывшие партизаны. Показателен тот факт, что уход из отряда и сдача оружия, никак не каралось восставшими, ни как факт предательства, ни как дезертирство. Вопрос участия в восстании свободно дискутировался на собраниях восставших. При ликвидации восстания именно эти факты играли ключевую роль. И именно на мирные настроения крестьян был поставлен весь расчёт при переговорах. То есть, при ликвидации восстания использовалась тактика медленного удушения восстания. Такая тактика вполне себя оправдала – повстанцы сдались, а войска ОГПУ не потеряли ни одного бойца.

1.3. Улунгинское восстание. 1932 г.

В 1932 году в районе верховья реки Бекин произошло крупное крестьянское восстание под руководством старообрядческих общин. Основными источниками по истории этого восстания на сегодняшний день являются материалы архивно-следственного дела № 229, хранящегося в Государственном архиве Приморского края. Эти материалы уже активно включались историками в научный оборот. Но полностью для исследования восстания они ещё не использовались. Материалы этого дела изучали В.В. Кобко и Ю.В. Аргудяева. Но главным в их работах было изучение старообрядцев как религиозной группы (Кобко) и как этнокультурной группы русских Дальнего Востока. Восстание же само по себе, как военно-политическая акция не изучалось.

В обвинительном заключении по данному делу значится:

"В мае месяце 1932 года на Северном побережье Приморья (Тернейский и Ольгинский районы) и по р. Бикину (Сихото-Алиньский Туземный районы), вспыхнуло массовое вооружённое выступление староверов.

В процессе ликвидации этого выступления и следствию по делу, вскрыта крупная повстанческая организация.

Эта организация охватила своей сетью повстанческих ячеек 75 населённых пунктов: от бухты Самарга на Севере до бухты Ольга на Юге (450 километров) и за перевалом хребта Сихото-Алин в бассейне реки Бекин"⁴⁰.

Но в этом заключении речь идёт только о масштабах связей восставших, непосредственно район, охваченный восстанием был значительно меньше, ещё меньше был район, находящийся под непосредственным контролем вооружённых сил восставших (Карта-схема № 2). Тем не менее, это было довольно крупное восстание, своим характером и упорным сопротивлением показавшее всё недалёковидность и жестокость коллективизации,

бывшей более инструментом подавления самостоятельности крестьянства, чем инструментом создания "новой деревни".

Суммируя все причины, побудившие жителей верховьев реки Бикин в основе своей крестьян-единоличников и охотников промысловиков взяться за оружие и поднять восстание против советской власти, мы выделим их в три группы: экономические, политические и идеологические. Основной является экономическая группа причин. До начала проведения политики хлебозаготовок и сплошной коллективизации, несмотря на своё относительное недовольство советской властью, старообрядческое население, участвовавшее в восстании, оставалось нейтральным до 1932 года и вступило в вооружённую борьбу с советской властью только после того, как были существенно затронуты их экономические интересы. Организация колхозов была воспринята как посягательство на экономическую независимость крестьянства, а не как огульное отвержение коллективного труда. Наиболее полно отражают недовольство крестьян именно экономическая сторона коллективизации и колхозного строительства их ответы на допросах или показания свидетелей, передававших их слова о новой политике в деревне до ареста⁴¹. То есть недовольство мероприятиями советской власти носили практически такой же характер, как и в целом по стране и не имели практически специфического характера, связанного с религиозным неприятием советской власти. Принцип "всякая власть от бога" действовал для старообрядцев вполне сдерживающим фактором. Но до известных пределов. Когда перед крестьянами и охотниками-промысловиками впрямую встала проблема физического выживания, они быстро отбросили доктрину "власть от бога" и заменили её соответствующей "антихристовой властью"⁴².

Политические причины возникновения восстания самостоятельного значения они не имели и вытекали из экономических, так как активных идейных противников советской власти среди восставших не было. Социаль-

ный состав участников восстания указан в табл. №№ 9, 10 (см. Приложение 27, 28). Основной политической причиной восстания было то, что высшее партийное руководство страны пыталось решить экономические проблемы политико-административными мерами. Поскольку все возможные политические решения принимались без учёта мнения большинства крестьянского населения и возможные мирные способы улаживания взаимоотношений крестьян и властей были исчерпаны, то наиболее активные и энергичные крестьяне решились на открытое военное противодействие мероприятиям советской власти в деревне. При этом недовольными коллективизацией оказывались и бывшие красные партизаны⁴³. Наиболее точно описал причины восстания один из его основных участников Медолович:

"Нежелание выселяться с хуторов, расположенных в верховьях р. Бикина вниз по р. Бикину. Обязательное выселение ждали весной на основании постановления Далькрайисполкома от января 1930 г.

Нежелание коллективизации – с зимы 1932 г. начали распространяться слухи о том, что в Улунге и на Лоухе будут организованы колхозы в обязательном порядке. (Слухи далеко не беспочвенные В. К.)

Нежелание отдавать детей в школу /распространился слух, что в Улунге будет открыта школа/.

Нежелание участия в лесозаготовках.

Нежелание сдавать государству хлебные излишки.

Нежелание принять участие в мясозаготовках.

Нежелание участвовать в уплате продналога, самообложения, займах и т. д.

Боязнь записей /поимённые списки, учёт скота, инвентаря, билеты союзохоты, облигации, участие в кооперации, туземном интеграле и т. д./

Боязнь утраты старинных обычаев, быта, упадка веры и авторитета старших, как неизбежное следствие, в случае советизации района"⁴⁴.

Если отрицательное отношение к экономическим мероприятиям, проводимым органами советской власти вполне объясняется тем, что они противоречили экономическим интересам крестьян, то отрицательное отношение к школе является не идеологическим неприятием учения, как такового, а просто на школу и даже на больницу переносилось такое же отношение, как и на всё, что исходило от советской власти. В этом отношении дальневосточные крестьяне не были исключением, такое положение дел было повсеместным. "На селе, где их (неграмотных В. К.) была основная масса, эта кампания в конечном счёте слилась со стремительным наступлением коллективизации и рикошетом испытала на себе всю ожесточённость вызванной ею реакции"⁴⁵.

Что касается идеологии восстания, то основным её мотивом была борьба за веру и древнее благочестие, против царства антихриста. Соборные Уложения, принятые за 1923 – 1932 годы, дают нам почти полное представление не только о церковной догматике старообрядцев, но и об их отношении к мероприятиям советской власти. Тем не менее, нельзя рассматривать доктрины, изложенные на этих Соборах, как основное идеологическое направление восстания, так, например, некоторые из участников восстания, хотя и не заняли в нём ключевые роли, но, всё же, приняли в нём участие, как, например, Летвинец Иосиф Иосифович, который был председателем сельсовета с. Тавайза Тернейского района, или Петров (Герасимов), который был секретарём сельсовета с. Улунга. Кстати, судя по фрагменту фотографии, снятой до ареста, последний был без бороды – факт довольно странный – в Уложениях нет ни одного упоминания о неприятии брадобрития, хотя для староверов это был один из основных догматов о человеке, как образе и подобии божьему. В Уложениях, есть только установление "о стрижке волос на голове" – "волосы стричь сверху по обычаю предков наших, с чела от глаз невысоко. Затылок не оголять и сверху коротко не подстригать, но смиренно носить волосы подстриженными, по обычаю христианскому"⁴⁶. Но скорее всего Пет-

ров (Герасимов) не был старообрядцем так, как документов указывающих на то, что он являлся членом старообрядческой общины в деле не обнаружено. К тому же, в начале восстания при взятии Улунги он рассматривался восставшими, как возможный противник и был подвергнут ими аресту вместе с заведующим "Интеграла" Лытарем⁴⁷. Кроме того, в ходе восстания руководители его довольно часто нарушали постановления соборов. Наиболее принципиальные нарушения были следующие:

Во-первых, когда органы советской власти вводили перепись для учёта трудовых ресурсов и налогообложения, то это было объявлено безбожным деянием, согласно Бикинского Соборного Уложения, составленного в виде вопросника с указаниями, как отвечать на вопросы властей, о том, что можно, а что нельзя христианину⁴⁸. Когда же подобные мероприятия потребовались для укрепления материальной базы восстания, то они были введены восставшими без всякой оглядки на Соборное Уложение⁴⁹.

Во-вторых, третья статья Бикинского Соборного Уложения прямо запрещала подписываться под новым календарём, то есть календарь должен был вестись не от рождества Христова, а от сотворения мира⁵⁰. Тем не менее, даты от сотворения мира стоят только на соборных уложениях, все приказы, распоряжения и переписка восставших датированы по григорианскому стилю.

Эти и некоторые другие данные, говорящие о нарушении постановлений соборов показывают нам, что восстание носило не сугубо старообрядческий характер. Кроме того, стиль и характер материалов донесений и приказов военного штаба восставших, говорят о том, что это не было восстание религиозных фанатиков. Так что, несмотря на строгий и непримиримый характер Соборных Уложений, религиозные мотивы не были определяющими причинами восстания. Их можно рассматривать скорее всего, как своего рода идеологическое прикрытие и абстрактную объединяющую идею. Главное же,

что заставило восставших объединиться, было неприятие мероприятий советской власти. Руководители восстания, несмотря на то, что большинство из них было малограмотным в военном и политическом вопросах, всё же понимали, что опираясь только на старообрядческие каноны, говорить об успешном разрастании восстания не приходится. Тем более, главная их надежда в свержении советской власти была на скорое всеобщее восстание населения Дальнего Востока и интервенцию приграничных государств. "Кулагин Антон (начальник полевого штаба восставших – В.К.) стал собирать собрания гр-н человек по 8 – 10, на указанных собраниях говорили, что по газетам видно, что скоро прейдут японцы и американцы разобьют советскую власть и тогда власть будет находиться в ихних (цит. согласно документа) руках, что нам нужно самим свергнуть советскую власть самим и если придут японцы, то они нас как повстанцев уже притеснять не будут, после указанных собраний к нам присоединились человек 25 – 30, но некоторые пошли с неохотой ... говорили что из этой затеи ничего не выйдет, т. к. попытки свергнуть власть уже были и не в таком масштабе, т. е. участие принимали тысячи и всё же были биты, мы же с своей стороны на это отвечали, что к выступлению подготовлен весь край, а потому успех будет на нашей стороне"⁵¹. Поэтому вполне будет справедливым утверждение о вторичности старообрядческой религиозной идеологии в этом крестьянском восстании.

Военно-политическая организация восстания с точки зрения ведения партизанской войны, была поставлена вполне профессионально. Военный штаб восстания, возглавляемый Антоном Кулагиным, был связан, как сразу с несколькими восставшими районами, так и с организациями, которые в случае успешного наступления могли, включившись в борьбу, оказать значительную военную и политическую помощь. В схеме № 1 (см. Приложение 30) показана организационная структура восстания, составленная начальником Улунгинского военного штаба Кулагиным. Несмотря на то, что эта таб-

лица была составлена им уже после ареста во время допроса и не может быть уже только поэтому точным и правдивым документом, всё же сравнительный анализ документов позволяет нам сделать вывод, что к данному документу можно отнести как к вполне достоверному. Большое сомнение вызывает только тот момент, где Кулагин указывает на связь Кхуцинской долины с японцами и Уссурийской с белогвардейцами в Китае. Все связи участников восстания с японцами и русскими эмигрантами в Китае, (называть которых белогвардейцами можно только с большой натяжкой) носили исключительно бытовой характер и к тому же в большинстве имели место задолго до восстания. Поэтому приписывать этой связи какой-либо целенаправленный характер, суть которого была в поддержке Японией восстания, нет никаких оснований. Относительно достоверности других данных схемы, кроме подтверждения их другими материалами дела, добавим то логическое заключение, что все сфальсифицированные дела по мифическим контрреволюционным организациям, в особенности в годы "Большого Террора", базируются на словесных показаниях, в точности повторяющих формулу обвинения и никакие сложные документы в виде таблиц и чертежей к ним не прилагались. Говоря же о достоверности показаний для определения структуры повстанческой организации, отметим такой немаловажный факт: во втором томе следственного дела по старообрядческому восстанию есть схема связей восставших (см. схема № 2, приложение 31), составленная уполномоченным особого отдела 62 погранотряда ОГПУ Воронцовым и его помощником И.А. Лиходзеевским, тогда только что окончившим Высшую пограничную школу ОГПУ в Москве. Во время "Большого Террора" Лиходзеевский был начальником третьего отдела ПОУ НКВД и за ним в этот период числилось множество сфальсифицированных дел. Так вот, почти во всех делах, где фигурирует подпись Лиходзеевского, больше подобных схем нет и все доказательства сводятся только к личным признаниям и свидетельским показаниям, что об-

виняемый был членом контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение советской власти и всё. Какие-либо сложные подтасовки в виде фальшивых документов или детального описания контрреволюционной организации и т. д., в делах подобного рода отсутствуют. Это говорит о том, что сфабрикованные дела носили массовый характер и не были тонко подтасованы, так как целью подобных фабрикаций следственных дел было устранение неудобных, а не искусная подделка документов. Профессиональный уровень большинства следователей к тому же не позволял фабриковать (тем более поточно) искусные подделки. Поэтому при исследовании почти сразу видна разница между действительно существовавшей организацией и выдуманной. Так что, данные об организационной структуре повстанческой организации можно принять с известной долей осторожности. Исключение также составляет указанная в схеме № 2 связь с японцами во Владивостоке по тем же причинам, что и в схеме № 1. Кроме указанных неточностей в приведённых схемах, добавим, что не совсем соответствуют действительности и те роли в руководящем и командном составе восставших, которые указывались в разведдонесениях агентов ОГПУ, а затем на их основании приписывались следствием. Это путаница происходила больше из-за того, что распределение должностей в руководстве восстанием довольно часто менялось.

Центром восстания был пос. Улунга Тернейского района. Вооружённые силы состояли из крестьян и охотников-промысловиков с охотничьим и нарезным оружием, численностью до 500 человек. Общая численность восставшего населения приближалась к 1000 человек. В основу комплектования отрядов был положен принцип добровольности. Хотя на допросах некоторые участники восстания показывали, что они были силой вовлечены в восстание, тем не менее, кроме их слов нет других документов, подтверждающих введение мобилизационного порядка при формировании военных отрядов.

Скорее всего, здесь речь идёт о психологическом давлении, то есть крестьянину или даже охотнику, менее связанному с коллективом, было трудно противопоставить себя всему обществу даже, если он был с ним не согласен, и он поневоле вступал в отряд.

Социально-политической базой восстания было всё население охваченных восстанием районов, так или иначе недовольное советской властью и особенно её политикой коллективизации. Население было настроено вполне лояльно к восставшим, что давало им возможность столь длительное время сопротивляться войскам ОГПУ. Так, на допросе от 1 сентября 1932 г. Медович утверждал, что "если большинство заявляет о их насильственной мобилизации, то это явная ложь. Воевать хотели все — за самым небольшим исключением. Открытых противников выступления я не знаю"⁵². Аналогичные заявления были сделаны на допросах и другими обвиняемыми. В обвинительном заключении ПП ОГПУ ДВК и составленной на его основе справке МГБ за 1950 год говорится, что, когда восставшие "7 мая [1932 г.] открыто выступили в селе Улунге, захватили кооператив, магазин ГОСТОРГА, сняли советские флаги и провели митинг, объявив населению, что Советская власть свергнута и объяснили цели и задачи восстания. Население посёлка отнеслось сочувственно, тут все мужчины от стариков до молодёжи присоединилось и дали согласие поддержать таковое"⁵³. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что и обвиняемый, и следствие, а после и составлявшие справку в 1952 году сотрудники МГБ в один голос утверждают о поддержке восстания местным населением. Однако истинность подобного утверждения другими прямыми данными не подтверждается. Но здесь вполне уместным будет сделать логическое заключение, исходящее из того, что подобное утверждение было невыгодно обеим сторонам. Так как, если бы существовали факты прямого недовольства населения восставшими и их порядками, то следствие непременно поставило бы это им в вину. Если мы сравним сфальсифициро-

ванные протоколы допросов по мифическим контрреволюционным организациям, похожие друг на друга как экземпляры одного и того же документа, по так называемым право-троцкистским центрам на Дальнем Востоке (и другим подобным делам) с материалами дела по восстанию староверов, то мы придём к выводу, что утверждение о поддержке населением восстания всё же имеет под собой некоторые основания. К тому же в деле отсутствуют документы, дающие информацию об открытом сопротивлении местного населения восставшим.

Экономическую основу восставших составляли их собственные хозяйства. Но переход от мирной жизни к вооружённому восстанию вносил свои коррективы, причём довольно основательные. Когда человек, а тем более большая группа лиц от сельского хозяйства или охоты переходят к военным действиям, то в силу вступают свои – военные законы. А это непременно отразилось на тех хозяйственных решениях, которые были вынуждены принимать восставшие. Яростные противники хлебозаготовительных кампаний и коллективизации, они на общем собрании принимали решения, аналогичные мероприятиям советской власти. В частности, по показаниям того же Медовича сразу после начала восстания в Улунге "предлагалось закончить посевную кампанию в срок"⁵⁴. Точно так же восставшим приходилось поступать и при решении административных вопросов в связи с введением ими фактически военного положения на контролируемой территории. Наиболее красноречиво об этом говорит документ, составленный в с. Улунга и датированный 27 мая 1932 г. (см. Приложение 16).

Как видно из данного документа, руководство восставших было вполне знакомо с официальным делопроизводством и по своему образовательному уровню ничем не отличалось от низового чиновничьего аппарата советской системы. К тому же, многие из командного состава повстанческих отрядов имели не только военный опыт, но и опыт работы в сельсоветах, что и сказа-

лось, как на качестве, так и на характере принимаемых решений. По мере развёртывания восстания, руководителям его приходилось в силу объективных причин сталкиваться и с вопросами интендантской службы. И здесь возникали проблемы дисциплинарного порядка. Так, в записке начальнику матахезской заставы Куликову Моисею от начальника лоухинской заставы А. Кулагина, (которую правильно было бы назвать отношением, но по содержанию она более напоминает приказ, что говорит о недостаточно чёткой определённости полномочий командного состава), говорилось: "В дальнейшем с продуктами относитесь осторожно. А то как сообщают посылаете с орочёнами муки 5 кульков, они привозят от Матахезы до Сутунги и привозят уже только 3 кулька, говорят за дорогу съели. А в дальнейшем что посылаешь пиши фактуру или счёт, а что полагается на дорогу отдельно выдавай"⁵⁵.

Говорить о том, что у восставших были экономические проблемы со снабжением повстанческой армии, пожалуй, нет серьёзных оснований. Восстание было подавлено до того, как такие проблемы неизбежно могли бы возникнуть. Уже имевшихся запасов было вполне достаточно для снабжения повстанцев на первое время. И вообще данную проблему командование, особенно улунгинского штаба, решало вполне успешно, т. к. все участники восстания были не просто хозяйственными крестьянами, но и таёжниками, привыкшими всегда делать основательные запасы впрок – уссурийская тайга этому способствовала. По различным заимкам и охотничьим избушкам были размещены продовольственно-хозяйственные склады. В обвинительном заключении констатировалось что в результате наступления войсками ОГПУ было обнаружено и ликвидировано около 200 тайных продовольственных баз восставших. Причём на 4-х основных базах было захвачено: хлеба / зерно, мука, сухари/ –650 пудов, круп разных – 30 пудов, соли –180 пудов, масла и жиров –3 пуда, мёду –9 пудов, мануфактуры разной –1500 метров, ружей и

винтовок –6 штук; винтовочных патронов –130 штук; а так же большое количество верхней одежды и сельско-хозяйственного инвентаря⁵⁶.

Главным политическим координатором, осуществлявшим политико-идеологическое руководство были регулярные соборы и Совет Монастырей. Военную власть осуществлял штаб улунгинского отряда. Но необходимого в данном случае единого военного командования не было. После назначения на должность командующего повстанческими отрядами Медоловича, (бывшего офицера царской армии, но не кадрового военного, а мобилизованного в 1914 году и прошедшего только ускоренные трёхмесячные курсы военного училища в Иркутске, давшие ему чин прапорщика) положение несколько изменилось. Им была предпринята попытка построить необходимую исполнительную вертикаль и не без успеха. Но до конца завершить это ему не удалось. Кроме того, его назначение пытались оспорить, и сам Медолович на допросе отрицал своё руководство восстанием. Особенно разногласия части улунгинских староверов и Медоловича возникли после того, как он высказал ряд замечаний из-за их неудачного наступления на Кхуцин, предпринятого в его отсутствие. В частности, по этому поводу на допросе от 1 сентября 1932 года он показывал следующее: "Не доходя до дер. Олимпиевки я вернулся назад в д. Биаму и не принял дальнейшего участия в походе на Кхуцин. Через два дня, после неудачного похода, выходявшие с Бикина в беспорядке отступили за перевал до заставы в 30 км от Улунги. После 4-х дней стоянки я вернулся в Улунгу и сообщил о создавшемся положении. На заставе между мной Шарыповым Т. произошёл крупный разговор. В этом разговоре я допустил по адресу Шарыпова, за совершённую им авантюру оскорбление / "бога"/. Это было передано в Улунге, при чём на ближайшем собрании улунгинцев было решено – "не допускать" Николая – безбожника" в начальники"⁵⁷. После провала наступления на Кхуцин Шарыпов был смещён с должности начальника отряда и заменён более опытным бывшим красным партизаном Бортни-

ковым Сысоем. Хотя возводить всю вину за провал кхуцинского наступления на Шарыпова будет несправедливо. Данных, что это перемещение в командном составе было произведено с подачи Медоловича, нет, но, скорее всего, его мнение было учтено. Наиболее обстоятельно об этом эпизоде восстания в своих показаниях от 16 июля 1932 года, рассказывает боец отряда Шарыпова – Васюков Фёдор. "Всего наш отряд был 25 человек. Нам объяснили, что мы идём на Верхотурье и Кхуцин для поднятия восстания. Командиром нашего отряда был Шарыпов Т. и как бы ему помощником Бортников Сысой, а в последствии как-то получилось, что Бортников Сысой был начальником отряда, а Шарыпов рядовым бойцом, т. к. Шарыпову доверять не стали ибо дескать вы сбаламутили весь народ на восстание, а сами ничего путёвого не сделали. В особенности это приключилось после похода на Кхуцин и первой перестрелки, где наш отряд себя показал как панически настроенный, т. к. все разбежались по сопкам и после собрались всем отрядом на Шарыповском хуторе. Все улунгинские собрались у себя и обсудили положение и решили, что коль заварили кашу, то нужно её расхлёбывать и дескать нам всё равно плохо и нужно держаться до последнего. Особенно основательно всех мужиков настроил Куликов Никита, Вследствие чего решили вести оборону Бикинско-Улунгинского района и уже по решению штаба, окончательно был утверждён Бортников Сысой. На Шарыповском хуторе держали всё же заставу и кроме того где-то выше к перевалу была секретная заставка"⁵⁸.

После Кхуцинского поражения Медолович был назначен, говоря современным языком, "военным инструктором", а не руководителем восстания, как ему приписывалось обвинением. Несмотря на то, что Медолович прожил в тайге со староверами девять лет с 1923 по 1932 год, для староверов он не был до конца своим, так как сам старовером не стал. И "хула на бога" такая же, как в споре с Шарыповым, не была единственной. За что он и получил от монаха Шарова Александра ещё в 1928 году прозвище Николай – безбож-

ник⁵⁹. Но, тем не менее, за свои личные качества и свою грамотность (офицер с высшим образованием) среди местного населения он пользовался большим авторитетом и уважением. Это и заставило восставших, в полное нарушение Бикинского Соборного Уложения, обратиться к нему за помощью в военном руководстве восстанием. Здесь необходимо ещё раз отметить, что военная необходимость вынудила нарушить руководителей восстания очень многие положения Соборов, которые являлись идейным документом восстания.

Говоря о социальной базе восстания, отметим, что, несмотря на то, что старообрядцы составляли основное ядро восстания, само восстание никак нельзя назвать чисто старообрядческим. К такому выводу нас приводят следующие факты:

Во-первых, участие в восстании людей никак не связанных с религией старообрядцев. В восстании активно участвовали орочи, то есть, по старообрядческим понятиям, язычники. А, если судить по официальной информации представленной председателем туземного райисполкома Куенка коменданту бикинского погранучастка ОГПУ многие из них были активными шаманами⁶⁰. Правда датировка документа 17 сентября 1932 года, т.е. временем восстания заставляет нас отнестись к данному документу с большей осторожностью.

Кроме того, как уже упоминалось, многие из восставших являлись членами сельсоветов Тернейского района действительными или бывшими, то есть, представителями власти "антихриста". В частности, также за год до восстания секретарём улунгинского сельсовета был начальник штаба повстанческих отрядов Кулагин Антон.

Во-вторых, командные должности в повстанческих отрядах занимали молодые люди, например, начальнику улунгинского военного штаба Кулагину Антону Терентьевичу было всего 22 года. Назначение такого молодого

человека на командную должность противоречило старообрядческим правилам почитания старших⁶¹.

Характер и причины восстания. В целом восстание можно определить как полустихийное антиколхозное и, если так можно выразиться, антиколлективизационное. Полустихийный характер восстания определяется значительным присутствием как стихийного, так и организационного начал:

Во-первых, восстание не было сознательной и продуманной в деталях военно-политической акцией. Нельзя говорить с достоверностью и о существовании повстанческой организации до восстания. Это объяснялось отсутствием среди восставших значительного числа подготовленных для подобных акций людей. Восстание было скорее взрывом возмущения крестьян и охотников насильственными мерами проведения коллективизации и конфискационной налоговой политикой, проводимой Коммунистической партией и советской властью, а не запланированным военным переворотом, ставившим своей целью с помощью вооружённого восстания ликвидировать советскую власть, как это утверждало обвинительное заключение ПП ОГПУ ДВК. Здесь же можно отметить, что восстание отличала, по крайней мере до руководства Медоловича, относительно слабая военная дисциплина, что для запланированных военных переворотов нехарактерно. И хотя, в разведдонесении (спецсводка № 16) ОГПУ по этому поводу говорилось следующее: "Дисциплина в банде крепка – поддерживается мерами самой жестокой борьбы с проступками как например: за уход с поста наказывается вплоть до расстрела. Нареканий и недовольства в среде бандитов не наблюдается. Все они объединены одной общей ярко выраженной ненависти (так в документе – В.К.) к Соввласти и порывом борьбы с нею"⁶². Тем не менее, ни одного дисциплинарного взыскания за всё время восстания ни на кого наложено не было. Хотя, судя по неудачной кхучинской операции, было за что. В частности, допущение командиром отряда (Шарыповым) паники среди личного состава и де-

зертирство отдельных бойцов отряда. Все виновные ограничились простым нареканием от Медоловича.

Во-вторых, восстание, несмотря на все недостатки, всё же было в достаточной мере организовано, как в военном плане (наличие военного командования и объединённого штаба с их вполне отвечающими правилам тактики ведения партизанской войны распоряжениями и приказами), так и в идейно-политическом (наличие идеологической доктрины в виде Соборных Уложений и довольно грамотных, и необходимых в военное время хозяйственных решений, принятых общим собранием). Этому способствовало наличие среди восставших значительного количества активных людей, имевших боевой и в какой-то степени политический опыт, приобретённый на фронтах Первой мировой и гражданской войн. Однако для масштабной войны сил даже всего населения, охваченных восстанием районов, было явно недостаточно. Необходимо было грамотное в этом вопросе руководство, которое сумело бы расширить необходимую социальную базу, а таких людей среди повстанцев не было. Кроме того, такие действия, как расстрел Лытаря и Копылова, не способствовали повышению авторитета восстания. В обвинительном заключении говорилось, что "арестованный в селе Лаухе бандитами зав. отделением госторга т. Лытарь и крестьянин-колхозник Копылов по приговору Повстанческого штаба были бандитами расстреляны. Первый за свою активную соработку, второй по подозрению в связи с органами ОГПУ"⁶³. Лытарь и Копылов были расстреляны после неудачного похода на Кхуцин. Причины, побудившие восставших прибегнуть к столь суровой мере, не ясны. Лытарь не был рьяным проводником коллективизации и раскулачивания. Об этом говорят показания одного из активных участников восстания, занимавшего в нём должность начальника полевой разведки – Могильникова Ефима. "Когда был арестован Лытарь, то была произведена проверка документов "Интеграла"... в частности был вскрыт один пакет приготовленный Лытарем для отправки в

РИК, в данном пакете помню был один документ, в котором Лытарь просил выселения кулаков отставить до зимы дабы не сорвать посевкампанию и не оставить район без хлеба, прочтя этот документ все арестованные получили известное послабление т. е. ходили на воле и безусловно имели полную возможность от нас уйти в любое время"⁶⁴. Чем Лытарь и воспользовался, бежав из-под стражи. Но всё же был пойман. Каких-либо данных о вине Лытаря перед восставшими в деле нет, скорее всего Лытарь стал жертвой каких-то личных счётов, так как коллективизация и раскулачивание проходили через него. Копылов, был арестован в районе боевых действий под Кхуцином, что заставило восставших заподозрить его в шпионаже, так как он был к тому же из кхуцинских колхозников. Но доказательств его шпионской деятельности у них не было. Здесь сыграла свою роль общая нервная обстановка. Агентом ОГПУ Копылов скорее всего не был, так как в противном случае это непременно было бы отражено в следственном деле. Действительная разведка ОГПУ действовала в повстанческих отрядах хотя и непродолжительный период времени, но довольно успешно. И агент ОГПУ, собрав необходимую информацию, благополучно вернулся в Кхуцин. Об этом говорит имеющаяся в деле спецсводка № 16. В ней есть примечание, где в отношении разведданных сказано: "Сведения точные, получены от нашего внутренника который был влит в банду 26 мая и прибыл от туда 11 июня"⁶⁵.

Характер восстания связан с его социальной базой. В восстании участвовали практически все так или иначе недовольные политикой коллективизации. Это и определило характер восстания, как антиколхозного. Это также определило и ход боевых действий.

Военные события, согласно обвинительному заключению (что подтверждается и другими документами), начали развиваться следующим образом:

5-го мая 1932 года прибытие из Кхуцинской долины Мефима Могильникова и доклад Повстанческому центру в Улунгуе о готовности Северного побережья к восстанию.

6-го мая в селе Улунга в доме Антона Кулагина на совещании организаторов восстания принимается решение о вооружённом выступлении.

7-го мая открытое выступление в селе Улунга, захват кооператива, магазина госторга, снятие советских флагов. Проведение митинга с объявлением населению о свержении советской власти и объяснением целей и задач восстания. При этом населением было поддержано вооружённое выступление.

После митинга организованный отряд в 12 человек во главе с Могильниковым Ефимом и Кулагиным Антоном и направился для захвата власти в соседнее село. Одновременно были установлены заставы по дорогам, идущим от Улунги в Кхуцинскую и Светлинскую долины, а так же в сторону ст. Бикин, в целях пресечения движения войск ОГПУ или людей которые смогли бы сообщить властям о начале восстания. В этот же день отряд захватил село Лаухэ, арестовав местных представителей советской власти.

Утром 8-го мая восставшими был захвачен туземного кооператива и отделения дальгосторга. были сняты красные флаги проведён митинг и объявлено населению о свержении советской власти. Населением также, как и в Улунге восстание было встречено с одобрением. Был организован штаб для руководства и обеспечения охраны захваченной территории и организации дальнейших действий в направлении Бикина и Лаухэ. Так же были выставлены заставы по основным направлениям.

9-го мая руководители отряда Могильников и Кулагин, забрав арестованных вернулись в Улунгу, для совещания с прибывшими представителями хуторов верховьев Бикина⁶⁶.

На следующий день 10 мая 1932 года улунгинский штаб издаёт важный приказ за № 2 подписанный И. Токаревым, Н. Куликовым и А. Кулагиным, позволивший восставшим столь длительное время сопротивляться войскам погранотрядов ОГПУ, основной идеей которого были инвентаризация военного имущества, учёт сил и установление исполнительной вертикали: "...1932 года 10 мая. Гр-нам, СТАРКОВЫМ, ЧЕРКАСОВЫМ и ХОМЯКОВЫМ. Настоящим Вам приказываем взять на учёт все имеющиеся у вас огнестрельное нарезное оружие, а так же взять на учёт всех бойцов, составить списки и послать нам и в дальнейшем подчиняться приказам КУЛИКОВА Никиты. Настоящее дано для неуклонного выполнения"⁶⁷.

Все дороги, ведущие из района восстания, были перекрыты. После перегруппировки сил было предпринято наступление на Кхуцин. Но здесь штаб повстанческих отрядов допустил грубую в военном плане ошибку, которая не позволила взять Кхуцин и предопределила военное поражение восстания. Наступление было начато спонтанно без определённой подготовки, в результате чего разведка была захвачена в плен, а действия со стороны заключённых Управления лагерей особого назначения (УЛОН) и союзников восстания в Кхуцине не получили должного направления и не были в достаточной мере согласованы. Но поражение под Кхуцином всё же, несмотря на всю свою серьёзность для успеха дальнейших военных действий, не деморализовала повстанцев, а наоборот заставило их более трезво взглянуть на свои силы. И улунгинский штаб принимает для исправления положения важное решение, однако с большим опозданием, к тому же это решение не было оформлено приказом, с соответствующим контролем за его исполнением. Суть же этого решения сводилось к принятию мер по повышению боеготовности личного состава: "К военному обучению было приступлено после неудачного похода на Кхуцин причём военным обучением на заставе около х. Шарыпова занимался Бортников Сысой, а на заставе х. Чепкасова – Гребенщиков Степан.

Состав бойцов был разбит на взводы и отделения. Обучение заключалось в прохождении рассыпного строя / размыкания в цепь, перебежки и т. п./Временами устраивались тревоги для проверки боевой готовности. На Барановской заставе военным обучением не занимались⁶⁸.

В дальнейшем восставшие переходят к оборонительной тактике. По дорогам на Улунгу строятся земляные укрепления и ставятся заставы. Разрабатывается система условных сигналов для беспрепятственного прохождения своих и задержки войск ОГПУ⁶⁹. Составляется расписание смены караулов⁷⁰.

В дальнейшем крупных наступательных операций на Кхуцин не предпринималось. Но подготовка к ним велась. Так как взятие Кхуцина было наиболее важной задачей восстания, её решение давало восставшим в руки такие средства для дальнейшей борьбы, как оружейный арсенал, радиостанцию, водный транспорт (катера) и золотой запас. Наличие этих средств создавало плацдарм для расширения восстания. И руководители восстания это хорошо понимали. Но решить эту задачу не смогли, хотя силы у них для этого были. А не смогли, потому что не сумели использовать в полной мере все имевшиеся в их распоряжении средства из-за отсутствия военно-политического опыта.

В итоге всех боевых действий войска ОГПУ сломили упорное сопротивление восставших и через четыре месяца подавили восстание. Сам посёлок Улунга войска ОГПУ штурмом взяли только на пятый день. Всего же было по показаниям начальника улунгинского штаба Кулагина Антона, шесть крупных сражений. В обвинительном заключении их насчитывается 13. Но деление на сражения сугубо условное. Кроме того, выявление в тайге отдельных участников восстания продолжалось вплоть до весны 1933 года. Подводя итог подавлению восстания, в обвинительном заключении констатировали: "В результате этих боевых действий наши отряды потеряли 7 че-

ловек бойцов и 8 тяжело ранено. Со стороны повстанцев убито 20 человек и ранено 8 человек, остальная масса захвачена в плен"⁷¹.

Главными причинами поражения восстания, по нашему мнению, являются сугубо военные причины. Противостоявшие восставшим войска ОГПУ, в основном это были части 57 погранотряда ОГПУ, оказались более умелыми в ведении военных действий и, несмотря на отчаянное сопротивление повстанческих отрядов и сочувствие местного населения восставшим, сумели подавить восстание. По своей численности и вооружению восставшие превосходили силы 57 погранотряда – 277 человек⁷². Причём в подавлении восстания участвовало менее половины отряда. "Во время операции при ликвидации повстанческих отрядов было изъято 250 единиц огнестрельного боевого нарезного и другого оружия и большое количество боеприпасов"⁷³ – докладывали о численности только изъятого оружия следователи ОГПУ. Но повстанческие отряды значительно уступали пограничникам, как минимум по технической оснащённости, не говоря уже о боевой выучке и дисциплине, так как имели в своём составе лишь несколько человек с военной выучкой, к тому же эти бывшие военные уже лет десять как оставили военную службу и военных сборов не проходили, за исключением двух – трёх человек, то есть, говоря современным языком, потеряли квалификацию. Потери восставших за время боевых действий составили соотношение 3 к 1, причём, вторая половина боевых действий проходила в обороне. Это ещё раз показывает, насколько восставшие уступали в боевой выучке войскам ОГПУ.

Говорить же о политическом поражении, по нашему мнению, преждевременно. Политическое поражение наступает только тогда, когда исчерпаны все политические возможности влияния на ход событий в контролируемой данным политическим режимом территории. Такое положение наступает в случае либо изначального неприятия данного режима большинством населения, либо после разочарования в нём также большинства населения. Каких-

либо данных, подтверждающих недовольство восставшими и проводимой ими политике, в материалах следственного дела не обнаружено. Здесь необходимо отметить, что если бы такие данные были, то они непременно нашли бы отражение в материалах следственного дела, как свидетельства, усугубляющие вину участников восстания. Наоборот, почти все участники восстания подтверждают факт поддержки их большинством местного населения. Впоследствии от этих показаний никто не отказывался, как от вынужденных, при пересмотре дела в 1959 году после первой крупной реабилитации жертв политических репрессий. Поэтому их можно принять, с известной долей условности, за вполне достоверные. Кроме того, уже упоминавшиеся косвенные данные, такие, как столкновение восставших с местным населением в деле также отсутствуют. Мнение о том, что данное восстание, как и подобные ему, было заранее политически обреченным, на наш взгляд, несостоятельно. Во-первых, это противоречит фактам. Так, крестьянские восстания 1921 года, несмотря на их подавление, заставили большевиков кардинально изменить политику и "повернуться лицом к деревне", заменив продразвёрстку продналогом. Во-вторых, говорить о несостоявшемся событии, как о заранее невозможном, не вполне корректно. Анализ всех политических событий в стране позволяет нам утверждать, что в партии не просто шла борьба за власть и назревал раскол, но и стояла прямая альтернатива: либо у власти будут стоять круги, непримиримо настроенные ко всякому не находящемуся под их полным контролем в любой сфере (идеологической, политической экономической и т.д.), либо относительно умеренные круги, которые позволят крестьянству сохранить по крайней мере даже после подавления восстаний, *status quo*. В борьбе за власть победили первые. Это и предопределило дальнейшую судьбу крестьянства и, в определённой степени, результаты их вооружённой борьбы за свои права. Исходя из этого, можно с определённой уверенностью утверждать, что политические причины поражения восстания

были, но они носили вторичный характер. К этому выводу нас подводят приведённые выше факты.

В результате поражения восстания органами ОГПУ было арестовано 409 человек, из которых 365 было осуждено Постановлением Тройки ПП ОГПУ ДВК от 8 ноября 1932 года. Из них 118 было приговорено к расстрелу, к заключению в исправительно-трудовые лагеря на 10 лет – 64 человека, 8 лет – 7 лет – 4 человека, 5 лет – 80 человек, 3 года – 38 человек, 3 года условно – 5 человек, 2 года – 1 человек, высланы этапом через ПП ОГПУ в Западную Сибирь сроком на 3 года – 8 человек, из под стражи освобождён и выслан через ПП ОГПУ в Западную Сибирь сроком на 3 года – 1 человек, из под стражи освобождено с зачётом предварительного заключения – 26 человек. Высланы в спецпосёлок совместно с семьёй в порядке кулацкого расселения – 1 человек, Выслать в посёлок совместно к отцу в порядке кулацкого расселения – 1 человек. Были выделены и направлены на доследование материалы по 6 арестованным.

Подверглись репрессиям и семьи восставших. В 1933 г. они были высланы большей частью в спецпосёлок Свободный Хабаровского края. А ещё через год зимой 1933/ 34 гг. в дома высланных улунгинцев поселили других ссыльных уже с Амура⁷⁴.

После подавления этого восстания мероприятия советской власти по переустройству деревни уже не встречали активного сопротивления. Недовольство крестьян выражалось только в виде упорного нежелания работать в колхозе "за палочки" – как они называли систему учёта труда в колхозе. Но, и это сопротивление подавлялось репрессиями, основным инструментом которых была 58 статья пункт 10. Под эту статью попадали все, кто так или иначе, словом выражал недовольство своей жизнью в советской деревне.

§ 2. Невооруженные формы крестьянского сопротивления

После того как открытое вооруженное сопротивление наиболее активных крестьян было сломлено, крестьянство не прекратило своего сопротивления репрессивной политике. Проведение таких репрессий и в таких масштабах, в каких их проводило руководство ВКП(б), не могло не вызвать сопротивления. В табл. № 11 (см. Приложение 29) показано количество зарегистрированных незначительных вооружённых выступлений) (террактов) в районах сплошной коллективизации по ДВК. Общее количество невелико всего 33 за два месяца 1929/30 гг. Кроме того, к террактам часто относили и обычные бытовые преступления, но если в них участвовали или коммунисты или представители советской власти (в любом качестве). Поэтому к аналогичным сводкам нужно относиться с известной долей осторожности. После гражданской войны крестьянство уже не имело сил для начала второй крестьянской войны, которой не без основания опасались. Несмотря на то, что раскулачивание и коллективизация вызвали значительное число восстаний они не переросли в крестьянскую войну. Причин этому было несколько. Во-первых руководству ВКП(б) удалось расколоть крестьянство. То есть, крестьянство не выступило единым лагерем⁷⁵. Во-вторых, крестьянство было не готово к решительному отпору, большинство энергичных и решительных в военном плане крестьян погибло ещё в гражданскую войну. А переход от мирного крестьянского труда к военным действиям далеко не прост и решиться на него могла лишь незначительная часть крестьянства, недостаточная для организации полномасштабной войны. В третьих, крестьянство не получило поддержки ни в одном из других слоёв общества, за исключением отдельных личностей, которые не могли оказать влияния на ход дел. Но смириться со своим положением крестьяне никак не могли. Поэтому неудивителен их переход к невооруженному сопротивлению. Здесь показательно, то что косвенно расходы на ликвидацию вооружённых выступлений ложились

на плечи тех же крестьян. (см. Приложение 17) Размеры невооруженного сопротивления были настолько велики, что стали сразу же заметны и вызывали большую обеспокоенность властей, чем даже вооружённые восстания. "Попытки запрятать, закрыть, хотя бы и рискуя сгноить, испортить хлеб отмечены почти во всех округах. Искусственно раскулачивая себя, производя фиктивные разделы. Сретинский окружной суд отмечает, что это в округе принимает характер массового явления"⁷⁶. Подобные сообщения шли со всех округов ДВК.

За всю историю своего существования крестьянство всегда сопротивлялось наступлению на их права всеми возможными способами. После подавления вооруженных выступлений – переходило к невооруженному сопротивлению. Не стало исключением и сопротивление коллективизации и параллельным ей политическим кампаниям. Основными формами протеста против мероприятий советской власти по кампании хлебозаготовок, раскулачивания и коллективизации был экономический саботаж и бегство из деревни. То есть, действия крестьян эпохи "Великого Перелома" практически не отличались от действий их предков во времена крепостного права. Разница заключалась лишь в общих изменениях в стране и в мире.

Экономический саботаж был самым массовым видом протеста. Он начался сразу с нажимом на крестьянство при проведении кампании хлебозаготовок. Первым и в этом ряду стало укрывательство зерна. Крестьяне вполне справедливо полагали, что они своим трудом вырастили хлеб и заплатили налог и больше ничего государству не должны, а отдавать практически весь хлеб только потому, что был выдвинут лозунг сдачи хлеба государству для средств на индустриализацию, не собирались, считая это обычным грабежом. Когда крестьянин оказывался перед выбором выполнить правительственное постановление и отдать хлеб или нарушить это постановление и оставить хлеб себе и своей семье, то он выбирал последнее. Статистика показала ог-

ромный недобор в планах по хлебозаготовкам. Но этот факт рассматривался руководством ВКП(б) тенденциозно. Вместо того, чтобы скорректировать, политику в крестьянском вопросе или, по крайней мере, пересмотреть планы по хлебозаготовкам, они возлагали всю вину за этот недобор на крестьян, объявленных кулаками. Хлеб стали выискивать в крестьянских хозяйствах, как только могли. В результате этой репрессивной меры, прятать уже собранный урожай стало всё труднее, а то и просто невозможно. Тогда крестьяне перешли к другой тактике. Они стали прятать посевные площади, особенности Дальнего Востока позволяли это делать довольно успешно. Возможно именно особенности Дальнего Востока позволили дальневосточному крестьянству избежать того повального голода, который был в центральных областях СССР, и который доходил до людоедства настолько, что дела о людоедстве, согласно письма отдела кодификации Народного комиссариата юстиции СССР № 175-К 1933 года, были изъяты из обычного судопроизводства и переданы на рассмотрение коллегии ОГПУ⁷⁷. Дальневосточный край в отличие от центральных чернозёмных областей, где каждый посевной гектар был давно на учёте, располагал хоть и не столь плодородными, но значительными своим объёмом неконтролируемыми площадями, особенно в уссурийской тайге. Сложность состояла в уборке и доставке зерна с утаенных от государства посевных площадей. В основном этот вид экономического саботажа практиковался крестьянами, чьи хозяйства располагались в малодоступных местах и вблизи от таёжных массивов. Особенно это удавалось корейцам, так как в сырой приморской тайге утаить рисовые посадки (основная культура, выращиваемая корейцами и малоосвоенная другими народами Дальнего Востока в частном секторе) было гораздо легче. Но так не могло продолжаться до бесконечности. Дольше всего можно было утаивать посадки с огородными культурами. Но, если утаивание посевов ещё могло долгое время оставаться, если не незамеченным, то, про крайней мере, не

пресечённым властями, то сокращение посевов не могло не вызвать реакции финансовых и земельных органов. И тем более, государственные руководители не могли не ответить на это. Поэтому уже в апреле 1930 года, то есть в разгар хлебозаготовительной кампании и раскулачивания выходит предупреждение, опубликованное в печати для крестьян, сокращающих свои посевы: "Наркомфин Брюханов обратился ко всем финорганам СССР с телеграммой следующего содержания: в целях расширения посевных площадей широко оповестите население, что в тех случаях, когда отдельные члены крестьянских хозяйств отказываются от своих земельных наделов, сельхозналог с этих хозяйств будет взиматься с площади посева или с пашни прошлого года, независимо от того, будут или нет оставляемые наделы засеиваться этими хозяйствами. В то же время колхозы и единоличные хозяйства, получившие эти наделы для использования посевов, освобождаются в 1930-31 году от уплаты сельхозналога за эти наделы"⁷⁸. Такой порядок налогообложения преследовал две цели: во-первых, сохранить хотя бы на прежнем уровне размеры посевных площадей. Во-вторых, узаконить утаённые от налогообложения посевные площади. Несправедливый в первой своей части такой порядок налогообложения все же мог бы улучшить положение, так как необложение налогом осваиваемых площадей было довольно значительным стимулом к их засеву. Но положительное действие такого порядка сводилось на нет некоторыми обстоятельствами. Во-первых, не было никакой гарантии, что при сборе урожая с освоенных земель государство не нарушит свои обязательства и не взыщет налог в полной мере и с них, а после лихорадочной кампании по хлебозаготовкам и раскулачиванию и вдобавок насильственной коллективизации крестьяне уже не верили в какие-либо гарантии со стороны государства. Во-вторых, единоличники также полагали, что расширение земель может быть расценено как переход в разряд кулаков со всеми вытекающими, в соответствии с политикой ликвидации кулачества, как класса, для них послед-

ствиями. То есть, увеличение посевов влекло за собой увеличение и других параметров хозяйства (скот, машины и т. д.). Но, так как практически любой крестьянин, увеличивающий размеры своего хозяйства, пусть даже за счёт только своего труда, расценивался властями не как рачительный хозяин, а как кулак и, следовательно, классовый враг, подлежащий уничтожению, то прекратился и рост крестьянских хозяйств, даже если у его владельцев имелись для этого все экономические возможности. Кроме утайки хлеба по всей стране происходил и массовый забой скота. Не остались в стороне и дальневосточные крестьяне. Размах забоя скота на Дальнем Востоке был так велик, что на него отреагировали в Москве. Но, реакция была, как и по всем остальным негативным явлениям, связанным с насильственной коллективизацией — найти и наказать виновных; при этом, не считались с элементарными юридическими правами граждан, будь то крестьяне или представители местных советов. Из Москвы на Дальний Восток была отправлена телеграмма, с предписанием наказать всех виновных в забое скота. Как большинство документов, связанных с коллективизацией и показывавших нежелание идти на какие-либо уступки крестьянам, данная телеграмма была помечена грифом "секретно" (см. Приложение 18).

Всё же крестьянам Дальнего Востока было несколько легче, чем их братьям из центральных районов в том плане, что дальневосточники могли наверстать недостаток в мясе охотой в малоосвоенной тайге. Поэтому увеличивается число браконьеров.

Крестьяне вряд ли задумывались над таким понятием как экономический саботаж. Но, тем не менее, их действия, направленные на то, чтобы сохранить свои силы, а не выбрасывать их впустую на правительственные проекты, ставящие крестьянина в положение не человека, а производственной единицы, весь смысл существования которой в производстве зерна и других продуктов сельского хозяйства, точно подпадали под это понятие. Методы

подавления такого вида сопротивления мероприятиям советской власти не отличались особым разнообразием. Маховик репрессий ещё только набирал силу. Многочисленные процессы, проходившие над саботажниками в сельском хозяйстве, тем не менее, затрагивали в основном только интеллигенцию, так или иначе связанную с сельским хозяйством. А крестьян предпочитали судить по 61 и 107 статьям УК и, наконец, просто высылать как кулаков. Хотя в материалах следственных дел против крестьян по 58 статье и есть обвинение в саботаже, но они носят вторичный характер. Основным обвинением по этой статье были антисоветская агитация и пропаганда и террористические действия в отношении органов власти. Как вредителей, граждан судили, главным образом, в городе на промышленном производстве.

Далеко не все крестьяне имели возможность снимать урожай с утаенных от налогообложения делянок в тайге и жить за счёт охоты. Поэтому, чтобы выжить, им приходилось покидать насиженные места и уходить. Это породило ещё один вид сопротивления. Таким видом, менее масштабным, но более заметным и длительным являлась эмиграция, как за территорию страны, так и за территорию Приморской области и Дальневосточного края. Менее масштабная не означает, конечно, что она осталась незамеченной властями. Мало того, это движение крестьян создало ещё бóльшие проблемы, так как семейство, покидавшее деревню так же ликвидировало и своё хозяйство, а каждое ликвидированное хозяйство означало минус в общем итоге положительного сальдо в сельском хозяйстве и при этом вовсе не означало обязательно плюс в других областях. Спецсводки, предоставляемые отделами ОГПУ, запестрели сообщениями о том, что крестьяне продают имущество и покидают деревню в массовом порядке по всем округам сразу же после выхода Постановления ЦК ВКП (б) "О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству" от 5 января 1930 года. Спецсвод-

ка № 3 "О коллективизации ДВК" от 25.02.30 г. констатировала такие неутешительные для руководства факты:

"...разделы семей, передача имущества в колхозы, распродажа имущества, раздача живого инвентаря соседям, выгон скота на улицу и бегство принимают массовый характер.... Большая часть кулаков этого округа бежит на лесозаготовки Амурского и Хабаровского округов в единичных случаях отмечены тенденции выезда в центр России, на Камчатку и переход за границу. Аналогичные явления наличествуют и в других округах"⁷⁹. В этой же сводке сообщалось, что в Амурском округе из Хингано-Архаринского района бежало 55 семей, из Ивановского – 145 семей⁸⁰.

В ответ на это уже 9 февраля 1930 года, выходит циркуляр по ОГПУ № 50/инфо⁸¹. Все три страницы циркуляра сводятся к одной мысли. Любой кулак, выехавший из деревни должен быть найден и использован для использования его на стройках страны. Здесь может напрашиваться вывод, что ситуация, при которой крестьянин (кулак) был вынужден бежать из родной деревни, была создана искусственно для удобства изъятия и дальнейшего использования-, бегущих в город. Предпринятые меры по изъятию из городов беглых крестьян (кулаков) оказались недостаточными и в дополнение циркуляра № 50/инфо 10 июля 1930 года выходит уже приказ по ОГПУ № 223/106⁸², подробно расписывающий, как и каким образом выявлять и изолировать оседающих в городах крестьян (в приказе они значатся, как кулаки). Текст приказа прямо показывает, что возникшую проблему бегства из деревни предполагалось решать только военно-административными методами (см. Приложение 19).

Миграция крестьян в город – это наиболее массовый вид миграции, хотя правильнее назвать этих мигрирующих по стране крестьян не классическим термином социологии (миграция населения), а современным термином, широко вошедшим в политическую жизнь второй половины 90-х годов XX

века – вынужденные переселенцы, так как крестьянин не просто выбирал новое место жительства и работы, а сбегал от насильственной коллективизации и угрозы раскулачивания. Эта тенденция была настолько массовой, что властям пришлось принимать срочные меры. Но принятые ими меры были направлены не на исправление условий, порождающих массовый исход крестьян из деревни, а на недопущение крестьян в города. То есть, боролись не с причиной явления, а с его следствием, что по свидетельству мирового опыта не даёт положительного эффекта ни в каком деле. Основным городом, куда бежали крестьяне, был Владивосток. Полпредство ОГПУ по Дальневосточному краю специально отмечало в письме Секретарю Крайкома ВКП(б), и Председателю ДКИК от 14.03.30 г. именно этот факт:

"С началом роста коллективизации деревни и постановки вопроса о ликвидации кулака как класса, во Владивостокском округе наблюдается массовый наплыв крестьян в города (главным образом во Владивосток) и на предприятия. С 24.12.29. по 18.03.30. через Владивостокскую биржу труда прошло свыше 4500 человек крестьян прибывших из деревни"⁸³.

В этом информационном письме заслуживает отдельного внимания тот факт, что руководитель такой организации, как ПП ОГПУ по ДВК открытым текстом называет причиной бегства из деревни крестьян (именно крестьян, а не кулаков) коллективизацию и раскулачивание.

Решения о принимаемых мерах по недопущению голодных крестьян в города принимали главным образом партийные органы. "Постановление бюро ГК ВКП(б) (Владивостокского – В.К.) по вопросу о мерах борьбы с кулачеством, бегущим в город, принятое на заседании бюро 24/ III- 1930 года." Основанный на упоминавшемся циркуляре ОГПУ № 50/инфо и предвосхищающий приказ ОГПУ № 223/106 – наиболее характерные документы, иллюстрирующие отношение партийных руководителей к проблеме, ими же самими вызванной (см. Приложение 20). С самого начала документа видно,

что партийное руководство, создававшее этот документ интересовало выполнение промфинплана, а не экономика сельского хозяйства, не говоря уже о судьбах людей. Объявление кулаками бегущих в город крестьян не соответствовало действительности. Бежали как раз наименее экономически защищённые крестьяне, которым в деревне уже не на что было надеяться. Фактически будучи беженцами, они не имели, сколько-нибудь значимого имущества. Но для объявления их кулаками властям было достаточно знать о принадлежности их к крестьянству и о наличии у них имущества как минимум до коллективизации. То есть, принадлежность к кулачеству определялась не столько, как имущественное, сколько, как сословно-социальное. А при отсутствии чётких критериев власти определяли, является ли крестьянин, проникший в город, кулаком или нет, если так можно выразиться "на глаз". Это, в свою очередь, порождало не только произвол местных властей, но и создавало положение, при котором крестьянин старался быть как можно меньше в зоне внимания властей. То есть, крестьянина фактически вынуждали идти на нарушение законов. На то что ещё в первой половине 20-х гг. центральные власти знали, что произвол местных властей ведёт к росту уголовных преступлений обратила внимание в своей монографии посвящённой истории дальневосточной милиции Н.А. Шабельникова⁸⁴. В результате подобной политики крестьянин находился в "подвешенном состоянии". Это позволяло держать бегущих из деревни крестьян под постоянным напряжением и использовать их нелегальное положение для того, чтобы иметь постоянный источник дешёвой рабочей силы, так как в случае отстаивания своих прав таких крестьян сразу можно было осудить по соответствующим статьям Уголовного кодекса РСФСР. Многим крестьянам удавалось устроиться на различных предприятиях в городе. Но многие не успевали, потому что в город попадали впервые и кроме своей деревни практически ничего не знали. В самом начале такого исхода из деревни в город крестьяне скапливались на вокзалах и дру-

гих общественных местах. Против них были брошены силы милиции и ОГПУ, в задачу которых входило освободить общественные места от беженцев, одновременно по возможности используя их, как дешёвую рабочую силу. То есть, те, кто не успел устроиться в городе, разделяли судьбу высланных кулаков. Упомянутым постановлением эту проблему предполагалось решать с помощью милиции⁸⁵.

Подобными постановлениями крестьяне, всю жизнь работавшие на земле и поставленные в условия, вынуждающие их бежать из деревни, ставились на одну доску с уголовниками.

К 1932 году бегство крестьян приобрело такой характер, что явилось одной из главных причин, толкнувших руководство ВКП(б) на введение паспортного режима, прикрепляющего крестьян к колхозу так же, как и раньше крепостного к поместью. Но это не остановило крестьян и исход из деревень продолжался. Закон 1937 года, требовавший от крестьянина при переезде в город предварительного заключения договора с предприятием, устраивающим на работу крестьянина, ещё больше закрепощал его. Такие препоны при передвижении по стране только толкали крестьян на нелегальные переходы в город. Неудивительно, что недовольные такой судьбой крестьяне высказывали своё недовольство, а позволяло органам НКВД осудить их за антисоветскую агитацию. При осуждении их переход в город расценивался, как усугубляющее вину обстоятельство. Квалифицировалось оно как бегство от раскулачивания. При этом, данные о раскулачивании не требовались. Для увеличения срока осуждения достаточно было констатации фактов, не образующих состава преступления, а только подтверждающих создание советской властью условий, выталкивающих крестьян из деревни, например, Лягут-Васильев Яков Яковлевич бежал от раскулачивания из с. Галёнки Молотовского района Уссурийской области ДВК. Работал механиком ремстройконторы горсбыта при горхозе г. Уссурийска. Данных о раскулачивании или при-

надлежности к кулакам в деле никаких нет⁸⁶. Или: Коломеец Прокопий Наумович "В 1931 г. часть имущества продал, от раскулачивания бежал в 1934 г. был лишён паспорта и выселен в Зею, откуда бежал в 1937 г., самовольно вернулся обратно"⁸⁷.

Бежали крестьяне не только в город, но и в приграничный Китай⁸⁸. Но это бегство не носило такого массового характера, как бегство в город. Организованными группами бежали за границу корейцы⁸⁹. Причём, в таком количестве, что это было отмечено не только районными отделами ОГПУ, но и в ПП ОГПУ по ДВК:

"...Всего за период с 1/ I по 1/ V 1930 г. учтено бежавших 1285 человек из них кулаков 260, середняков 344, бедняков 641, батраков 4, и не установленных 26. ... Всего задержано на границе с 1/ I по 1/ V 1930 г. 1654 человека из них: кулаков 82, середняков 127, бедняков 1359, батраков 61, рабочих 21, и не установленных 4 человека..."⁹⁰.

Некоторые, главным образом это были старообрядцы, бежали в тайгу в глухие места⁹¹. Многие крестьяне бежали в поисках "лучшей жизни" дважды и трижды. Сначала они бежали от раскулачивания в основном из Украины, но также было много выходцев из других регионов страны. Определить их происхождение бывает иногда довольно сложно из-за путаницы в документах. Так, например, (подобные примеры встречаются довольно часто) в одном из следственных дел есть такое разночтение: в анкете арестованного он значится, как уроженец Черниговской губернии, а в собственноручной жалобе, как уроженец Брянской области⁹². Но, приехав на Дальний Восток, крестьянин был вынужден снова бежать от своего, уже на Дальнем Востоке налаженного хозяйства, лишь бы не быть колхозником и не отдавать на обобществление своё имущество.

22 апреля 1931 года, выходит приказ по ОГПУ № 196/120⁹³. Игнорируя такой принцип как свободу передвижения по стране (см. Приложение 21).

Приказ преследует одну цель – разгрузить приграничную зону от "проблемного элемента".

Имело место также бегство только глав семей. Зная о том, что по инструкции нельзя выселить семью без трудоспособных членов, многие крестьяне бежали кто в город, кто на лесозаготовки, в надежде переждать трудные времена и, когда всё успокоится, вернуться домой. Об отсутствии глав семей на момент высылки сигнализировали тройки по раскулачиванию. В Александровском районе Амурской области они жаловались, что 10 марта 1930 года были выселены из-за отсутствия глав семей только 24 семейства (108 человек) кулаков 2 категории⁹⁴. Тот же Александровский РИК направил – Далькрайисполкому два списка кулацких семей трёх категорий на высылку в количестве 145 хозяйств; 89 – (592 человека) – 1 – 2 категорий, при этом, отметив, что 226 человек не было в наличии⁹⁵, оговорив, что не располагают сведениями, является ли причиной этого отсутствия осуждение и арест главы семьи, или же он находится в бегах. Такая неинформированность местных властей позволяла сбежавшим крестьянам дольше находится вне досягаемости репрессивного аппарата.

Подобные протесты крестьян в виде бегства порождали миграционную волну в стране, и это только усиливало негативное отношение властей к ним а, следовательно, и репрессии. Но поступать иначе крестьяне просто не могли, что следует даже из их показаний, которые они давали следователям НКВД при привлечении их в качестве обвиняемых в основном, как агитаторов против советской власти.

Подводя итоги крестьянского сопротивления репрессивной политике мы приходим к следующему:

Вооруженные выступления крестьян закончились военным поражением, мало того, крестьянские выступления не были поддержаны как *всем* крестьянством, так и другими слоями общества. Это было обусловлено тем, что

основные силы крестьянства были подорваны гражданской войной. Кроме того крестьянство это не тот слой общества который в состоянии вести многолетнюю военно-политическую деятельность. Все вооруженные выступления крестьянства носили стихийно-вынужденный характер и могли только скорректировать политику властей, а не в корне изменить ее. Как и за все многовековую историю крестьянства, наиболее длительным и эффективным (в том понимании, что государству не удалось его подавить) оказался путь невоенного сопротивления административно-экономическому нажиму. Однако этот вид сопротивления оказал очень негативное влияние на развитие страны в целом. Так все меры, к каким прибегали крестьяне, фактически, спасая свою жизнь, приводили к тому, что сельское хозяйство начало приходить в упадок и не давать той экономической отдачи, на какую рассчитывали организаторы коренного переустройства деревни. То есть, здесь работал закон свёртывания производства при неблагоприятных условиях. Но вместо того, чтобы создать благоприятные условия для роста сельскохозяйственных предприятий (кооперативов или единоличного сектора), власти предпочитали действовать прямолинейными административными мерами, ещё более усугубляя ситуацию в сельском хозяйстве. Результатом политических репрессий против крестьянства и его сопротивления этим репрессиям стало кардинальное изменение всего крестьянства не просто как класса, но и как основы общества.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Саначев И.Д. "Крестьянское восстание на Амуре - кулацкий мятеж или шаг отчаяния?" // Вестник ДВО РАН. – 1992. – № 3-4.

² Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. – М., 2000. – Т. 2. – С. 164, 167, 169.

³ Там же – С. 114.

⁴ Фомин В.Н. Ликвидация кулацкого выступления на Амуре. // Труды Дальневосточного филиала АН СССР. – 1961. – Т. 2. – С. 119 – 134; Он же

Подавление кулацкого мятежа на Амуре. // Глава книги "Дальний Восток в период восстановления наводного хозяйства". – Томск, 1973. – Т. 1. – С. 395 – 424. Он же. Части особого назначения (ЧОН) на Дальнем Востоке в 1918 – 1925 гг. – М., 1997.

⁵ http://kazak-forum.jino-net.ru/history_amur_10.htm; // дата просмотра 12.08.08.

<http://www.amurobl.ru/index.php?m=24596&r=4&c=2697&p=4114> // дата просмотра 12.08.08.

http://www.a-k-v.ru/history/history_8.html. // дата просмотра 12.08.08.

⁶ Советская деревня ... – Указ. изд. – С. 1055.

⁷ Флеров В.С. Ликвидация кулацкого выступления на Амуре. // Труды Дальневосточного филиала АН СССР.- 1961.- Т.2.- С. 119-134.

⁸ Советская деревня ... – Указ. изд. – С. 1054.

⁹ Флеров В.С. Ликвидация кулацкого выступления на Амуре. // Труды Дальневосточного филиала АН СССР.- 1961.- Т.2.- С. 119-134.

¹⁰ "В лаптях и рваных гимнастерках..." // Родина. 2007. № 10. С. 79 – 85.

¹¹ Советская деревня ... – Указ. изд. – С. 84, 100, 164.

¹² Там же – С. 1055.

¹³ Там же – С. 626.

¹⁴ Кобко В.В. Следственные материалы как источник по истории старообрядчества Приморья (конец 20-х – конец 30-х гг. XX в.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С. 100 – 105.; Саначёв И.Д. Указ изд.

¹⁵ Проскурина Л.И. Репрессии в Дальневосточной деревне в конце 20-х – первой половине 30-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С. 123.; Шишко Н.П. Борьба Дальневосточной краевой партийной организации за победу линии партии на сплошную коллективизацию и укрепление колхозного строя (1929 – 1932 гг.) // Учён. зап. ДВГУ. Т. 7. Сер. общ. Наук. – Владивосток, 1965. – С. 89.

¹⁶ Лыкова Л.И., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века. – Владивосток, 2004. 132, 138.

¹⁷ Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922-1930 гг.). – Владивосток, 2002. С. 432 – 433.

¹⁸ Куртина Г.Б. Как это было... Из практики работы УФСБ с материалами архивных уголовных дел периода массовых репрессий. // Материалы международной научно-практической конференции. 29.08.01. - Благовещенск, 2001. – С. 142 – 149.

¹⁹ Макий В. Повстанцы. // Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. – Благовещенск, 2001. – С. 337 – 349.

-
- ²⁰ Коммунистический труд. 22 апреля 1989. С. 3.
- ²¹ Макий В. Повстанцы ... – Указ. изд. – С. 337 – 349.; Куртина Г.Б. Как это было ... – Указ. изд. – С. 142 – 149.
- ²² А. Рыбак. Сианское восстание. 1. Взгляд очевидца. // "Коммунистический труд". 22 апреля 1989 г. – С. 3.
- ²³ Лыкова Л.И., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока... – Указ. изд. – С. 132.
- ²⁴ ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 20.
- ²⁵ ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 22.
- ²⁶ Архив УФСБ по Омской области, д. П-77433, л. 32.
- ²⁷ ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 16.
- ²⁸ ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 22 – 23.
- ²⁹ Архив УФСБ по Омской области, д. П-77433, л. 614.
- ³⁰ Архив УФСБ по Омской области, д. П-77433, л. 615.
- ³¹ Архив УФСБ по Омской области, д. П-77433, л. 615 – 614.
- ³² ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 16.
- ³³ Макий В. Повстанцы. – Указ. изд. – С. 340.
- ³⁴ Архив УФСБ по Омской области, д. П-77433, л. 33.
- ³⁵ Макий В. Повстанцы. – Указ. изд. – С. 348.
- ³⁶ ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 5 об.
- ³⁷ ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 23.
- ³⁸ Архив УФСБ по Омской области, д. П-77433, л. 630.
- ³⁹ Макий В. Повстанцы. – Указ. изд. – С. 349.
- ⁴⁰ ГАПК. Ф. 1588, Д. ПУ-7048, Т. 1, Л. 90 (пакет).
- ⁴¹ Там же. Т. 19, Л. 90 (пакет).
- ⁴² Там же. Т. 1, Л. 93.
- ⁴³ Там же. Т. 19, Л. 90 (пакет).
- ⁴⁴ Там же. Т. 1, Л. 105.
- ⁴⁵ Боффа Д. История Советского Союза. М.: 1990. Т. 1. С. 380.
- ⁴⁶ ГАПК. Ф. 1588, Д. ПУ-7048, Т. 1, Л. 36.
- ⁴⁷ Там же. Л. 147.
- ⁴⁸ Там же. Л. 61 об.
- ⁴⁹ Там же. Т. 18, Л. 115.
- ⁵⁰ Там же. Т. 1, Л. 62 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 146.
- ⁵² Там же. Л. 86.
- ⁵³ Там же. Т. 19, Л. 90.
- ⁵⁴ Там же. Т. 18, Л. 115.
- ⁵⁵ Там же. Т. 1, Л. 227.
- ⁵⁶ Там же. Т.18, 109 – 110.
- ⁵⁷ Там же. Т.1, л 85 об.
- ⁵⁸ Там же. Т.2, л 196.

- ⁵⁹ ГАПК. Ф. 1588, Т.1, л 118.
- ⁶⁰ Там же. Т. 8, Л. 39 – 40.
- ⁶¹ Там же. Т. 1, Л. 95.
- ⁶² Там же. Т. 2 (наблюдательное дело), Л. 154.
- ⁶³ Там же. Т. 16, Л. 104 – 106; Т. 19, Л. 90. (пакет)
- ⁶⁴ Там же. Т. 1, Л. 147 – 148.
- ⁶⁵ Там же. Т. 2 (наблюдательное дело), Л. 155.
- ⁶⁶ Там же. Т. 16, Л. 104 – 106; Т. 19, Л. 90. (пакет)
- ⁶⁷ Там же. Т. 1, Л. 229.
- ⁶⁸ Там же. Л. 123.
- ⁶⁹ Там же. Л. 58.
- ⁷⁰ Там же. Л. 50.
- ⁷¹ Там же. Т. 18, Л. 109.
- ⁷² ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 378, Л. 189.
- ⁷³ ГАПК. Ф. 1588, Д. ПУ-7048, Т. 18, Л. 109 – 110.
- ⁷⁴ Проскурина Л.И. Трагедия дальневосточного крестьянства. О репрессиях в деревне в 30-е годы. // Россия и АТР. 1997. № 4. С. 54.
- ⁷⁵ Проскурина Л.И. Лыкова Е.А. Расчёт Сталина оправдался. // Россия и АТР. № 4. 1996.
- ⁷⁶ РГИА ДВ Ф. 2413, Оп. 4, 1671, Л. 70.
- ⁷⁷ Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации. // Звенья. Прогресс, Феникс, Athentum. Вып. 1. – М., 1991. – С. 94.
- ⁷⁸ "Красное Знамя" № 93 (2917). 23 апреля 1930. С. 1.
- ⁷⁹ ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 242, Л. 113.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ ЦА ФСБ РФ, Ф. 66, Оп. 1, Д. 206, Л. 182 – 184.
- ⁸² Там же. Д. 200, Л. 131 – 133.
- ⁸³ ГАХК Ф. П-2, Оп. 1, Д. 242, Л. 266 – 267.
- ⁸⁴ Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока– Указ. изд. С. 65.
- ⁸⁵ ГАПК. Ф. П-3, Оп. 1, Д.236, Л. 57 – 59.
- ⁸⁶ ГАПК. Ф. 1588, Д. П-23819.
- ⁸⁷ Там же. Д. П-23820, Л. 45.
- ⁸⁸ Проскурина Л.И. Репрессии в Дальневосточной деревне в конце 20-х – первой половине 30-х гг.– Указ. изд. – С. 123.
- ⁸⁹ ГАХК. Ф. П-2, Оп. 1, Д. 242, Л. 306.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ ГАПК. Ф.1588, Д. ПУ-7048, Т. 4, Л. 353.
- ⁹² ГАПК. Ф.1588, Д. П-23818, Л. 13, 51 – 52.
- ⁹³ ЦА ФСБ РФ, Ф. 66, Оп. 1, Д. 211, Л. 269.
- ⁹⁴ ГАО Ф. 17, Оп. 4, Д. 4, Л. 22-28.
- ⁹⁵ Там же. Д. 13, Л. 1 – 15; Д.15, Л. 1 – 17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование истории политических репрессий в отношении крестьянства Дальнего Востока и деятельности партийно-государственного аппарата по применению механизма насилия и принуждения полностью подтвердили актуальность избранной темы. В процессе изучения проблемы были выделены три основополагающих вопроса: во-первых, причины репрессивной политики по отношению к крестьянству; во-вторых, анализ механизма репрессивных (политических, экономических и идеологических) мер, применявшихся государством против крестьянства; в-третьих, какова была реакция деревни на репрессии и их последствия.

В результате исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. Репрессивную политику в СССР определяли два основополагающих мотива. Первым главным мотивом было то, что победившая в борьбе за власть сталинская группа в ВКП(б) оказалась в плену своих идеологических доктрин и не воспринимала действительность иначе, чем через призму классовой борьбы, понимая под этой борьбой только военное противостояние. Все другие формы борьбы, какие предлагались относительно умеренными кругами в ВКП(б), проигравшими в своих притязаниях на руководство страной, отметались, как капитулянтские и соглашательские. Вторым мотивом, имел рациональный характер. Но он играл подчинённую роль, хотя и не менее важную. Основу этого мотива составляло то, что к 1929 году вне сферы тотального контроля государства оказались значительные средства, сосредоточенные в руках миллионов крестьянских хозяйств. Поэтому наиболее неприемлемо настроенные деятели в руководстве ВКП(б) не без основания полагали, что существование экономически независимых крестьянских хозяйств составляет как прямую, так и потенциальную угрозу существованию власти

ВКП(б). Для того, чтобы уничтожить крестьянство как "последний капиталистический класс" и как источник опасности политическому всевластию, решено было лишить крестьянство его экономической независимости. Для осуществления этой акции и была предпринята политика репрессий. То есть, террор оказался единственным рычагом воздействия власти на общество. Эти мотивы были характерны для страны в целом, т.к. мотивы репрессий против дальневосточного крестьянства никак не могли быть другими, чем против сибирского или другого региона страны.

2. Претворение в жизнь поставленной задачи представляло значительные сложности. Крестьянство нельзя было репрессировать подобно дворянству или буржуазии, в силу его численности и в силу того, что без крестьянства правящий режим не смог бы существовать. Поэтому тактика применения репрессий против крестьянства значительно отличалась от репрессий против других слоёв общества. Организаторы репрессий использовали всю мощь государственного аппарата для подчинения крестьянства своим интересам. Для этого было предпринято три вида репрессий: кампания хлебозаготовок, раскулачивание, осуждение по политической статье. Эти три вида репрессий характерны для всей страны.

Специфика Дальнего Востока состояла в том, что, во-первых, центральными властями в последнюю очередь рассматривался как сельскохозяйственный регион, и если не в первую, то как один из приоритетных в плане использования раскулаченных крестьян (как дальневосточников, так и раскулаченных привезённых из других мест), на работах несвязанных с сельским хозяйством. Та же не сельскохозяйственная специфика Дальнего Востока делала раскулачивание на Дальнем Востоке несколько "мягче" чем в хлебных регионах, и в соседней Сибири. Во вторых, Дальний Восток характеризует более высокий процент репрессированных чем в целом по стране, чему в не-

малой степени способствовал и высокий процент крестьян которых можно было причислить к кулакам.

Кампания хлебозаготовок, преследовавшая три цели. Во-первых, получение средств от реализации собранного за бесценок у крестьян хлеба на решение внешнеполитических задач. В частности, на форсирование индустриализации, что позволяло получить независимость от индустриально развитых стран. Средства использовались также для коммунистической экспансии через Коминтерн и зарубежные компартии. Во-вторых, изъятие столь значительных запасов хлеба позволяло поставить крестьян в относительную зависимость от государственных органов. В третьих, эта кампания явилась пробным камнем в отношении общества к крестьянскому вопросу. Так как страна являлась до 1929 года крестьянской, то и у горожан было тоже несколько прокрестьянское мышление. Тем более, что в структуре дальневосточного городского населения выходцев из деревни была значительной. Поэтому такая реакция общества на столь бесцеремонное изъятие хлеба показала правящим кругам, насколько далеко они могут пойти в своём наступлении на крестьянство.

Вторым видом репрессий была высылка крестьян, объявленных кулаками, в различные районы СССР (депортация). Разделив всё крестьянство на три группы: кулаков, середняков и бедняков, руководители государства и единственной политической силы в стране – ВКП(б) – объявили о ликвидации кулака и сделали всё возможное для исполнения этого. Кулаки, в свою очередь, делились на три категории. Деление это осуществлялось в соответствии с приказом № 4421 по Объединённому Государственному политическому управлению (ОГПУ) от 2 февраля 1930 года. Причисленные к первой категории кулаки приговаривались постановлениями полномочных представительств ОГПУ либо к высылке в необжитые Северные районы СССР, либо к расстрелу. Причисленные ко второй категории также выселялись в различ-

ные районы СССР. Если в центральных регионах высылка производилась в Северные районы, то на Дальнем Востоке раскулаченные отселялись от приграничных районов, но оставались в пределах Дальнего Востока. Третья категория выселялась за пределы области, в основном в малоосвоенные районы, первоначально в Амурскую область (по современному административно-территориальному делению), затем в Приморский и Хабаровский края, как рабочая сила для дерево и золотодобывающей промышленности. Кроме высылки у всех, причисленных к кулакам, конфисковывалось всё их имущество. Решение о причислении к категории кулаков и применении высылки или расстрела принималось практически в зависимости от случайных факторов. Применение массовой депортации преследовало в свою очередь четыре цели:

Во-первых, из крестьянской среды изымались наиболее политически активная часть. На Дальнем Востоке бывшие красные партизаны составляли довольно высокий процент раскулаченных. Это позволяло сделать крестьянство политически не просто ослабленным, но и зависимым.

Во-вторых, крестьянство теряло самых крепких своих хозяйственников. Это настолько сильно подрывало экономическую основу существования независимой деревни, что ставило её в зависимость от города. Конфискованное же имущество кулаков было призвано решить если не все, то многие финансовые проблемы правящего режима.

В третьих, крестьянство получало в результате политики раскулачивания удар такой деморализующей силы, что теряло способность к любым самостоятельным действиям, как в хозяйственном, так и в политическом плане. Косвенно этот удар приходился и по всему остальному обществу.

В четвёртых, это была серьёзная проверка боеспособности карательных органов перед "большим террором". Так как сталинская группа в ВКП(б) еще

не полностью ликвидировала всех своих соперников, то "обкатка" репрессивной машины ей была как никогда необходима.

Третий вид репрессий против крестьянства практически не отличался от репрессий против остального населения страны. Основу этого вида репрессий составило необоснованное привлечение к уголовной ответственности и осуждение. Применение этого вида репрессий осуществлялось двумя путями:

Во-первых, были проведены массовые акции, в основу которых лёг приказ № 00447 по НКВД от 30 июля 1937 года. Для крестьянства он фактически повторил раскулачивание. Все мало-мальски выделявшиеся своей активностью крестьяне были осуждены либо на различные сроки заключения, либо к расстрелу.

Во-вторых, в ещё больших масштабах применялась 58 статья Уголовного кодекса РСФСР. Расширенная формулировка этой статьи позволяла осудить любого человека. Против крестьян в большинстве случаев использовался десятый пункт этой статьи. С 1935 года, согласно директиве прокурора СССР, этот пункт квалифицировался как антисоветская агитация. Крестьяне, у которых было более чем достаточно мотивов быть недовольными советской властью, попадали под этот пункт.

Использование как приказа № 00447, так и 58 статьи УК РСФСР сопровождалось и прямой фальсификацией дел с применением пыточного следствия там, где даже расширенное толкование не позволяло осудить того или иного арестованного органами ОГПУ – НКВД. Для ускоренного порядка осуждения кроме судов в большинстве случаев использовались внесудебные структуры в виде "троек" и "особых совещаний". То есть, осуждение проводилось практически в административном порядке. Использование приграничного положения ДВК позволяло ещё шире, чем в других регионах трактовать 58 ст. УК РСФСР. Применение этих репрессий в течение всего иссле-

дуемого нами периода позволяло их организаторам держать крестьянство в постоянном напряжении и зависимости от властей, не давая им возможности мало-мальски поднять голову.

3. Репрессии вызвали ответную реакцию деревни. Эта реакция была двух видов:

Во-первых, крестьяне ответили вооружённым сопротивлением.

На Дальнем Востоке из самых крупных были выступления крестьян были в Амурской области (Зазейское и Сианское восстание 1924 и 1930 гг.) и возглавленное старообрядцами в посёлке Улунга Тернейского района Приморского края. Все восстания носили ярко выраженный экономический характер. Именно условия жизни, создаваемые крестьянам после гражданской войны, и при коллективизации заставили крестьян взяться за оружие и поднять восстание. Вооружённое противостояние крестьян и войск ОГПУ закончилось разгромом восстаний. Исследование материалов (следственные дела, переписка, отчёты и т.д.) по этим восстаниям позволяют сделать однозначный вывод о политическом поражении восстания в первом и втором случаях, и о военном в третьем. Но, разгромив эти восстания, карательные органы не решились уничтожить всех их участников. К следствию были привлечены лишь часть принимавших участие в этих восстаниях. Этот факт, а также некоторое ослабление нажима на деревню к этому времени со стороны центральных властей говорит о том, что восстания заставили власти несколько считаться с крестьянским сопротивлением.

Во-вторых, деревня отреагировала более действенным и более длительным, невооружённым сопротивлением на развернувшиеся против неё репрессии. Дальневосточное крестьянство использовало два вида такого сопротивления: экономический саботаж и бегство из деревни. Приграничное положение юга Дальнего Востока, и малая плотность населения делали последнее особенно массовым. В результате этого сопротивления деревня стала

приходить в упадок. Противопоставить этому сопротивлению ничего кроме усиленного выявления плохо работающих колхозников и осуждения их как вредителей и установление административных препятствий, бегущим из деревни, репрессивные органы не могли. Подавить этот вид сопротивления крестьян государство так и не смогло.

Данное исследование не претендует на полный охват всех вопросов, связанных с репрессиями против крестьянства. Тем не менее рассмотренные автором документы и материалы позволяют приподнять завесу над вопросом, какие именно репрессии и как были предприняты руководством ВКП(б) в первой половине двадцатого века. Отталкиваясь от включённых в научный оборот и проанализированных архивных документов в данном диссертационном исследовании, можно в дальнейшем расширить изучение, а, следовательно, и понимание процессов, оказавших столь катастрофическое влияние по своим последствиям на дальнейший ход истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документы и материалы государственных и партийных органов

Академическое дело 1929 – 1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. – СПб., 1993.

Борьба КПСС за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926 – 1929 годы). Документы и материалы. – М., 1961.

Ведомости Верховного Совета СССР; История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917 – 1954 гг. сб. документов. – М., 1955; Сб. Документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1953 г. – М., 1953.

Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1994 № 44, ст. 1428.

ВКП(б). Конференция 16-ая. Москва 1929. Стенографический отчёт. – М., 1962.

ВКП(б). Конференция 17-ая. Москва 1932. Стенографический отчёт. – М., 1932.

Органы государственной безопасности СССР накануне Великой Отечественной войны. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940.г.). М., 1995.

ВКП(б). Съезд 15-й. Москва 1927. Стенографический отчёт. – М., 1928.

ВКП(б). Съезд 15-й. Москва 1927. Стенографический отчёт. – М., 1928.

ВКП(б). Съезд 16-й. Москва 1930. Стенографический отчёт. – М., 1931.

ВКП(б). Съезд 17-й. Москва 1934. Стенографический отчёт. – М., 1934.

Возвращение к правде: / из истории политических репрессий в Тверском крае в 20-40-е и нач. 50-х гг. документы и материалы. – Тверь, 1995.

Всесоюзная конференция аграрников-марксистов. т. 1. – М., 1930.

Всесоюзная конференция аграрников-марксистов. т. 2. – М., 1930.

Всесоюзный съезд колхозников-ударников 1-й. – М., 1933.

Всесоюзный съезд колхозников-ударников 2-й. Стенографический отчёт. – М., 1935.

Вторая сессия Верховного Совета СССР. 10 – 21 августа 1938 г. Стенографический отчёт. – М., 1938.

Документы свидетельствуют. Из истории коллективизации. 1927 – 1932 гг. – М., 1989.

Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-32 г. под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М., 1989.

Документы свидетельствуют: Из истории накануне и в ходе коллективизации. 1927 – 1932. Под ред. В.Д. Данилова и др. – М., 1989.

Из истории раскулачивания в Карелии 1930 – 1931 гг. документы и материалы. – Петрозаводск, 1991.

История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сб. документов. – М., 1955.

История коллективизации в Киргизии (1929 – 1934 гг.) документы и материалы. – Фрунзе, 1989.

История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917 – 1958 гг. т. 1. – М., 1958.

Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927 – 1935. – М., 1957.

КПСС В резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. – М., 1985. тт. 4 – 6.

Красная книга ВЧК. В 2-х тт. – М., 1989.

Материалы к отчётному докладу Владивостокского окрисполкома 3-му окружному съезду Советов. – Владивосток, 1929.

Неуслышанные голоса: Документы Смоленского архива. Кн. 1: 1929: Кулаки и партийцы / Сост. Максудов С. – Ann Arbor: Ardis, 1987.

Партия в период наступления социализма по всему фронту. Создание колхозного строя (1929 – 1932 годы). Документы и материалы. Сост. Б.С. Власов. – М., 1961.

Первая сессия Верховного Совета СССР. 12 – 19 января 1938 г. Стенографический отчёт. – М., 1938.

По пути коллективизации: Трудящиеся Прикамья в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1927 – 1937 гг.). Сб. док. и материалов. – Пермь, 1978.

Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30 – 50-е гг.) в 2-х тт. – Кемерово, 1994.

Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929 – 1932 г.) сб. документов и материалов. Под ред. А.И. Азарова. – Минск, 1973.

Рязанская деревня в 1929 – 1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы. Ун-т Торонто Центр Российских и Восточно-европейских исследований, Государственный архив рязанской области. – М.; Росспэн. 1998.

Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917 – 1954. – М., 1954.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953-91 гг.). – Казань, 1992.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993.

Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. В 4-х тт. – М., 2000.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. – М., 1992.

Спецпереселенцы – жертвы "сплошной коллективизации". Из документов "особой папки" Политбюро ЦК ВКП(б). 1930 – 1932 гг. /публ. Г.М. Адибеков. // Исторический архив. – 1994. – № 4. С. 22 – 32.

Спецпосёлки в Коми области. По материалам сплошного обследования. Июнь 1933.: сб. док. – Сыктывкар, 1997.

Сплошная коллективизация сельского хозяйства Узбекистана (1930-32 гг.) сб. док. Общественный институт истории колхозного и совхозного Узбекистана. Главное архивное управление и Совет Министров УзССР. – Ташкент, 1980.

Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы. Документы из архивов. Публикацию подготовил Плотников И.Е. // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 160 – 179.

Стенограмма февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. – 1992. – № 2 – 12; 1993. № 2, 5 – 8; 1994. № 1, 2, 6, 8, 10, 12; 1995. № 2 – 8, 10, 11.

Съезды Советов Амурской области. 1918 – 1936 гг. Сб. документов. – Хабаровск, 1987.

Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических республик. Сборник документов. 1918 – 1936 гг. под ред. М.П. Георгадзе. Т. 3. 1922 – 1936 гг. – М., 1960.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы. В 5 тт. – М., 1999.

УК РФ. – М., 1997.

Уголовный кодекс. 1926 г. – М., 1956.

Шолохов М.А. и Сталин И.В. Переписка начала 30-х годов. Публ., вступ. ст. Ю.Г. Мурина. // Вопросы истории. – 1994. – № 3. – С. 3 – 25.

Шолохов М.А. "Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти": публ. Письма И.В. Сталину от 1933., подгот. к печати и предисл. Ю. Мурина. // Родина. – 1992. – № 11-12. – С. 51 – 57.

2. Труды, речи, выступления руководителей государства

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923 – 1927. в 4-х тт. – М., 1990.

Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избр. Произв. – Новосибирск, 1991.

Варейкис И.М. Условия успеха и организации социалистического строя в деревне. – Сталинград, 1936.

Калинин М.И., Енукидзе А.Е. Сплошная коллективизация и задачи Советов. Речи на всесоюзном совещании по вопросам советского строительства. – М.-Л., 1930.

Красная книга ВЧК. В 2-х тт. – М., 1989.

Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избр. Произв. В 2-х тт. – М., 1993.

Ленин В.И. Резолюция об отношении к среднему крестьянству. // Ленин В.И. 5-е изд. т. 38, – М., 1963. – С. 207 – 210.

Ленин В.И. Речь при открытии VIII съезда РКП(б). // Ленин В.И. 5-е изд. т. 38, – М., 1963. – С. 131 – 150.

Сломить кулацкий саботаж хлебозаготовок. – М., 1932.

Сталин И.В. Год великого перелома. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. Головокружение от успехов. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. На хлебном фронте. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. О правой опасности в ВКП(б). // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. О работе в деревне. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. О трёх основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. Ответ товарищам колхозникам. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Сталин И.В. Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.

Троцкий Л. Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? – М., 1999.

Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. – М., 1990.

Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. – М., 1991.

3. Статистические сборники

Дальневосточный край в цифрах. Справочник. – Хабаровск. 1929.

Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917 – 1927. – М., 1927.

Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа в 1929 г. Хабаровск – Владивосток; 1932.

Настольный справочник Дальневосточного края. Владивосток. 1929.

Районы Дальневосточного края. Хабаровск. 1931.

Россия и Германия XX век. НИЦ "Мемориал" – СПб., 2001.

4. Справочная литература

Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. – Благовещенск, 1989.

Атлас Приморского края. – Владивосток, 1998.

Белая книга: О жертвах политических репрессий. Самарская область. т. 5. – Самара, 1997.

Боль и память. – Южно-Сахалинск, 1990.

Большая Советская Энциклопедия. В 30 тт. – М., 1972.

Время. События. Люди. – Владивосток, 1982.

Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. – Пермь, 1998.

Государственная власть в СССР. Высшие органы власти и управления их руководители. 1923 – 1991 г. Историко-библиографический справочник. – М., 1999.

Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 1. (А – Б). – Иркутск, 1998.

Из бездны небытия: книга памяти репрессированных калужан. Т. 1. (А – Д). – Калуга, 1993.

Из бездны небытия: книга памяти репрессированных калужан. Т. 2. (Е – О). – Калуга. 1993.

Книга памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области. – Южно-Сахалинск, 1996.

Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Т. 2. – Кемерово, 1996.

Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 2. (1937 – 1938 гг.). – Новгород, 1994.

Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 3. (1937 – 1941 гг.). – Новгород, 1994.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Т. 3. – Ставрополь, 1996.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Т. 4. – Ставрополь, 1997.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Т. 5. – Ставрополь, 1997.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Т. 6. – Ставрополь, 1998.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Т. 7. – Ставрополь, 1998.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Т. 8. – Ставрополь, 1998.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Т. 9. – Ставрополь, 1999.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Т. 10. – Ставрополь, 2000. 328 С.

Книга памяти жертв политических репрессий. Репрессированный Алтай. Т. 1. – Горноалтайск, 1996.

Книга памяти жертв политических репрессий. Российская Федерация. Ульяновская область. – Ульяновск, 1996.

Книга памяти. Российская Федерация. Ивановская область. Т. 6. – Иваново, 1997.

Краткий политический словарь. – М., 1987.

Лубянка. ВЧК – КГБ. (1917 – 1960 гг.). Справочник. – М., 1997.

Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбой с Ярославской области. Т. 2. – Ярославль, 1994.

Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбой с Ярославской области. Т. 3. – Ярославль, 1995.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1988.

Поморский мемориал. Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1. – Архангельск, 1999.

Приморский край краткий энциклопедический справочник. – Владивосток, 1997.

Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 1. – Орёл, 1994.

Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 3. – Орёл, 1996.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ. Ч. 1. – М., 1991.

“Хотелось бы всех поименно назвать...”. Книга-мартиролог. А-К. – Комсомольск на Амуре, 1997.

“Хотелось бы всех поименно назвать...”. Книга-мартиролог. Л-Ф. – Комсомольск на Амуре, 1998.

“Хотелось бы всех поименно назвать...”. Книга-мартиролог. Л-Я. – Комсомольск на Амуре, 2000.

Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917 – 1965 гг. В 2 кн. Кн. 1. 1917 – 1950. – М., 1967.

5. Архивные источники

Российский государственный архив социально-политической истории (ГАРСПИ)

Ф. 17 – ЦК РКП(б), оп. 3, 84, 85, 112.

Ф. 119 – Политотдел тюремного управления НКВД СССР, оп. 1-7.

Ф. 372 – Дальбюро ЦК РКП(б), оп. 1.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 393 – Народный Комиссариат внутренних дел РСФСР, оп. 37-39, 42, 58, 59, 65, 77, 78, 83.

Ф. 1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, оп. 66-а.

Ф. 9401 – Наркомат Внутренних дел Союза ССР, оп. 1, 12.

Ф. 9408 – ГУПВИ НКВД СССР, оп. 1.

Ф. 9414 – Главное управление мест заключения НКВД – МВД СССР, оп. 1, 3.

Ф. 9479 – 4-й спецотдел Министерства Внутренних дел СССР, оп. 1.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 1562 – ЦУНХУ Госплана СССР, оп. 329.

Центральный архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ)

Ф. 3 – Центральный аппарат народного комиссариата внутренних дел СССР, оп. 4.

Ф. 66 – Центральный аппарат Объединённого Государственного политического управления, оп. 1.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
(РГИА ДВ)

Ф. 2413 – Дальневосточный краевой исполнительный комитет, оп. 3, 4.

Архив Управления Федеральной Службы Безопасности
Российской Федерации по Омской области
(УФСБ ОО)

Дело П-77433. (Фонд не обозначен).

Государственный архив Амурской области
(ГААО)

Ф. П-1 – Амурский областной КП РСФСР, оп.1.

Ф. П-5 – Амурский окружной комитет ВКП(б), оп. 1, 3.

Ф. 6 – Тамбовский райисполком, оп. 9.

Ф. 17 – Белогорский райисполком, оп. 3, 4.

Ф. 114 – Амурский облисполком, оп. 1.

Ф. 310 – Зейский райисполком, оп. 4.

Государственный архив Приморского края
(ГАПК)

Ф. П-1 – Приморский областной комитет ВКП(б), оп. 1.

Ф. П-3 – Владивостокский городской комитет КПСС, оп. 1.

Ф. П-24 – Пограничный районный комитет КПСС, оп. 2.

Ф. 25 – Приморский облисполком, оп. 3.

Ф. 1165 – Дальневосточная краевая рабоче-крестьянская инспекция,
оп. 1.

Ф. 1588 – УФСБ РФ по Приморскому краю. Архивно-следственные дела, оп. 1, 2, 3, 4.

Государственный архив Хабаровского края
(ГАХК)

- Ф. 99 – Дальневосточное краевое земельное управление, оп. 10, 11.
- Ф. 137 – Хабаровский крайисполком, оп. 4, оп. 10.
- Ф. 698 – Сельсоветы района им. Лазо, оп. 1. Д. 1, 5, 6, 13, 15, 19, 22.
- Ф. 820 – Хабаровский райисполком, оп. 1.
- Ф. 1228 – Представительство Далькрайисполкома при Президиуме ВЦИК, оп. 1.
- Ф. П-2 Дальневосточный краевой комитет ВКП(б), оп. 1.
- Ф. П-77 – Политсектор Краевого Земельного управления по Дальневосточному краю, оп. 1.

6. Учебники и учебные пособия

- Рассказов Л. П. Деятельность карательно-репрессивных органов по реализации нового политического курса большевиков (1921 – 1927 гг.). Учебное пособие. Уфа. Уфимская высшая школа. 1993.
- История государства и права СССР ч. 2, – М., 1981.
- История Коммунистической партии Советского союза. – М., 1982.

7. Воспоминания

- 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. Публикация Е.Н. Разумовской. // Звенья. Прогресс, Феникс, Athentum. Вып. 1. – М., 1991. – С. 113 – 162.
- Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – Париж, 1980.
- Деникин А.И. Очерки Русской смуты. – М., 1991.
- Дьяков Б.А. Повесть о пережитом. – М., 1966.

История советского общества в воспоминаниях современников. Аннотированный указатель мемуарной литературы. Ч. 2, вып. 1. Журнальные публикации 1917 – 1927 гг. – М., 1961.

Каганович Л.М. Памятные записки. – М., 1996.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. – М., 1992.

Кризис снабжения 1939 – 1941 г. в письмах советских людей (вступительная статья Е.А. Осокиной). // Вопросы истории. – 1996. – № 1. – С. 4 – 6.

Махно Н.И. Воспоминания. – М., 1992.

Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. – М., 1966.

Нарымская хроника 1930-45. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. – М., С-П., 1997.

Первая борозда: сб. воспоминаний. – М., 1981.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. – М., 1990.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. – М., 1990.

Хрущёв Н.С. Воспоминания. – М., 1996.

Худяков А.П. На переломе: Дневник сельского коммуниста. – М., 1973.

Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х тт. – М., 1991.

Чуев Ф.И. Молотов: полудержавный властелин. – М., 2000.

Шишкин В. А. Россия в годы "Великого перелома" в воспоминаниях иностранного дипломата (1925 – 1931 гг.). – С-П., 1999.

8. Периодическая печать

а) журналы

Дальневосточное статистическое обозрение. 1928 – 1930 гг.

Дальневосточный партработник. – 1930. – № 2.

Тихий Океан. – 1934. – № 2(4).

Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1928 – 1930 гг.

б) газеты

Амурская Правда. Орган Амурского окружкома ВКП(б), окрисполкома и окрпрофсоюза г. Благовещенск. 1928 – 1938 гг.

Дальневосточный колхозник. Орган ДВ краевого комитета ВКП(б) и крайисполкома. 1938.

Известия. Орган ЦИК СССР. 1928 – 1938 гг.

Комсомольская Правда. Орган Центрального и московского комитетов ВЛКСМ 1928 – 1938 гг.

Красное Знамя. Орган Приморского крайкома ВКП(б), Владивостокского окружкома ВКП(б), окрисполкома. 1928 – 1938 гг.

Правда. Орган ЦК ВКП(б). 1928 – 1934 гг.

Смычка. Орган Александровского района ВКП(б), райисполкома и крайпрофсовета. 1932 г.

Тихоокеанская Звезда. Орган ДВ крайкома ВКП(б) и Далькрайсовпрофа, Далькрайисполкома. 1928 – 1938 гг.

Тихоокеанский комсомолец. Орган ДВ крайкома ВЛКСМ. 1932 – 1935 гг.

9. Монографии

Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. – М., 2000.

Бердяев. Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж, 1955.

Бердяев. Н.А. Судьба человека в современном мире. – Париж, 1934.

Братко А.Г. Правоохранительные органы Российской Федерации. – М., 1995.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2 тт. – Смоленск, 1996.

Волкогонов Д.А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. – М., 1996.

Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. В 2-х кн. – М., 1996.

Волкогонов Д.А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция. // Вопросы истории. – 1990. – № 3. – С. 3 – 15.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. – М., 2000.

Гущин Н.Я. "Раскулачивание" в Сибири 1928 – 1934 гг. Методы, этапы социально-экономические и демографические последствия. – Новосибирск, 1996.

Давлетшин Р.А. "Великий перелом" и трагедия крестьянства Башкортостана. – Уфа, 1993.

Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере 1929 – 1932 гг. – Сыктывкар, 1994.

Еланцева О.П. Обречённая дорога: БАМ (1932 – 41 гг.). – Владивосток, 1994.

Ермизина Е. М. Раскулачивание в Амурской деревне (1930 – 1934 гг.). – Благовещенск, 1999.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание начало 1930-х г. (учебное пособие для вузов, факультативных занятий в школах). – М., 1996.

Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (нач. 30-х годов). – М., 1994.

История Коммунистической партии Советского союза. В 6 т., т. 4., кн. 2. – М., 1971.

История развития азиатской части России. т. 3. XX век. – Екатеринбург, 1995.

История крестьянства СССР в 5 тт.; т. 2, 3. – М., 1987.

История сибирского крестьянства. 1917-1937. – М., 1987.

Кириллов В. М. История политических репрессий на Урале 1920-30-е гг. – Нижний Тагил, 1990.

Конквест Р. Большой террор. т. 1. – Рига, 1991.

Конквест Р. Большой террор. т. 2. – Рига, 1991.

Кудрявцев В., Трусев А. Политическая юстиция в СССР. – М., 2000.

Курицин В. М. История Государства и права России. 1929-40 г. – М., 1998.

Лыкова Л.И., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века. – Владивосток, 2004.

Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. – М., 1989.

Манинг Р. Бельский район 1937 г. – Смоленск, 1998.

Медведев Р.А. Они окружали Сталина. – М., 1990.

Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. – Новосибирск, 1993.

Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. – Новосибирск, 1999.

Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). – М., Иркутск, 1995.

Петрухин А.А. "Мы не знаем пощады...": известные, малоизвестные и не известные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – Тюмень, 1999.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001.

Рогалина Н. А. Коллективизация: уроки пройденного пути. – М., 1991.

Савельев. С. И. Раскулачивание: как это было в Нижневолжском крае. – Саратов, 1994.

Самосудов В. М. Современная отечественная историография коллективизации (1980 – сер. 1990-х гг.). – Омск, 1998.

- Серебрянников В.В. Социология войны. – М., 1997.
- Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. – М., 1995.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. В 3-х кн. – Владивосток, 1991.
- Стецовский Ю.И. История советских репрессий. В 2-х тт. – М., 1997.
- Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. – Хабаровск, 1991.
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М., 2004.
- Хлевнюк О.В. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992.
- Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М., 1996.
- Ципко А. Насилие лжи или как заблудился призрак. – М., 1990.
- Чёрная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии. – М., 1999.
- Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е начале 50-х гг. (о роли "спецконтингентов"). – Владивосток, 1993.
- Чёрный камень на красной земле. – Комсомольск на Амуре, 1992.
- Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930 – 1936 гг.). – Мурманск, 1993.
- Эпплабаум Э. ГУЛАГ – паутина большого террора. – М., 2006.
- Adams R.N. Energy and structure. Austin; London. 1975.
- Conquest Robert. Power and Policy in the USSR. – London, 1968.
- Conquest Robert. The Great Terror: Stalin's Purges of the Thirties. – London, 1968.
- Conquest Robert. Kolyma: The Arctic Death Camps. – London, 1978.

Conquest Robert. The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. – London, 1980.

Conquest Robert. Inside Stalin's Secret Police. – London, 1985.

Conquest Robert. The Harvest of Sorrow. – Oxford. 1986.

10. Статьи

40-50-е гг. Последствия депортации народов. Сост. Н. Ф. Бугай. // История СССР. – 1992. – № 1. С. 122 – 143.

Абеланцев В. Н. На процессе не было представлено никаких документов. // Русский берег. – 1999. – № 4. С. 12 – 13.

Абеленцев В.Н. Казачья эмиграция в Манчжурии 1920 – 1945 гг. // Амурский краевед. – 1998. – № 1. С. 17 – 23.

Авторханов А. Технология власти. // Вопросы истории. – 1992. – № 1 – 3; 6 – 7; 10 – 12.

Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: Проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии. // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 135 – 145.

Аргудяева Ю.В. Старообрядцы. // Россия и АТР. – 1993. – № 2. – С. 111 – 123.

Аурилене Е.В. Жалкая судьба // Россия и АТР. – 1998. – № 1. – С. 24 – 25.

Афанасьев В.Г. Демонстрация первого опыта НЭПА. // Вопросы истории КПСС. – 1990. № 12. – С. 114.

Бокарев Ю.П. Мир идей Кондратьева. // Отечественная история. – 1995. – № 3. С. 167 – 173.

Бородкин Л.И., Максимов С.В. Крестьянские миграции в России / СССР в первой четверти XX века (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С. 124 – 143.

Бугай Н. Ф. О выселении корейцев из Дальневосточного края. // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 141 – 168.

Бугай Н.Ф. 20-40-е годы: депортация населения с территории европейской России. // Отечественная история. – 1994. – № 4. – С. 37 – 49.

Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока. // Вопросы истории. – 1994. – № 5. – С. 141 – 148.

Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-х – 40-х гг. // История СССР. – 1989. – № 6. С. 120 – 125.

Бугай Н.Ф. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений. Л. Берия – И. Сталину. // История СССР. – 1991. № 1. – С. 143 – 165.

Буяков А.М. Репрессии среди сотрудников органов НКВД Приморья во второй половине 30-х гг. XX в. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С. 65 – 83.

Быстрова И.В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность. // Отечественная история. – 1993. – № 3. С. 19 – 34.

Вернер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924 – 1925 гг.) // Отечественная история. – 1993. – № 5. С. 86 – 107.

Власть и общество в СССР: политика репрессий (20 – 40-е гг.): сб. ст. – М., 1999.

Власть и советское общество в 1917 – 1930-е годы. Новые источники. Круглый стол. // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 129.

Вышеславцев Б. Парадоксы коммунизма. // Путь. – 1926. – № 3.

Галуза В. Амурское УНКВД – как это было. // Амурская правда. – 1994. 29 апреля.

Гинцберг Л.И. Массовые депортации крестьян в 1930 – 1931 годах и условия их существования в северных краях (по материалам "особых папок" и политбюро ЦК ВКП(б) и "комиссии Андреева".) // Отечественная история. 1998. – № 2. – С. 190 – 196.

Головин С.А., Шиндялов Н.А. Трагедия Амурского казачества. // Россия и АТР. – 1999. – № 4. – С. 40 – 43.

Голубев А.В. Запад глазами советского общества. (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 104 – 120.

Горинов М.М. Советская страна в конце 20-х начала 30-х гг. // Вопросы истории. – 1990. – № 1. – С. 31 – 47.

Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов. // Отечественная история. 1996. – № 1. – С. 85 – 103.

Девис Р. (Англия) Хлевнюк О.В. "Развёрнутое наступление социализма по всему фронту". // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Кн. 1. – М., 1997. – С. 120 – 172.

Деревянко А.П. ГУЛАГ НКВД и его роль в производственно-хозяйственной деятельности СССР (начало 30-х – середина 50-х гг.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С. 256 – 279.

Деревянко А.П. Не позволить повторения беззаконию. Научно-практическая конференция "Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 20-е – 50-е гг." // Россия и АТР. – 1998. – № 1. – С. 119 – 125.

Деревянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С. 33 – 59.

Деревянко А.П. Приморскому и Хабаровскому краям 60 лет. // Россия и АТР. – 1998. – № 4. – С. 5 – 12.

Довис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР. // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 134 – 141.

Дубинина Н.И. О судьбах корейского населения ДВК. // Исторический опыт открытия и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX (к 350-летию начала похода В. Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений. Вып. II. – Владивосток, 1993. – С. 35 – 41.

Ермизина Е.М. Использование труда и условия жизни спецпереселенцев в Зейском округе Амурской области в 30-х гг. XX в. // Исторический опыт освоения Дальнего востока. Выпуск третий. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. – Благовещенск, 2000. – С. 126 – 131.

Жиромская В.Б., Кисилёв И. Н. Население СССР по переписи 1937 – 1939 гг. // Комплексный подход к изучению социальной структуры. Источники и методы. – М., 1991.

Жиромская В.Б., Поляков Ю. А., Кисилёв И. Н. Полвека молчания (всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. – 1990. – № 8.

Зеленин И.Е., Денисевич. М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985 гг.) // Вопросы истории. – 1993. – № 9. – С 179 – 181.

Зеленин И.Е. "Революция с верху": завершение и трагические последствия. // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 28 – 42.

Зеленин И.Е. Был ли "колхозный неонэп"? // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 105 – 121.

Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник (1933-й – первая половина 1935 г.) // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 35 – 55.

Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после революции сверху. // Вопросы истории. – 1996. – № 7. С. 14 – 31.

Зеленин И.Е. О некоторых "белых пятнах" завершающего этапа сплошной коллективизации. // История СССР. – 1989. – № 2. – С. 3 – 19.

Зеленин И.Е. Осуществление политики "ликвидации кулачества как класса" (осень 1930 – 1932 гг.) // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 31 – 49.

Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-е годы) // Отечественная история. – 1996. – № 2. – С. 55 – 70.

Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-х годы). // Отечественная история. – 1996. – № 2. – С. 55 – 70.

Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики "чрезвычайщины" (1933 – 1934 гг.) // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 42 – 61.

Зеленин И.Е. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938. // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 195 – 198.

Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А. (Москва), Кондрашин В.В. (Пенза), Осколков Е.Н. (Ростов на Дону). О голоде 1932 – 1933 годов и его оценка на Украине. // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 256 – 263.

Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР (1917 – 1990 гг.) // Россия и XXI в. – 1994. – № 1 – 2.

Земсков В.Н. ГУЛАГ. Историко-социологический аспект. // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 11.

Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы социально-демографические проблемы. // Отечественная история. 1997. – № 4. – С. 54 – 79.

Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект). // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 151 – 165.

Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е г. // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 5.

Земсков В.Н. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны. // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 11; 1992. – № 8. – С. 19.

Земсков В.Н. О некоторых проблемах "Большого террора". 1937-38 гг. (ответ на письмо в ред. Степанова.) // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 200 – 205.

Земсков В.Н. Судьба "кулацкой ссылки" (1930 – 1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 118 – 147.

Иванова Г.М. ГУЛАГ: государство в государстве. // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Кн. 2. – М., 1997. – С. 209 – 272.

Игрицкий Ю.В. Ещё раз по поводу "социальной истории" и ревизионизма в изучении сталинской России. // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 121 – 125.

Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме. // Отечественная история. – 1993. № 1. – С. 3 – 17.

Из тайников спецхранов: очерки о репрессиях 20 – 50-х гг. в Новгородской области. – М., 1991.

История и сталинизм: сборник статей. – М., 1991.

Кобко В.В. "Бикинское Соборное Уложение" 1924 г. старообрядцев-часовенных северного побережья Приморья как историко-этнографический источник. // Алтарь России. вып. 1. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция, русские и зарубежные

связи. Материалы научно-практической конференции 19 – 25 сентября 1994 г. Владивосток. – Владивосток, 1997. – С. 65 – 68.

Кобко В.В. Заимка крестьян старообрядцев (юг дальнего Востока середина XIX в. – 30-е годы XX в.) // Россия и АТР. – 1999. – № 1. – С. 59 – 67.

Кобко В.В. К истории пустынножительства на северном побережье Приморья. // Вестник ДВО РАН. – 1996. – № 5. – С. 122 – 129.

Кобко В.В. Следственные материалы как источник по истории старообрядчества Приморья (конец 20-х – конец 30-х гг. XX в.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С. 100 – 105.

Коллективизация на селе: Новый взгляд историка // Ориентир. – 1990. – № 4. – С. 41 – 45.

Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за "круглым столом" // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 3.

Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов в деревнях Поволжья. // Вопросы истории. – 1991. – № 6. – С. 176 – 181.

Конквест Р. Жатва скорби. Главы из книги. // Вопросы истории. – 1990. – № 1, 4.

Конквест Р. О статье Штефана Мерля. // Отечественная история. – 1995. – № 6. – С. 205 – 206.

Конквест Р. Прощание с утопией: об истории СССР, 30-е годы. Беседа с автором кн. "Большой террор" англ. Писателем Р. Конквестом. / записал А. Соснов // Поиск. – 1991. – № 23. – С. 4 – 5.

Конференция в Москве "Соотношение политики и экономики завершающая стадия НЭПа" в апреле 1995 г. // Отечественная история. 1996. № 2. – С. 208 – 212.

Корни травы: сб. ст. молодых историков. Общество "мемориал", фонд им. Г.Б. Бёлля. – М., 1996.

Курас Л.В. Репрессивная политика советского государства в Бурят-Монголии в 20-30-е годы XX века. // Политические репрессии на территории Бурятии 1930- гг. Материалы республиканской научно-практической конференции "Памяти жертв политических репрессий 30-х гг XX в." – Улан-Удэ: 2007. – С. 6 – 15.

Куромия Х. Сталинский "Великий Перелом" и процесс над "Союзом освобождения Украины". // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 190 – 197.

Куртина Г.Б. Как это было... Из практики работы УФСБ с материалами архивных уголовных дел периода массовых репрессий. // Материалы международной научно-практической конференции. 29.08.01. - Благовещенск, 2001. – С. 142 – 149.

Левин М. Бюрократия и сталинизм. // Вопросы истории. 1995. – № 3. – С. 16 – 28.

Литвак К.Б. Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов. // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 129 – 141.

Лыкова Е.; Проскурина Л. Деревня в начале 20-х. // Россия и АТР. – 1995. – № 3. – С. 124.

Лыкова Е.А. Земледельческая культура крестьянства Дальнего Востока в начале 20-х гг. XX в. // Известия РГИА ДВ. Вып. IV. – 1999. – С. 164 – 171.

Лыкова Е.А. Казачья деревня на Дальнем Востоке в двадцатые год. // Арсеньевские чтения. Вып. VI. – Уссурийск. – 1992. – С. 99 – 101.

Лыкова Е.А.; Проскурина Л.И. Деревня в начале 20-х годов. // Россия и АТР. – 1999. – № 3. – С. 124 – 128.

Лыкова Е.А.; Проскурина Л.И. Расчёт Сталина оправдался // Россия и АТР. – 1996. – № 4. – С. 14 – 16.

Лыкова Е.А.; Проскурина Л.И. Советская власть и "Корейский вопрос" в Приморье в 20 – 30-е годы. // Материалы научно-практической конференции "Проблемы национальных отношений в России и пути их разрешения". – Владивосток, – С. 23 – 25.

Макаренко В. Г. Архивно-следственные дела репрессированных крестьян, как исторический источник. // Третья Дальневосточная конференция молодых историков. Тезисы докладов. ДВО РАН. – Владивосток. – 1994. – С. 63 – 69.

Макий В. Повстанцы. // Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. – Благовещенск, 2001. – С. 337 – 349.

Максудов С. потери населения СССР в годы коллективизации. // Звенья. Прогресс, Феникс, Athentum. Вып. 1. – М., 1991. – С. 65 – 110.

Малина М. Советская история. // Отечественная история. 1999. – № 3. С. 134 – 141.

Мерль Штефан. Голод 1932 – 1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 49 – 61.

Митухина И.В. СССР глазами польских дипломатов. (1926 – 1931 гг.) // Вопросы истории. – 1993. – № 9. – С. 45 – 58.

Морозов А.З. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и завершение коллективизации сельского хозяйства. // Из истории организации КПСС на Дальнем Востоке. Хабаровск. 1962.

Морозов Н.А., Рогачёв М.Б. ГУЛАГ в коми АССР (20 – 50-е гг.) // Отечественная история № 2, 1995. С. 182 – 187.

Мэтьюз М. Ограничения свободы проживания и передвижения в России (до 1932 г.). // Вопросы истории. 1994. – № 4. – С. 22 – 34.

Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х тт. – Т. 1. 1900 – 1939 гг. – М., 2000.

Нежинский Л.Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 14 – 30.

Никанорова В.В.; Коршунова Т.Н. Рассекречивание документов бывших партийных органов. // Отечественные архивы. 1999. – № 3. – С. 79 – 82.

Николаев М.Г. Возможна ли искренность в проявлении симпатии к Советской России или искусство читать между строк. // Отечественные архивы. – 1999. – № 6. – С. 113 – 177.

Оджей М. К вопросу о кадрах механизаторов в советском сельском хозяйстве (1929 – 1939 гг.) // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С. 176 – 183.

Олегина И.Н. Будем уходить от схематизма. // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 125 – 127.

Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: Сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР). // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18 – 26.

Осокина Е.А. Легенда о мешке с хлебом: кризис снабжения 1936/37 годы. // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 92 – 107.

Осокина Е.А. Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939 – 1941 г. // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 16 – 32.

Осокина Е.А. СССР в конце 20-х – первой половине 30-х годов. Торговля? – распределение. // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 42 – 59.

Осокина Е.М. За зеркальной дверью торгсина. // Отечественная история. – 1995. – № 2. – С. 86 – 104.

Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20 – 30-е годы. // Вопросы истории. – 1998. – № 11-12. С. 54.

Панчинский А., Тумшис М. Почему Люшков бежал за кордон. // Россия и АТР. – 2000. – № 1. – С. 125 – 139.

Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале. // Отечественная история № 4, 1993 г. С. 159 – 167.

Плотников И.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20-х начале 30-х годов. // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 74 – 92.

Плотников И.Е. О темпах и формах коллективизации на Урале. // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 77 – 91.

Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920 – 1930). // Вопросы истории. – 1996. – № 3. – С. 122 – 128.

Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923 – 1953 гг. (источники и их интерпретация). // Отечественные архивы. – № 2. – 1992. – С. 20 – 31.

Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы. // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 49.

Принудительный труд в экономике 1929 – 1941 гг. // Свободная мысль. – 1992. – № 3. – С. 69 – 87.

Проскурина Л.И. "Корейский вопрос" в приморской деревне в 20-е годы // Миграционные процессы в Восточной Азии: Междунар. науч. конф. Тез. докл. сообщ. – Владивосток, 1994. – С. 117 – 119. (В соавторстве).

Проскурина Л.И. Аграрная история ДВ России в 20 – 30-е годы. Основные итоги и задачи изучения проблемы. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Тез. докл. и сообщ. – Владивосток, 1996. – С. 47.

Проскурина Л.И. Вернуть земле хозяина. История Дальнего Востока. // Россия и АТР. – 1992. – № 2. – С. 21 – 31.

Проскурина Л.И. Дальневосточная деревня накануне Великой Отечественной войны. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. Тез. докл. и сообщ. – Хабаровск, 1995. – С. 169 – 172.

Проскурина Л.И. Дальневосточная российская деревня в 20 – 30-е гг. XX вв. // Социально-экономические и политические процессы в странах Азиатско-тихоокеанского региона. Мат. и тез. докл. международной научно-практ. конф. Владивосток. 23 – 26 апреля 1997. Кн. вторая. – Владивосток, 1997. – С. 27 – 30.

Проскурина Л.И. Деревня двадцатых ... Аграрная история Дальнего Востока России в 20 – 30-е годы. Дискусс. пробл. // Россия и АТР. – 1995. – № 3. – С. 93 – 99.

Проскурина Л.И. Коллективизация и раскулачивание на российском Дальнем Востоке в 30-е гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Амурский гос. университет. Кн. 1. – Благовещенск, 2001. – С. 271 – 277.

Проскурина Л.И. Коллективизация на Дальнем Востоке. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX вв. Международн. науч. конф. Тезисы, докл. и сообщ. – Владивосток, 1993. – С. 63 – 67.

Проскурина Л.И. Коллективизация на селе. // Ориентир. – 1990. – № 6. – С. 24 – 27.

Проскурина Л.И. Коллективизация сельского хозяйства Приморья и формирование административно-командной системы управления // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион, науч. конф. по пробл. истории, археологии и краеведения. – Уссурийск, 1992. – С. 118 – 120.

Проскурина Л.И. Некоторые итоги изучения аграрной истории российского Дальнего Востока в 20 – 30-е годы. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы межд. науч. конф. – Владивосток, 1997. – С. 69 – 76.

Проскурина Л.И. О сталинских репрессиях в дальневосточной деревне в 20 – 30-х гг. // Краеведческий вестник. – Владивосток, 1994. – Вып. 3. – С. 116 – 120.

Проскурина Л.И. О сталинских репрессиях против дальневосточного крестьянства в конце 20 -начале 30-х гг. // Съезд сведущих людей Дальнего Востока: Материалы науч.-практ. ист.-краевед. конф., посвящ. 100-летию Хабаров, краевед, музея. – Хабаровск, 1994. – С. 194 – 196.

Проскурина Л.И. Приморская деревня в 20 – 30-е годы. // Очерки истории Приморья. – Владивосток, 1996. – С. 123 – 144.

Проскурина Л.И. Приморская деревня в конце 30-х годов. // Россия и РТР. – 1998. – № 4. – С. 13 – 18.

Проскурина Л.И. Проблемы развития новой экономической политики на Дальнем Востоке. // Ленин. Социализм. Современность. Тез. докл. науч.-практ. конф. – Владивосток, 1991. – С. 16 – 19. (В соавторстве).

Проскурина Л.И. Репрессии в Дальневосточной деревне в конце 20-х – первой половине 30-х гг. // Россия и АТР. – 1998. – № 4. – С. 13.

Проскурина Л.И. Репрессии в Дальневосточной деревне в конце 20-х – первой половине 30-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С. 116 – 128.

Проскурина Л.И. Репрессии против дальневосточного крестьянства в период завершения массовой коллективизации крестьянских хозяйств (1932 – 1934 г.) // Арсеньевские чтения. Тез. докл. регион, науч. конф. по пробл. истории, археологии и краеведения. – Уссурийск, 1994. – С. 127 – 131.

Проскурина Л.И. Сельскохозяйственное переселение на Дальний Восток России в 20 – 30-е гг. XX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России. Кн. 3. – Владивосток, 1993. – С. 191 – 196.

Проскурина Л.И. Социализм и дальневосточная российская деревня в 20 – 30-е гг. // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Мат. межд. науч. конф, 22 – 24 сент. 1997 г. – Хабаровск, 1997. – С. 224 – 227.

Проскурина Л.И. Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни в 20-е годы. // Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. Мат. Междун. научн-практ. конгр., посвящ. 125-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. – Владивосток, 1997. – С. 142 – 145.

Проскурина Л.И. Трагедия дальневосточного крестьянства. // Россия и АТР. – 1998. – № 4. – С. 48.

Проскурина Л.И. Трагедия дальневосточного крестьянства. О репрессиях в деревне в 30-е годы. // Россия и АТР. – 1997. – № 4. – С. 43 – 52.

Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? // Отечественная история. – № 3. – 1995. – С. 158 – 166.

Разумов В.А. "Раскрестьянивание" – термин и содержание, временные рамки. // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 10. – С. 64.

Рогалина Н.Г. Актуальные проблемы изучения Российского крестьянства 1920 – 1930-х гг. в свете новейших документальных публикаций. // Вестник архивиста. – 2004. – № 3-4 – С. 115 – 129; № 5. С. 79 – 87.

Рогалина Н. Можно ли отделить Советскую модернизацию от ГУЛАГа? / Круглый стол. Советское прошлое: поиски понимания. // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 90 – 120.

Саначёв И. Д. Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестник ДВО РАН. – 1992. – № 3-4.

Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта. // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 7 – 16.

Славко Т.И. Раскулачивание. // ГУЛАГ его строители обитатели и герои. – М., Франкфурт на Майне, 2000. – С. 129 – 178.

Соколов А.К. Спасибо за науку. // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 130 – 134.

Соловьёва Н.А. Корейцы в России. // Россия и АТР. – 1993. – № 2. – С. 100 – 107.

Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. // Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – С. 295 – 424.

Степанов А.Ф. Письмо в ред. Отечественная история по поводу ст. Земскова. В № 4 за 1997. // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 197 – 200.

Ступак Г.Е. Документы госархива г. Братска о репрессиях среди крестьян. // Отечественные архивы. – 1994. – № 4. – С. 107 – 108.

Сувениров О.Ф. Военная коллегия Верховного суда СССР. (1937 – 1939 гг.) // Вопросы истории. – 1995. – № 4. – С. 137 – 146.

Сыркин В.А. Массовый источник по истории советской деревни (как крестьяне обсуждали проект конституции 1936 г.) // Отечественные архивы. – 1996. – № 5. – С. 54 – 57.

Такер Р. Государство и общество в Советской России. Ответ на ст. Павловой И.В. // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 203.

Танцуренко Е.И. Введение в научный оборот документов бывшего партийного архива Приморского края: проблемы и перспективы использования. // Архивы Дальнего Востока России на пути в новое тысячелетие. Материалах региональной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию со дня декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР "О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР". – Владивосток, 1998. – С. 79 – 84.

Тихий К.Т. "Имидж" коллективизации в СССР с точки зрения иностранных наблюдателей. // Россия и АТР. – 2000. – № 1. – С. 68 – 75.

Ткачёва Г.А. Контингент ГУЛАГа – "землепроходцы". // Россия и АТР. – 1997. – № 4. – С. 58.

Тоталитаризм и личность. Научно-практическая конференция в г. Перми 12 – 14 июля 1994 г. // Отечественная история. – 1995. – № 2. – С. 215 – 217.

Трёхсвятский А.В. Дело Люшкова. // Россия и АТР. – 1998. – № 1. – С. 90 – 104.

Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 20-х годов. // Вопросы истории. – 1990. – № 3. – С. 16 – 31.

Хлопов В.Г., Благодатская В.И. Описание документов бывших партийных контрольных органов. // Отечественные архивы. – 1995. – № 4. – С. 75 – 78.

Хорхордина Т.И. Архивы и тоталитаризм (опыт сравнительно-исторического анализа). // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 145 – 159.

Цакунов С.В. Нэп: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Кн. 1. – М., 1997. – С. 57 – 119.

Цаплин В.В. Архивные материалы о числе заключённых в конце 30-х годов. // Вопросы истории. – 1990. – № 4-5. – С. 157 – 163.

Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е гг. // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 178.

Цаплин Е.В. Архивные материалы о числе заключённых в конце 30-х годов. // Вопросы истории. – 1991. – № 4. – С. 157.

Черкасов А. Меж двух диктатур. // Информационный бюллетень правления международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». – М., – 2000. – № 22. – С. 36.

Чернолуцкая Е.Н. "Националы" Приморья в Сталинских политических репрессиях // Известия РГИА ДВ. Вып. I. – 1996. – С. 149 – 160.

Чернолуцкая Е.Н. "Очистка" Приморья от "неблагонадёжного населения" в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики" // Вопросы социально-демографической истории дальнего Востока в XX в.: сб. науч. Ст. – Владивосток, 1999. – С. 95 – 112.

Чернолуцкая Е.Н. Архивные документы о политических репрессиях на дальнем Востоке. // Известия РГИА ДВ. Вып. II. – 1997. – С. 90 – 95.

Чернолуцкая Е.Н. Депортация Китайцев из Приморья (1938 г.) // Исторический опыт открытия и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX (к 350-летию начала похода В. Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений. Вып. II. – Владивосток, 1993. – С. 78 – 81.

Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждении тоталитарного режима в СССР (на материалах Дальнего Востока) // Тоталитаризм как исторический феномен. Владивосток, 1996. – С. 88 – 104.

Чернолуцкая Е.Н. Пенитенциарная система на Дальнем Востоке в 20-е г. // Известия РГИА ДВ. Вып. III. – 1998. – С. 95 – 107.

Чернолуцкая Е.Н. Принудительная миграция на Дальнем Востоке СССР как превентивная мера обеспечения безопасности в приграничной зоне накануне второй мировой войны. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тезис. докл. и сообщ. междунар. конф. – Хабаровск, 1995. – С. 165 – 167.

Чернолуцкая Е.Н. Принудительное переселение в Дальневосточном регионе СССР в 30-е годы // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России. XVIII – XX вв. Материалы международной научной конференции. – Новосибирск, 1996. – С. 156 – 160.

Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период. // Вестник ДВО РАН. – 1995. – № 6. – С. 71 – 79.

Чернолуцкая Е.Н. Противоречивость миграционной политики на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е годы (на примере Приморья). // Исторический опыт освоения восточных регионов России: тезис. докл. и сообщений междунар. научн. конф. – Владивосток, 1993. – С. 89 – 92.

Чернолуцкая Е.Н. Судебные репрессии на Дальнем Востоке в период хлебозаготовительной кампании 1929 – 1930 гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток, 1997. – С.129 – 137.

Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпереселенцев в Приамурье в 1934 г. // Семья и семейный быт в восточных регионах России: сб. науч. тр. ДВО РАН Институт истории этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1997. – С. 171 – 177.

Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930 – 1933 г. // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 150 – 155.

Шашлов В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Скверный край. 1930 – 1933 годы. // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 150 – 155.

Щербань Н.В. или политический конъюнит? // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 127 – 130.

Якименко Н.А. О социальном составе крестьян-переселенцев в России 80-х годов XIX – начала XX века. // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 174 – 182.

Якушев С.В. Центральный партийный архив в 1930-е г. // Вопросы истории. – 1991. – № 4-5. С. 25 – 33.

11. Диссертации и авторефераты диссертаций

а) диссертации

Баранцева Е.Л. Организационно-правовые основы и механизм политики репрессий в Вятском крае (ноябрь 1917 – декабрь 1934 года). Дис. ...канд. юрид. наук. – Нижний Новгород. 2005.

Глумская М.Н. Единоличное крестьянское хозяйство России в 1933 – 1937 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Москва. 1994.

Головин С. А. История политических репрессий на Дальнем Востоке 1920 – 1930-е годы. Дис. ...канд. ист. наук. – Хабаровск. 2008.

Дорджиева Д.А. Репрессии против духовенства в Калмыкии: 1917 – 1940-е гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 2007.

Иванов В.А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. на материалах Северо-Запада РСФСР. Дис. ...д-ра. ист. наук. – Москва. 1998.

Коломиец К.А. Репрессивная политика Советского государства в деревне в 1930-е годы: Дисс. ... канд. ист. наук. – Пенза. 2006.

Кузнецов И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 30-е годы и реабилитация жертв террора. Дис. ...канд. ист. наук. – Томск. 1992.

Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава рабоче-крестьянской Красной Армии и Флота на Востоке страны в 1936-1939 гг. Дис. ...док. ист. наук. – Иркутск, 2005.

Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии: Дисс. ... канд. ист. наук. – Петрозаводск. 1998.

Савочкин А.А. Массовые репрессии 30-40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и поддержания исключительной самостоятельности государства. Дис. ...канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.

Стасюкевич С.М. Социально-экономическое развитие амурской доколхозной деревни (1922 – 1929 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. Владивосток. 1995.

Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922 – 1930 гг.): Исторический опыт организации и деятельности. Дис. ...док. ист. наук. – Владивосток. 2002.

Шашков В.В. Раскулачивание в СССР и судьба спецпереселенцев (1930 – 1954 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 1995.

а) авторефераты

Варфаломеева М.И. Репрессивная политика Советского государства в 1930-е годы и политические настроения (на материалах Белгородской, Курской и Орловской областей). – Курск, 2002.

Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. - Петрозаводск, 1998.

Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ). – Нижний Новгород, 2007.

Усенко А.Н. Массовые политические репрессии 1930-х годов на Дону. – Ростов на Дону. 2005.

12. Электронные издания

Жертвы политического террора в СССР. Базы данных. Лазерный диск. – М., Мемориал. 2002.

Жертвы политического террора в СССР. Базы данных. Лазерный диск. (2 диска) – М., Мемориал. 2004.

Приложения

Документы

Директивное письмо № 28 Верховного Суда и Прокуратуры СССР**"О порядке допущения защиты по делам,
рассматриваемым Спецколлегиями"
от 13-го января 1935 г.**

... Независимо от наличия списка ЧКЗ (член коллегии защитников), допущенных к участию в спецколлегиях, участие ЧКЗ в каждом конкретном деле должно разрешаться судом в соответствии с требованиями УПК и обстоятельствами этого конкретного дела. При разрешении вопроса об допущении ЧКЗ поименованных в специальном списке к участию в том или ином деле, рассматриваемом спецколлегиями, необходимо иметь в виду, что по ряду дел ЧКЗ допускаться не должны, т. к. эти дела, как правило, должны рассматриваться без участия сторон. Это относится к делам особо секретного порядка (преступления, связанные с террористической пропагандой, с неправильным расходованием мобилизационного фонда, недоброкачественным выполнением заказов военного ведомства, невыполнением планов мобилизационного запаса и военных заказов, утерей мобилизационных и др. секретных документов и т. п.).

Дела рассмотренные в спецколлегиях по указанным выше преступлениям без участия защиты, не могут быть ни при каких обстоятельствах предъявляемы защите для ознакомления (например для составления кассационных жалоб по этим делам).

Председатель Верховного суда СССР / А. Винокуров/
Прокурор Союза ССР / А. Вышинский/

Основание: ГАХК. Ф. 819. Оп. 2. Д. 3. Л. 25, 25 оборот.

Телеграмма Сталина в ДКК ВКП(б)

Несмотря на двоекратные твёрдые директивы ЦК об усилении хлебозаготовок всё ещё нет никакого перелома в ходе хлебозаготовок...

...2. Все наряды Наркомторга СССР об отгрузке хлеба выполнять строжайшей точности и в срок.

3. Применять к исполнению все прежние указания ЦК в отношении изъятия денежных накоплений из деревни установить максимально ускоренные сроки всех платежей крестьянства казне по налогам страхованию ссудам не допускать отсрочек по ссудным обязательствам организовать сбор авансов под поступающие промтовары и сельскохозяйственные машины, добиваться досрочных взносов всех платежей одновременно развернув кампанию по распространению крестьянского займа и сборов кооперативных паёв. Срочно установить дополнительные местные сборы на основе законов о самообложении.

4. При взыскании недоимок по всякого рода платежам применять немедленно жёсткие кары в первую очередь в отношении кулачества особые и репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов срывающих сельскохозяйственные цели.

...7. Организовать в печати длительную кампанию по хлебозаготовкам сосредоточив внимание на решительной систематической критике недостатков хлебозаготовительной кампании...

НР 241/ с 6.01.28. Секретарь ЦК Сталин

Основание: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 63. Л. 171, 172.

Телеграмма Гамарника

передать через ГПУ лично

Секретарям окружкомов:

В последние две недели в связи с крайне слабым развёртыванием хлебо-заготовок резко ухудшилось положение с хлебоснабжением городов и поставлен под удар завоз хлеба окраины тчк Импорт хлеба категорически исключён. В качестве ближайшей экстренной меры Наркомторгом даны указания Сибири отгрузить нам срочно несколько маршрутов хлеба тчк. Мы связались Сибирью, желдорогам максимальной скоростью тчк Связи с этим необходимо Вашей стороны строжайшая экономия расходования хлеба и разъяснения рабочим и красноармейцам создавшихся трудностей хлебоснабжения края связи наводнением, поздней уборкой хлеба тчк Принимая во внимание, что только в силу особых трудностей создавшихся сейчас крае Москва предложила Сибири ударном порядке нас снабжать начале октября и что дальнейшем мы не можем рассчитывать на ударную и значительную помощь Сибири, что снабжение края будет зависеть по преимуществу от наших хлебозаготовок, крайком предлагает напрячь все силы парторганизации, соваппарата и хлебозаготовителей для усиленного развёртывания хлебозаготовок, сделав эту работу основной тчк Примите все меры своевременному взиманию деревней всех платежей особенно обратив внимание сельхозналог и поступление сумм по произведённому самообложению, займу индустриализации тчк

№ 281 С. 26.09.28 г. Гамарник

Основание: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 63. Л. 141.

Телеграмма ДКК ВКП(б)

сов. секретно через ПП ОГПУ.

Чита, Благовещенск. Сретинск,

Владивосток. Свободный.

Передаётся постановление бюро крайкома от 16 ноября о ходе хлебозаготовок.

1. Признать, что итоги заготовок за первую половину ноября в целом по краю не дают достаточного перелома и по прежнему ход их совершенно неудовлетворителен.

... 3. Присоединить к более решительному развёртыванию мероприятий по привлечению кулацко-зажиточной части села к ответственности за невыполнение принятых планов, энергичнее разворачивая применения карательных мер, причём необходимо обязательно добиться сопровождения этих мероприятий широкой хорошо организованной массовой и разъяснительной работой. Органам суда и прокуратуры необходимо принять все меры ускоренного прохождения судебных дел хлебозаготовкам. Организовать несколько показательных процессов по наиболее характерным политическим делам, как по террористическим выступлениям кулаков связи хлебозаготовками, так по злостному невыполнению плана заготовок и поставок срыва заготовок.

4. Всей краевой, окружной печати необходимо ещё больше уделить внимание хлебозаготовкам широко освещать ход показательных процессов.

17.11.29 г.

Основание: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 153. Л. 37.

Доклад прокурора ДВК Андреева о состоянии дел связанных с хлебозаготовками в рассмотренными Амурским окружным судом

В амурском округе при Окрисполкоме была создана тройка по хлебозаготовительным делам, причём её деятельность выразилась в опеке над низовым аппаратом по применению 1 ч. ст. 61 УК. тройка состоявшая из Председателя ОИКа, прокурора и Председателя суда, рассмотрела свыше 300 жалоб. Часть не рассмотрено и по заявлению секретаря всего жалоб имеется до 500 т.е. 50 % примерно дел по 1 ч. 61 ст. прошли или должны были пройти через тройку.

Из рассмотренных 6 протоколов тройки видно, что по этим протоколам прошло 156 дел жалоб кулацко-зажиточного элемента, которые были соответствующим сельсоветом с утверждения РИКа оштрафованы по 1 ч. 61 ст. УК. Из этих 156 жалоб тройка постановила сложить штраф в 38 случаях и приостановить 39 постановлений сельсоветов. Примерно 50 % из рассмотренных жалоб были фактически приостановлены, либо с исполнителей твёрдого задания был сложен штраф. В отдельных случаях сообщение о сложении штрафа давалось непосредственно сельсоветом, что вызывало нарекания РИКов, через голову которых эти сообщения направлялись.

Вообще же эта практика опеки над низовым аппаратом вызывала колебание в применении репрессий к кулацко-зажиточным элементам по 1 ч. 61 ст. УК создав излишнюю задержку в рассмотрении этих дел и в приведении в исполнение наложенной санкции по 1 ч. 61 ст. УК, что не могло не влиять на ход хлебозаготовок в условиях Амурского округа, где кулацко-зажиточный элемент упорно сопротивляется сдаче хлеба.

... Ряд постановлений тройки слагает штраф и освобождает от твёрдого задания в виду того, что хозяйство является "типично середняцким", таким образом лишая районы инициативы в определении кулацко-зажиточной группы,

Приложение 5 (Продолжение)

которая по Амуру составляет 15 % примерно по твёрдым заданиям. Таким образом массовость репрессий по 1 ч. 61 ст. УК была в значительной мере смазана деятельностью этой "тройки", которая по заявлению секретаря ОК должна быть распущена. Создана была она для политического направления кампании по хлебозаготовкам, однако приняла на деле такое направление, которое не содействовало хлебозаготовкам.

прокурор ДВК.

Основание: РГИА ДВ ф. 2413. Оп. 4, 1671. Л. 35, 35 оборот.

СЕКРЕТНО.**Постановление****ПРЕЗИДИУМА ДКИКа от 18-го февраля 1931 года.****О внутрикраевом расселении кулаков.**

1. Во исполнение директив центра, считать совершенно необходимым до начала весенней посевной кампании провести выселение из районов сёл сплош[ой] коллективиз[ации] и 22 клм., погранполосы кулацких семей 1-й, кулаков с семьями 2-й категории с одновременным расселением кулаков 3-й категории.

2. Всем РИКа, представившим ДКИКу списки кулацких семей подлежащих выселению и расселению в соответствии с данными им заключениями ДКИКа по этим спискам начать практическое выселение 1-й и 2-й категории с таким расчётом, чтобы доставить их на сборные пункты к 7/ III – С. г. для сдачи органам ОГПУ и дальнейшей отправки к месту назначения.

3. Расселение кулацких, семей, 3-й категории за пределами колхозных участков и 22 клм., погранполосы произвести одновременно с 1 и 2 категориями и причём только в районы, утверждённые ДКИКом.

Те из РИК"ов, которые не дали до сих пор своих соображений о местах расселения этой категории, должны их представить в секретариат ДКИК"а не позднее 20/ II – С. г. (Директивы даны лично председ[ателям] РИКов 6/ II)

4. При проведении всех выше упомянутых мероприятий обратить особое внимание РИКов на соблюдение строгой классовой линии и этим самым исключить применение вышеупомянутых мероприятий (выселение и расселение) к группам указанным в п. 2, 14 и 15 Инстр[укции] ЦИК от 4/ II (среднякам, б/кр[асным] партизанам б/красноармейцам, красноармейским семьям и т. д.).

5. В соответствии с п. 4 первого раздела Инструкции ЦИК от 4/ II-30 г. не подвергать выселению семьи совершенно не имеющие в своём составе трудоспособных членов (беременные, полные инвалиды, глубокие старики и т. д.) и тем более тех из них кои утратили социально-политическую опасность.

6. В целях политического обеспечения данной кампании с началом её фактического проведения, развернуть широкую работу среди батрацких – бедняцких и колхозных масс с тем чтобы последние сами приняли активное участие в выселении, сопровождении кулацких семей и т. д., т. е. были прямыми исполнителями постановлений своих собраний.

Дабы сам процесс выселения и расселения кулаков не являлся голым административным мероприятием все первоначальные намётки в отношении каждой семьи должны быть подтверждены соответствующим постановлением общих батрацких – бедняцких и колхозных собраний.

7. Выбор места для расселения кулаков 3-й категории, само расселение и трудовое устройство провести с таким расчетом, чтобы представить им возможность существования и с максимальным производственным эффектом использовать труд трудоспособного населения из них.

При этом нужно исходить, что устройство кулаков в местах их расселения краем финансироваться не будет.

8. Дабы обеспечить кулацким семьям 3-й категории освоение отведённых участков и не создать угрозы эпидемии, а так же массового вымирания детей и женщин от не благоустроенности на новом месте, провести первоначальную высылку только трудоспособных членов семей с тем, чтобы они смогли устроиться там (постройка жилищ и т. д.) и после этого лишь перебросить к ним остальных членов семей, но не позднее 10/ IV С. г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Для тех районов, где в новых местах расселения кулаков 3-й категории на первое время имеется необходимое минимальное устройство (жилища и др[угие] хоз[яйственные] службы) расселение семей произвести полностью одновременно с трудоспособными.

9. Административное Управление кулацкими посёлками 3-й категории в порядке инструкции ВЦИК СССР от 4/ II п. г. осуществляется специальными комитетами (Тройками) или уполномоченными назначенными РИКами.

Органы назначенные из состава самих кулаков и является посредником между расселёнными и соответствующими с/ с на территории которого находится посёлок.

10. Порядок выселения и расселения, конфискация имущества и т. д. указаны в сов. секретной инструкции ЦИК СССР от 4/ II п. г. которой РИКа и надлежит руководствоваться при проведении кампании.

11. Обязать Далькрайсоюз обеспечить продовольствием на 3 м[еся]ца все кулацкие семейства выселяемые по 1-й и 2-й категории всего 2500 чел., по нормам установленным для спецпереселенцев, для чего занарядить соответствующее количество продуктов по указанию ПП ОГПУ ДВК.

12. Комиссии по выселению и расселению кулаков разработать положение в поселках 3-й категории и представить на утверждение к/ ф ДИКа к 20/ II С. г.

13. Союззолото и Дальлесу немедленно секретным порядком проинструктировать руководителей местных подведомственных им органов о проработке совместно с РИКаи вопроса о максимальном использовании подлежащих расселению кулаков на-работах и предприятиях данных организаций.

14. Добиться такого положения, чтобы все выселяемые и расселяемые кулацкие семейства, всех 3-х категорий, были обеспечены продовольствием на максимальный срок (3 – 4 м[еся]ца) поэтому не препятствовать им брать с собой про

довольствия сверх нормы (30 п. предусмотренных секр[етной] инструк[ции] ЦИК ССОР от 4/ II п. г.)

На все кулацкие семьи 2-й категор[ии] отправляемые на сборные пункты не имеющих абсолютно никаких продовольственных запасов, составлять секретн[ые] списки, которые передавать комендантам сборных пунктов.

ВЕРНО: Секретарь Презид[иума] ДКИКа [подпись]

Основание: ГАПК. Ф. П-24. Оп. 2. Д. 34. Л. 16 – 21 оборот.

20/21 октября 1931 г.

№ 337/1

Всем полномочным представителям ОГПУ

Всем начальникам Управления

Испр. Труд. Лагер. ОГПУ.

Из получаемых с мест материалов о семьях спецпереселенцев, не имеющих глав семей, установлено, что в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ содержится значительное число глав семей с/переселенцев, осужденных не только по ст.58 п. 10 УК, но и по другим ст. ст. УК.

Кроме того установлено, что в порядке внутренних перебросок большое количество осуждённых глав семей с/переселенцев находится в лагерях не на территории того ПП, где находятся их семьи.

По этому в развитие моей директивы № 281, ПРЕДЛАГАЮ:

Для соединения с семьями, высланными в порядке спецпереселения – произвести тщательную индивидуальную проверку контингента заключенных, осужденных по следующим ст. ст. УК не свыше ТРЕХ лет:

- ст. 58 п. 10 – к.- р. агитация
- ст. 59 п. 12 – нарушение правил о валютных операциях (имеются в виду осуждённые за спекуляцию серебряной монетой)
- ст. 61 – уклонение от государственных повинностей;
- ст. 62 – скрывание объектов обложения;
- ст. 79 п. 1 – хищнический убой скота;

- ст. 82 – побег с места высылки или заключения (имеются в виду главы с семей, бежавшие из поселков);
- ст. 87-а – нарушение законов о национализации земли;
- ст. 107 – спекуляция.

Начальникам Управлений лагерей составить на таковых списки и для проверки правильности указанных заключёнными данных о составе и местонахождении их семьи, – выслать в то Полномочное представительство, на территории которого по заявлению заключённого находится его семья.

Копии списков выслать в Главное Управление лагерями ОГПУ.

По проверке и утверждении Главн. Упр. лагерями ОГПУ списков не подлежащих освобождению и направлению к семьям тех заключенных, которые содержатся в лагере на территории того же ПП что и их семьи, – передавать непосредственно по поселкам, доставляя их конвоем лагеря.

Заключенных же, семьи которых находятся на территориях другого ПП – направлять этапом в пункты по указанию соответствующего ПП, при чем в последнем случае таковое разбивку по поселкам и доставление на месте производит своими силами.

Разъясняю, что соединение семей спецпереселенцев с их главами должно производится исключительно путем направления глав коих семьям, а не наоборот.

Настоящая директива распространяется только на тех заключённых, которые являются главами семей, высланных в порядке спецпереселения, осуждённых по указанным выше ст. ст. УК на сорок не выше 3-х лет.

...

ЗАМ. ПРЕД. ОГПУ:

Г. Ягода

Основание: ЦА ФСБ России, ф. 66. Оп. 1. Д. 228, 78.

Телеграмма от зейского окружкома ВКП(б) через ПП ОГПУ.

Хабаровск. Крайком ВКП(б)

... просим подкрепить нас посылкой из других округов немедленно человек 15 способных вести агитационную и разъяснительную работу в деревне. Кроме того просим настоять ПП о присылке окротделу для обеспечения успешной борьбы с бандой и ликвидацией могущих появиться новых банд 10 000 трёх линейных патронов и 50 винтовок, не мешало переменить имеющиеся у нас пулемёты "шоша" которые очень старые и не работают как это имело место в последней операции против банды, целый ряд виновных в искривлениях по коллективизации и раскулачиванию исключены из партии, сняты с работы, предаются суду: по рухловскому РИКу снят председатель, его заместитель и секретарь, двое последних преданы суду, предлагаем провести показательным с целью популяризации решительной не на словах, а на деле борьбы с искривлениями...

Секретарь зейского окружкома ВКП(б) Хорошайлов.

18 апреля 1930 г.

Телеграмма от зейского окружкома ВКП(б) через ПП ОГПУ.**Хабаровск. Крайком ВКП(б)**

... просим подкрепить нас посылкой из других округов немедленно человек 15 способных вести агитационную и разъяснительную работу в деревне. Кроме того просим настоять ПП о присылке окротделу для обеспечения успешной борьбы с бандой и ликвидацией могущих появиться новых банд 10 000 трёх линейных патронов и 50 винтовок, не мешало переменить имеющиеся у нас пулемёты „шоша” которые очень старые и не работают как это имело место в последней операции против банды, целый ряд виновных в искривлениях по коллективизации и раскулачиванию исключены из партии, сняты с работы, предаются суду: по рухловскому РИКу снят председатель, его заместитель и секретарь, двое последних преданы суду, предлагаем провести показательным с целью популяризации решительной не на словах, а на деле борьбы с искривлениями...

Секретарь зейского окружкома ВКП(б) Хорошайлов.

18 апреля 1930 г.

Основание: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 180. Л. 10.

**Инструкция всем партийно-советским работникам
и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры
с пометкой секретно не для печати.**

... установить, что максимальное количество лиц могущих содержаться под стражей в местах заключения НКЮ, ОГПУ и Главного Управления милиции, кроме лагерей и колоний, не должно превышать 400 тыс. человек на весь Союз ССР.

... Выселение / кулаков К. В./ допустить только из следующих областей и в следующих количествах:

Украина	2000	хозяйств	Вост. Сибирь	1000	хозяйств
С. Кавказ	1000	хозяйств	Белоруссия	500	хозяйств
Н-Волга	1000	хозяйств	Зап. Область	500	хозяйств
Ср. Волга	1000	хозяйств	Башкирия	500	хозяйств
НЧО	1000	хозяйств	Закавказье	500	хозяйств
Урал	1000	хозяйств	Ср. Азия	500	хозяйств
Горьковский край	500	хозяйств			
Зап. Сибирь	1000	хозяйств	Всего	12000	хозяйств

Основание: ГАХК. Ф. 819. Оп. 2. Д. 6. Л. 15, 15 оборот.

Донесение

Сов. Секретно.

Пред. Далькрайисполкома т. Чукаеву.

Секретарю крайкома ВКП(б) т. Гамарнику.

... Всего с 1 апреля 1926 г. по 1 марта 1928 г. ... прошло 904 кб (контрабандных) дела на 1734 человека по коим в настоящий момент получено решений Особого Совещания при Коллегии ОГПУ на 1131 человек по 694 делам.

Конкретно мера социальной защиты в отношении их выразилась в следующем:

Расстреляно		7	Человек
Заключено в концлагерь	на 10 лет	6	- //-
- //-	5 лет	3	- //-
- //-	3 года	124	- //-
- //-	до 2 лет	18	- //-
- //-	1 год	39	- //-
Выслано	в Сибирь	95	- //-
до 3 лет	На Урал	186	- //-
	В Казахстан	45	- //-
	Из пределов СССР	195	- //-
	Из погран[ичной]. Полосы	80	- //-
	Из пределов ДВК и погран[ичных]. Губерний	333	- //-
	Всего	1131	- //-

По социальному положению эта группа осуждённых разбивается на:

Рабочих		224	Человек
	Бедняков	335	- //-
Крестьян	Середняков	149	- //-
	Зажиточных-кулаков	107	- //-
Служащих		37	- //-
Кустарей и ремесленников		23	- //-
Лиц свободных профессий		4	- //-
Торговцев и комиссионеров		122	- //-
Служителей культа		2	- //-
Прочих		128	- //-

... ПП ОГПУ ДВК / Медведь/

ВРИД Краевого прокурора ДВК / Мишин/

Основание: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 66. Л. 37.

Постановление НКЮ РСФСР**«О проведении в жизнь закона от 7-го августа». № 85/ 6088.**

Утв. тов. Крыленко 17.XI.-32.

...6

... б) При каждом привлечении трудящегося за мелкие преступления должно исходить из дифференцированного подхода к условиям каждого дела. Там где этого рода хищения принимают массовый характер, совершены организованной группой или совершались систематически применение закона 7-го августа должно быть последовательно проведено со всей строгостью.

В остальных случаях должно иметь место осуждение к 10 годам лишения свободы с возможным ходатайством перед облсудом о применении 51 ст.

в) наконец, в особо исключительных обстоятельствах / нужда, многосемейность/ при крайне незначительных количествах похищенного / качан капусты, лукошко картошки/ и не массовости подобных хищений, прокурор по согласованию с судьёй может поставить вопрос о прекращении такого рода дела в порядке примечания к ст. 6-й УК с сообщением однако каждый раз об этом в край / обл/ суд и прокуратуру.

Народный комиссар юстиции РСФСР Крыленко

Основание: ГАХК. Ф. 819. Оп. 2. Д. 4. Л. 4, 5.

Заключение ревизии НКЮ СССР в ДВК

Выводы о результатах ревизии работы оргбюро ДВ краевой коллегии защитников, а так же коллегии защитников Зейской, Амурской, Приморской, Уссурийской, Хабаровской областей произведённой в феврале – марте 1937 г. причём установлено.

Засоренность состава некоторых защитников врагами народа...

Имея ввиду малозначительное количество ЧКЗ по областям, самостоятельную областную коллегию защитников сохранить лишь в одной Приморской области, которую подчинить президиуму краевой коллегии, только в части общего руководства и надзору.

В остальных областях ДВК организовать межрайонные коллективы с подчинением их непосредственно президиуму краевой коллегии.

...

Ревизор ОТД. Судзащиты НКЮ / Дейчис/

Утв. НКЮ СССР Крыленко

Основание: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 947. Л. 118.

Меморандум № 300 от 12/УП-37г.

Адреса по списку.

В дополнение директивы наркома № 266:

ПЕРВОЕ – операцию по репрессированию бывших кулаков и уголовников не начинать, повторяю не начинать. О дне начала операции и порядке ее проведения последует особое распоряжение НАРКОМА.

ВТОРОЕ – имеющееся до начала операции время использовать: на агентурную проработку уже выявленных бывших кулаков и уголовников; уточнение и углубление вобранных на них компрометирующих материалов, довыявление бывших кулаков и уголовников еще не взятых на учет и на уточнение учета.

ТРЕТЬЕ – выявленных в процессе этой работы наиболее озлобленных активных кулаков и социально-опасных уголовников арестовывать, проводить следствие, но дела на тройках не рассматривать, приговоров не выносить и не приводить их в исполнение до особых указаний НАРКОМА.

ЧЕТВЕРТОЕ – ввиду особой политической важности этой операции, НАРКОМ на ШЕНТНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ созывает специальное совещание, на котором будут обсуждены: планы проведения операции, собранные материалы учета по каждой категории, отдельно кулаков и уголовников и техника проведения операции. Совещание будет проведено в две очереди.

Пятое – Вам надлежит прибыть на совещание к Шестнадцатому июля, имея на руках план операции и все материалы учёта.

Фриновский

Воззвание

К населению крестьян, рабочих, служащих и Красной Армии от 1-го Повстанческого отряда крестьян, рабочих, служащих и красноармейцев.

Граждане крестьяне, рабочие, служащие и красноармейцы сыны [и] защитники трудящихся масс.

Мы первый повстанческий отряд вынуждены выступить против существующего произвола над трудящимися массами, против существующего товарно-продуктового голода, который появился от неправильного руководства существующей власти коммунистической партией.

Граждане, мы должны сомкнуться дружными рядами и свергнуть с себя иго власти коммунисты их неправильной политики и построить свободную и мирную равноправную между трудящимися массами крестьян, рабочих и служащих власть.

Не должно быть расслоение между крестьянством.

Граждане всем это видно, что ничего у нас не стало в Кооперации, и пустые рынки, мы не успеваем пополнять пай в кооперацию, а в конце концов полки остаются пустые, ввиду непосильных обложений и неверного подходов в хлебозаготовках крестьянские дворы опустели, поля зарастают травой, а воспитатели коммунисты говорят и уверяют, что промышленность и сельское хозяйство развиваются, но факт у нас есть налицо, что мы перешли на норму в 4 килограмма, а некоторых крестьян совсем её лишили, это такое положение ещё не слыханное в истории человечества, при которой человек существовать не может, где и встретили трудящиеся массы большой голод и видя перед собою голодную смерть, вызвало нас выступить с оружием в руках за завоевание свободной народной власти и мирного житья. Предлагаем мирным путём без кро-

вопролития передать власть трудовому народу немедленно, чтобы этим не остаться без посева.

Мы без вмешательства интервенции и своими силами трудящихся масс крестьян и рабочих построим новую свободную жизнь.

Долой неправильную политику коммунистической партии, долой расслоение крестьянства и требуем освобождения из тюрем и ссылок наших крестьян, рабочих, отцов, мужей, братьев, сыновей безвинно томящихся.

Да здравствует свобода слова, печати, союзов и стачек.

Да здравствует свободный труд, свободная торговля рынка.

Да здравствуют повстанческие отряды крестьян, рабочих и Красной армии.

Да здравствует культурная революция без кровопролития.

Да здравствует свобода, земля и воля для народа.

Да здравствует равенство и братство между трудящимися народами.

1-й крестьянский повстанческий отряд.

**Список бандитов из д. Сиан, бывших во время Гражданской
войны в отрядах красных партизан**

п/п	Фамилия, имя, отчество	С какого времени партизанил
1.	Перелыгин Терентий Тит.	Ок. 5 мес.
2.	Авдеев Сергей Яковлевич	Один год
3.	Павлов Никита Ипатьевич	Около года
4.	Гаврилов Иван Савельевич	Больше года был ком. эскадрона
5.	Тихонов Исаак Ф.	Ок. 5 мес.
6.	Ткачёв Клим Иосиф.	Ок. 5 мес.
7.	Ткачёв Зиновий Сергеев.	Ок. года
8.	Ткачёв Тарас Кон.	Ок. 5 мес.
9.	Михайлов Иван Сергеев.	Ок. 5 мес.
10.	Шурыгин Малей Гавриил.	Более года был ком. взвода
11.	Олейников Терентий Сем.	Ок. 5 мес.

Основание: ГААО, ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 54.

**ЗАСЕДАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ОТ ВСЕХ ОРГАНОВ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ**

ПОВЕСТКА ДНЯ:

О спиртных напитках.

Об определении задержанных арестованных ЛЫТАРЯ и проч.

Об установлении пропусков.

О выделении лиц на заставу.

СЛУШАЛИ: В[опрос] 1.

ПОСТАНОВИЛИ:

Спиртные напитки запретить за исключением уважительных причин, как-то: вымокание в воде, замерзание под дождём и т. п.

СЛУШАЛИ: В[опрос] 2.

ПОСТАНОВИЛИ:

Задержанного ЛЫТАРЯ держать в Лоухе под караулом, до распоряжения штаба из Улунги.

СЛУШАЛИ: В[опрос] 3.

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить всем начальникам застав выписывать пропуска и предусматривать чтобы народ не ходил из села в село, из стойбища в стойбище. Начальникам застав предусматривать и снабжать таковыми.

...

НАЧАЛЬНИК ЛОУХИНСКОЙ ЗАСТАВЫ / Бодунов Ф./

НАЧАЛЬНИК ПОЛЕВОГО ШТАБА / А. Кулагин/

Основание: ГАПК, ф. 1588, ПУ-7048, т.1. Л. 224.

Ведомость задолженности учреждениям и другим организациям и частным лицам по ликвидации бандитизма в Зейском районе в 1929 году.

Согласно представленных счетов и фактур.

п/п	Кому принадлежит заплатить		руб.	коп.	Примечание
1.	Д.О.Д.Д.		15	50	
2.	Зейскому Охотхозяйству		901	44	
3.	Управлению водных путей сообщения		324	62	
4.	Зейской конторе Дальгосторга		1039	58	
5.	Овсяновскому Дальгостресту		1085	53	
6.	4-му Лесзаготучастку		4555	54	
7.	Зескому лесничеству		922	23	
8.	Зейскому окрдор.		2377	26	
9.	Овсянниковскому о-ву потреб.		2323	20	
10.	Зейскому району		14586	13	
11.	Зейскому Главн. Прииск. Союззолото		50408	68	
	<i>Итого по учреждениям</i>		78539	71	
	Крестьянам по сёлам				
1.	По деревне	Ивановке	200	00	
2.		Амуру-балтийск	256	00	
3.		Николаевке	800	00	
4.		Овсянке	524	00	
5.		Азупенке	26	50	
6.		Заречн. на Урлане	1420	52	
7.		Усть-Умлекан	350	00	
8.		Александровке	2861	90	
9.		Успенровке	192	50	
	<i>Итого по сёлам</i>		6661	42	
	По городу /частные/		415	00	
	Разные амортизационные счета		1000	00	
	Всего		86716	13	

Основание: ГААО, Ф. 310, оп. 4, д. 1, л. 2.

Телеграмма в ДКК ВКП(б)

...Не смотря на развёртывание мясозаготовок и наличие значительных запасов скота на скотозаготовительных базах Союзмясо отгрузка скота потребляющие центры резко сократились декабре по сравнению, с ноябрём создавая прямую угрозу срыва армии Москвы и Ленинграда и других важнейших рабочих центров. Основной причиной этого является неправильное применение на местах в ряде случаев прямое извращение декрета ЦИК и СНК о борьбе с хищениями убоем скота вместо борьбы с хищническим убоем скота в крестьянских хозяйствах... виновных в нарушениях данного постановления немедленно отстранять от работы и подвергать аресту в административном порядке от одной до трёх недель одновременно Совнарком и ЦК предлагают усилить борьбу с хищническим убоем скота в деревне в первую очередь с кулаком и спекулянтом и с кулацкими попытками сорвать план мясоснабжения и подмены сдачи крупного скота молодняком.

Председатель Совнаркома СССР Молотов.

Секретарь ЦК ВКП(б) Сталин

Основание: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 226. Л. 73, 74, 77, 78.

**Приказ
Объединённого Государственного политического управления
№ 223/106**

10 июля 1930 года

г. Москва.

В целях решительного изжития ещё продолжающегося в значительных размерах бегства кулаков, высланных в Сев. Край. Сибирь, на Урал и в другие места СССР – ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Констатируя, что ПП ОГПУ в местах, откуда выслана кулаки недостаточно выполнили и выполняют директивы ОГПУ по части борьбы с возвращающимися незаконным путём кулаками, всем ПП ОГПУ непосредственно и через другие местные органы Соввласти повести решительную работу по выявлению незаконно возвратившихся и возвращающихся высланных кулаков, принятию мер по их задержанию, репрессий в отношении их – с возвращением на место высылки, а в случаях выявления их антисоветской деятельности – к заключению в концлагерь вплоть до применения высшей меры по постановлениям Крайоблтроек. Следствием по таким делам о бегствах кулаков выявлять, каким образом они бежали, откуда и каким путем получили документы, кто были пособниками и т.п., с сообщением в КРО ОГПУ и соответствующие ПП ОГПУ по месту высылки всего существенного и характерного в интересах борьбы с бегством кулаков вообще.

2. В местах расселения кулаков ПП ОГПУ максимально усилить меры борьбы с бегством кулаков, согласно директивы ОГПУ, привлекая к поимке бежавших кулаков милицию и местное население, применяя и допуская соответствующее премирование населения за задержание бегущих кулаков, при чем суммы на это получают за счёт удержаний с заработка пойманных кулаков. В тех же целях усиления задержаний бегущих кулаков допускается использование остатков сумм, имеющихся от специальных ассигнований на выселение кулаков.

3. Временно, впредь до расселения кулаков по Севкраю в местах постоянного жительства, в силу особых условий, ПП ОГПУ Севкрая а) не допускать приезда к высланным кулакам родственников и знакомых, б) разрешать входящую к кулакам корреспонденцию только в виде открыток и телеграмм, а также посылок и денежных переводов.

4. Констатируя, что в настоящее время наблюдаются случаи направления на места высылки кулаков постановлений Окр. и Райисполкомов, сёльсоветов и органов прокуратуры о возвращении тех или других из них, как якобы, неправильно высланных, всем ПП ОГПУ через соответствующие партсоворганы добиться создания Краевых, Областных Комиссий при Исполкомах с участием представителя ПП, с тем, чтобы возвращения действительно неправильно высланных производить только по постановлениям Краевой или Областной комиссии.

5. ПП ОГПУ в местах высылки кулаков в отдельных случаях, когда, они, устанавливают через гласный или негласный аппарат, что тот или другой высланный действительно неправильно выслан возбуждать вопросы тщательной проверки правильности выселения через соответствующее ПП ОГПУ по месту прежнего жительства высланного, причем в этих случаях запрашиваемые ПП ОГПУ обязаны в самом срочном порядке и по существу запроса дать исчерпывающие ответы.

6. Получение и исполнение с приложением отданных распоряжений в развитие настоящего приказа донести.

ЗАМ ПРЕД ОГПУ:

(ЯГОДА)

НАЧ СОУ ОГПУ:

(ЕВДОКИМОВ)

Основание: ЦА ФСБ России, ф. 66. Оп. 1. Д. 200. Л. 131 – 133.

Сов. секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

бюро ГК ВКП(б) по вопросу о мерах борьбы с кулачеством, бегущим в город, принятое на заседании бюро 24/ III-1930 года.

Бюро ГК ВКП(б) констатирует, что огромный рост коллективизации, ликвидация кулака, как класса и решительные мероприятия во время хлебозаготовок, вызвали большой приток в город из деревни нашего и других округов крестьянства (с 3-го января по сие время свыше 5 000 члк.), значительный процент которых составляют кулаки, бегущие из деревни. Рассосавшись почти по всем предприятиям города, они создали угрозу засорения рабочих коллективов классово-чуждым элементом. Антисоагитация кулаков на предприятиях вызывает нездоровое настроение среди политически неустойчивой части рабочих и создает угрозу срыва промфинплана.

Кулаки, бегущие в город прибегают ко всевозможным ухищрениям для того, чтобы скрыть свое социальное лицо (получение кулаками удостоверений от С/ советов без указаний их социально-имущественного положения, представление кулаками ложных удостоверений о том, что они бедняки или с[е]редняки, подделка, ими документов или утеря их). В результате этого многие из кулаков-бегунцов уже проникли на предприятия, а некоторые из них приняты в члены союза. Небрежное отношение к приему на производства кулаков и отсутствие в этом вопросе, контроля со стороны хозяйственных, профессиональных и советских организаций способствовали проникновению кулака в предприятия города.

Наличие большого наплыва этого элемента в город при чрезвычайной загруженности и отсутствии соответствующих помещений для него, создали в

городе нетерпимое положение, при котором оказались загруженными бегущими из деревни общественные места, как-то: вокзал, Дом крестьянина, ночлежные дома, общежития и проч. В результате эти места становятся очагами анти-советской агитации и создают весьма нездоровую политическую обстановку в городе.

Исходя из этого бюро ГК ВКП/ б/ постановило:

1. Предложить всем партиячкам, комфракциям, ФЗК, ячейкам ВЛКСМ и партчасти администрации предприятий города мобилизовать внимание на борьбе с выявлением кулачества, проникшего на производство и удалении его оттуда, а также принять решительные меры к недопущению кулаков на предприятия в дальнейшем. Развернуть массовую разъяснительную работу вокруг этих мероприятий, привлекая к этому широкие рабочие массы.

2. Всем парт[ийным] и проф[союзным] организациям установить строгий контроль на местах за приемом на предприятия, поступающий рабочей силы, в особенности крестьян, ни коем образом не допуская приема их, помимо органов труда.

3. Поставить вопрос перед фракцией ОСПС о даче указаний на места о более внимательном отношении к приему в члены союза выходцев из деревни, принимая их только после тщательного изучения и выявления их социально-имущественного положения, подтвержденного соответствующими документами районных советских органов.

4. АПО ГК в ближайшие дни провести по всем предприятиям города беседа о мероприятиях по борьбе с проникновением на предприятия кулачества с участием в этой работе широких рабочих масс.

5. Просить редакцию "Красное знамя" в ближайших номерах газеты развернуть эту кампанию с целью подготовки общественного мнения.

6. Поручить отделу труда выделить специальный аппарат на БТ для обслуживания вновь прибывающих крестьян на работу в город, установив при регистрации их строгий фильтр с тем, чтобы не допустить просачивание кулачества на предприятия.

7. Поручить фракции ОСПС дать по профлинии директивы о возможности приема молодёжи из кулацких семей (не проявивших себя антисоветски) на работу в предприятиях не имеющих серьёзного промышленного значения, устанавливая за ними соответствующий надзор и проводя воспитательную работу с ними.

При приёме этой молодежи (из кулацкой семьи) не руководствоваться формальными сроками, дающими возможность через несколько месяцев пройти в союз, установив индивидуальный подход в этом вопросе и проявляя сугубую осторожность.

В случае, если будет установлено наличие с их стороны разлагающего влияния на рабочих, применять к ним те же меры как и к кулакам.

8. Предложить фракции горсовета принять срочные меры к освобождению вокзалов и других общественных мест от скопления бегущих из деревни, подыскав соответствующее помещение для временного их размещения.

9. Просить ОК ВКП(б) принять срочные меры к выделению за пределами города района для отправки туда кулацких семей, находящихся в городе без определенного места жительства, а так же сомнительного и уголовного элемента, находящегося в городе.

10. В целях выявления кулаков, скрывающихся в городе без прописки, предложить милиции УРу рядом срочных мероприятий обеспечить систематическую проверку прописки их в общественных местах, Доме крестьянина, ночлежных домах и т.д.

11. Соблюдать особую осторожность в том, чтобы указанными мероприятиями не задеть семей с[е]редняков, а также партизан и красноармейцев, вынужденных покинуть деревню, в результате неправильных мероприятий и искривления линии партии на селе. Всем организациям надлежит о таких случаях доводить до сведения ГК для принятия мер по исправлению допущенных ошибок.

12. Поручить фракции ОСПС совместно с отделом труда проработать мероприятия о подготовке к приему сезонников, кои по окончании сезона вернуться в город и наметить мероприятия для их дальнейшего использования.

13. Предложить профорганизациям и хозяйственникам установить учет социального состава на предприятиях, в особенности прибывших за последнее время (крестьяне) и установить такой порядок в дальнейшем.

14. Предложить Зав. отделом труда тов. Маклюк совместно с органами ОГПУ установить перечень предприятий и работ куда можно допускать кулацкий элемент, изъятый из основных предприятий и в дальнейшем прибывающий в город.

...

Всем ячейкам ВКП(б)

26 марта 1930 года.

Для сведения и руководства

Завканц[илирией] ВКП(б) / Балясин/

Основание: ГАПК., ф. П-3. Оп. 1. Д. 236. Л. 57 – 59.

Приказ
Объединённого Государственного Политического Управления
№ 196/120

22 апреля 1931 г.

гор. Москва.

Несмотря, на ряд приказов о чистке пограничных местностей от засоренности их социально-опасными и вредными элементами наблюдается систематическое возвращение в эти местности лиц, высланных оттуда в административном порядке за окончанием срока.

Разъясняется, что лица раз высланные из пограничных районов, теряют навсегда свое право на постоянное проживание в них без соответствующего предварительного разрешения ОГПУ, хотя бы и срок их высылки кончился.

На основании выше изложенного ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Проверить всех лиц, вернувшихся в пограничные районы по окончании, срока высылки, и предложить им выехать оттуда в 10-тидневный срок
2. Список лиц, коим, по мнению местных пограничных органов ОГПУ, можно разрешить проживание в пограничном районе, с мотивированным объяснением, представить на утверждение в соответствующее ПП ОГПУ.
3. Впредь не разрешать въезда в пограничный район на время и на постоянное проживание всем административно-высланным, хотя бы окончивших срок этой высылки.

ЗАМ. ПРЕД. ОГПУ: Г. Ягода

Основание: ЦА ФСБ России, ф. 66. Оп. 1. Д. 211. Л. 269.

Таблицы

Таблица № 4

Сводка о ходе сельскохозяйственной кампании по ДВК

Округа	Годовое бюджетное задание (в тыс. руб.)	Причитается к 2-му сроку 15.12.29.		Поступило в кассы госбанка на 1.12.29.			в том числе недоимки 1928/ 29 г.		
		в абсолютных цифрах	в %% к год. заданию	в Абсолютных цифрах	в %% к окладу 2 срока	в %% к год. за- данию	Оставле- но на 1/ V-1929	Поступи- ло на 1/ XII	% выпол- нения
Читинский	930	652	70	648366	99,5	69,7	14502	7937	54,7
Сретинский	353	212	60	256644	121,0	72,7	8563	3636	42,4
Зейский	220	132	60	162172	122,8	73,7	24164	1981	8,2
Амурский	1326	928	70	772397	83,2	58,2	119257	32539	27,3
Хабаровский	265	160	60	92130	57,5	34,8	7987	4314	54,0
Владивостокский	1614	1130	70	654695	57,9	40,5	143799	29224	20,0
Николаевский	95	76	80	79709	105,0	83,3	2578	1300	51,0
По ДВК	4803000	32290	68	2666122	81,0	55,5	321820	81931	25,4

Источник: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 162. Л. 65.

Таблица № 5

Данные о работе окружных судов во время хлебозаготовительной кампании за ноябрь – январь 1929/ 30 гг.

Округа	Ст. 61 УК РСФСР		Дела связанные с работой хлебозаготовительных органов		Контрреволюционные дела о терроре		Прочие*		Всего	
	дел	человек	дел	человек	дел	человек	дел	человек	дел	человек
Владивостокский	395	844	130	283	20	25	82**	148**	627	1300
Амурский	510	687	39	76	32	154	89**	116**	673	1033
Сретинский	200	446	83	132	7	14	122**	243**	412	835
Читинский	230	442	76	142	-	-	172**	188**	478	772
Хабаровский	9	9	6	7	-	-	6**	5**	21	21
Итого	1344	2428	334	640	59	193	433** *	700**	2111	3940***
г. Владивосток	-	20	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	1344	2448	334	640	59	193	671**	700**	2111	3981**

* – Главным образом неплатёж и злоупотребление гарнцевым зерном, злостное невыполнение договоров по контрактации, невыполнение договоров обобществлённым сектором.

** – Рассчитано автором на основании итогового подсчёта.

*** – Указано в документе, но не соответствует итоговому подсчёту.

Таблица составлена на основе источника: РГИА ДВ ф. 2413. Оп. 4, 1671. Л. 68, 68а.

Таблица № 6

Дела с высшей мерой соц. защиты (расстрела) прошедшие через УКК* крайсуда за 1929 г.

(в докладе Пленума ДВ краевого суда)

Ст. УК	Число осуждённых	Кулаки закиточные	середняки	бедняки	рабочие	служащие	прочие	утверждено УКК*	Заменено в порядке ст. 437 УПК	Помиловано ВЦИК
58-10	9	2	3	2	1	-	1	4	5	4
%	37,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
59-9	15	-	1	1	1	1	1	10	5	1
%	62,5									
Всего за 1-е полугодие	24	2	4	3	2	1	2	14	10	5
58-10	10	9	-	1	-	-	-	9	1	4
%	37									
59-9	16	3	-	2	4	-	7	14	2	-
%	60	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3 ч. 167	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего за 2-е полугодие	27	12	-	3	5	-	7	24	3	4

* – временная структура при Дальневосточном краевом суде, дана в документе без расшифровки аббревиатуры.

Источник: РГИА ДВ ф. 2413. Оп. 3. Д. 1671. Л. 330 – 331.

Таблица № 7

Сведения о ликвидации кулацких группировок и изъятию АСЭ из деревни с 1.01.29 по 1.01.30 г.

Округа	состояло группировок	их участников	ликвидировано группировок	изъято участников группировок	состояло на учёте одиночек актива	изъято одиночек	Изъято всего				
							кулаков и зажиточных	середняков	бедняков	прочих	Всего
Амурский	64	294	52	265	195	127	320	54	7	-	392
Владивостокский	18	195	17	191	476	415	385	120	18	83	606
Сретинский	17	70	11	52	189	88	102	25	1	12	140
Читинский	37	200	29	181	196	157	216	70	21	31	338
Хабаровский	32	236	10	55	131	44	73	14	1	11	99
Зейский	14	78	11	55	158	36	68	14	5	4	91
Николаевский на Амуре	2	8	1	6	21	21	-	-	-	-	26
Всего по ДВК	184	1081	131	804	1366	888	1164	297	53	152	1692

Источник: ГАХК, ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 13.

Таблица № 8
Данные о осуждённых по ДВК за время кампании хлебозаготовок

Категории	Осуждено по всем преступлениям			Осуждено за хищение и растрату			По ст. 7.08.32 г.			Осуждено по ст 162 п. "Г"; "Д" УК			Число по ст. 116 УК		
	1933	1934	1935	1933	1934	1935	1933	1934	1935	1933	1934	1935	1933	1934	1935
Рабочих	—	—	—	1087	907	615	469	135	53	546	687	480	72	87	82
Служащих	—	—	—	464	548	1043	291	145	223	94	108	164	159	294	667
Крестьян	—	—	—	929	474	154	449	81	21	428	337	99	52	58	34
Кулаков	—	—	—	135	90	157	99	56	49	35	22	93	1	2	7
Прочих	—	—	—	565	565	148	127	33	19	485	529	110	4	3	21
Всего	10559	9958	14513	3182	2632	2130	1356	450	374	1538	1738	946	288	44	810

Источник: ГАХК. Ф. 819. Оп. 2. Д. 7. Л. 39 – 46.

Таблица № 9

Состав обвиняемых по социальному положению и социальному прошлому.

Наименование групп / по долинам рек/	Всего обвиняемых*	из них староверов	Начётчиков и попов	по соц. Положению						по соц. прошлому				Участников вооружённого восстания	по национальности				
				Кулаков	Охотников-промысловиков	Средняков	Бедняков	Колхозников	Служащих	Бывших белых	Карателей и полицейских	Участники бандитизма в прошлом	Подрядчиков, торговцев, купцов и др. бывших людей		Русских	Китайцев	Туземцев**	Австоро-венгров	Поляков
Бикинская	80	74	14	7	72	-	-	-	1	1	-	-	-	80	76	-	4	-	-
Кхуцинская	92	90	5	40	31	19	-	-	2	7	13	2	3	38	90	2	-	-	-
Светлинская	32	24	3	13	13	1	-	-	5	4	2	-	-	12	32	-	-	-	-
Самаргинская	44	43	14	41	1	2	-	-	-	-	1	8	2	-	44	-	-	-	-
Джигитская	80	22	7	52	8	8	-	1	11	4	17	-	7	16	77	-	-	1	2
Амгинская	29	26	2	22	1	6	-	-	-	-	-	-	-	-	29	-	-	-	-
Яковлевская	5	5	1	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-
Ивановская	3	3	-	-	-	3	-	-	-	-	-	2	2	1	3	-	-	-	-
Всего	366	287	46	178	126	42	-	1	19	16	33	12	13	146	359	2	4	1	2

* Осуждено Постановлением Тройки ПП ОГПУ ДВК от 8 ноября 1932 г.

** Орочи

Таблица составлена на основе источника: ГАПК, ф. 1588. Д. ПУ-7048, т. 18. Л. 9; т. 8. Л. 35.

Таблица № 10

Справка о социальной прослойке проходящих по делу № 229

Долины	Всего арестовано	Из них											Представители ОГПУ в районе
		Кулаков	Средняков	Бедняков	Охотники- профессионалы	Служащие	Бывшие белые	Не установленного соц. происхождения	Бывшие офицеры	Староверы	Начётчики	Участники банды	
Улунга	72	7	-	-	63	1	1	-	1	71	14	72	Соколов*
Кхуцинская	98	37	58	1	-	-	2	-	-	89	1	26	Воронцов – Шелуг[ин]
Светлинская	42	23	23	-	-	-	6	-	6	33	4	23	Стрекалов
Самаргинская	59	39	18	2	-	-	-	-	-	56	8	-	Жуков – Огородников
Джигитская	79	47	18	-	-	8	-	6	13	19	11	-	Волков – Потапов
Амгу	45	24	10	3	-	-	-	8	-	46	3	3	Маслов
Яковлевский р-н	11	3	8	-	-	-	-	-	-	11	1	-	Жуков
Ивановский р-н	3	-	3	-	-	-	-	-	-	3	-	-	Жуков
Всего	409	180	138	6	6	9	9	14	20	327	42	124	

Таблица составлена на основе источника: ГАПК, ф. 1588. Д. ПУ-7048, т. 8. Л. 41.

Таблица № 11

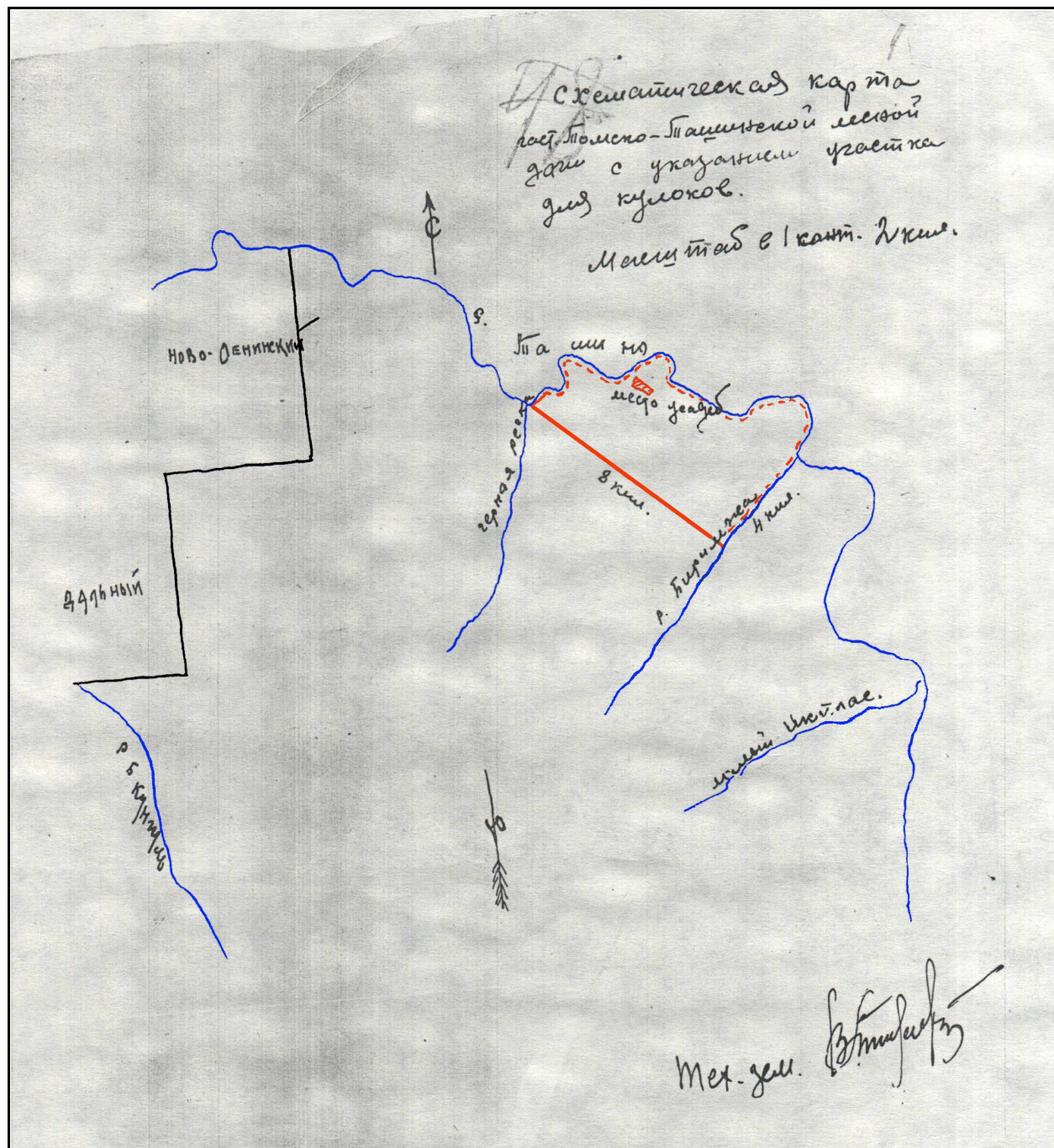
Сравнительная таблица терактов в районах сплошной коллективизации ДВК

Округа	Район	Количество Терактов		разница	Примечание
		Октябрь – ноябрь 1929	Декабрь – январь 1929/ 30		
Читинский	Оловянский	1	1		
	Быркинский	-	2		
	Малетинский	1	9		
Сретинский	Олинский	2	1		
	Жидкинский	1	3		
Амурский	Тамбовский	3	2		
	Ивановский	5	8		+ 1 листовка
	Завитинский	1	4		
	Александровский	4	1		
	Хингаро-Архаринский	2	-		
	Михайловский	2	1		
Владивостокский	Черниговский	2	-		+ 1 листовка
Хабаровский	Калининский	-	1		
Итого		24	33	9	

Таблица составлена на основе источника: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 11.

Схемы

Расселение кулаков III категории Александровского района Амурской области. 1930 г.

Условные обозначения

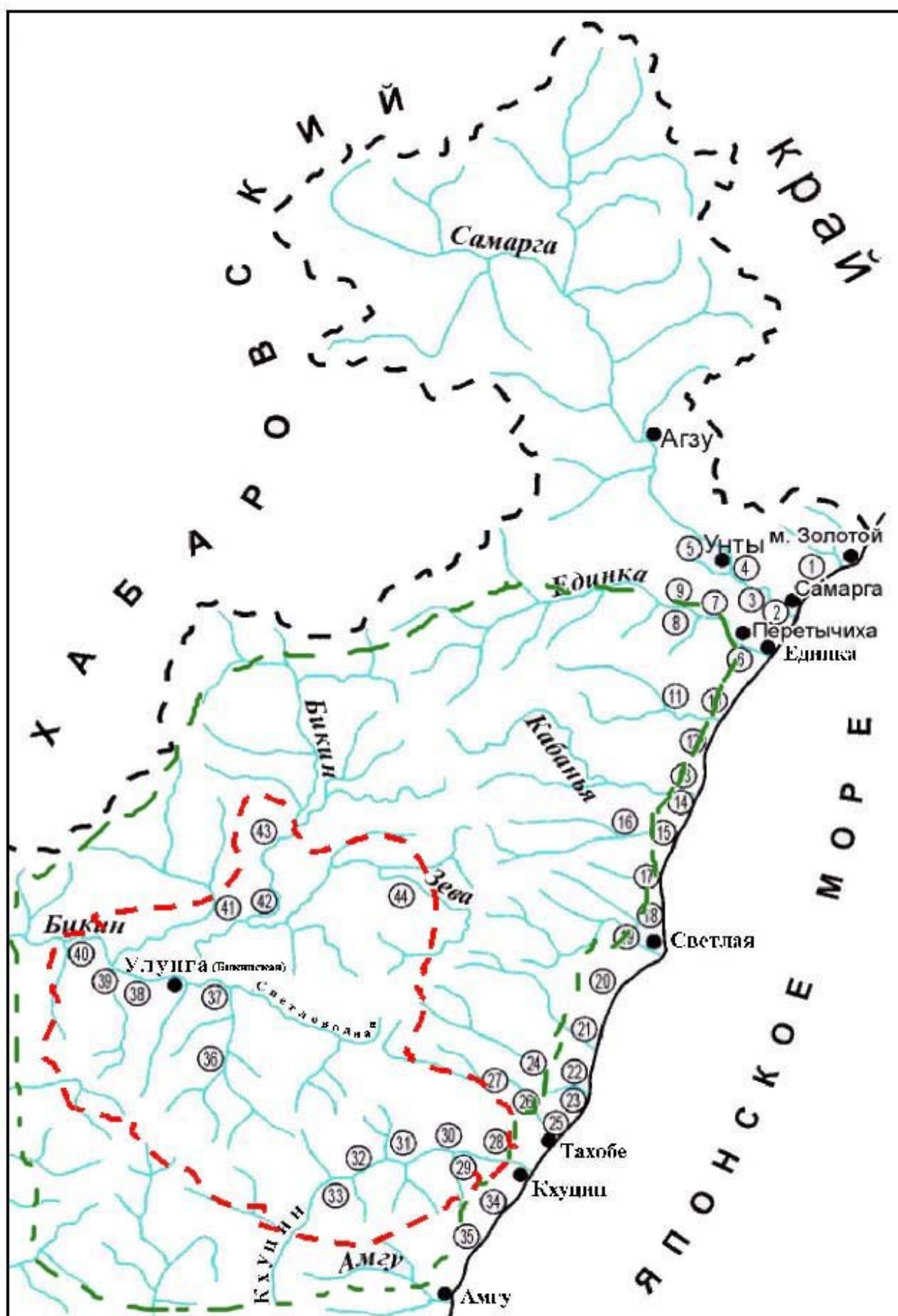

- граница расселения кулаков
- спецпосёлок
- границы колхозов

Масштаб: 1: 200000

Карта составлена по данным:
ГААО. Ф. 17, д. 34, л. 17.

Улунгинское восстание в верховьях р. Бекин 1932 г.

Условные обозначения:

Кружки с цифрами:

Посёлки		Хутора:
1. Адими	21. Сваин	3. Пугдо
2. Назаровка	22. Мысовка	4. Малиновка
6. Каменка	23. Кузнецова	5. Вознесеновка
7. Котеловка	24. Андреевка	11. Лужки
8. Антоновка	25. Тахобе	26. Гостюхина
9. Самаровка	28. Ханкидон	27. Зайкова
10. Ахобе	29. Адо	30. Горбуновка
12. Кюма	31. Улунга (кхуцинская)	32. Некрасовка
13. Нахтахэ	33. Междуречье	36. Шарыпова
14. Сковородка	34. Широкая падь	37. Биамо
15. Пея	35. Сайон	38. Гребенщикова
16. Верхняя Пея	40. Лаухэ	39. Бачелаза
17. Канц		41. Хамакова
18. Бакланий		42. Старкова
19. Фунты		43. Новожилова
20. Бобково		44. Баранова

Черные кружки: существующие ныне поселки.

Улунга бикинская (сейчас Охотничье)

Амгу

Кхуцин (сейчас Максимовка)

Тахобе (сейчас Соболенка)

Единка

Перетычиха

Самарга

Унты

– районы охваченные восстанием

– зона боевых действий

Масштаб: 1:500000

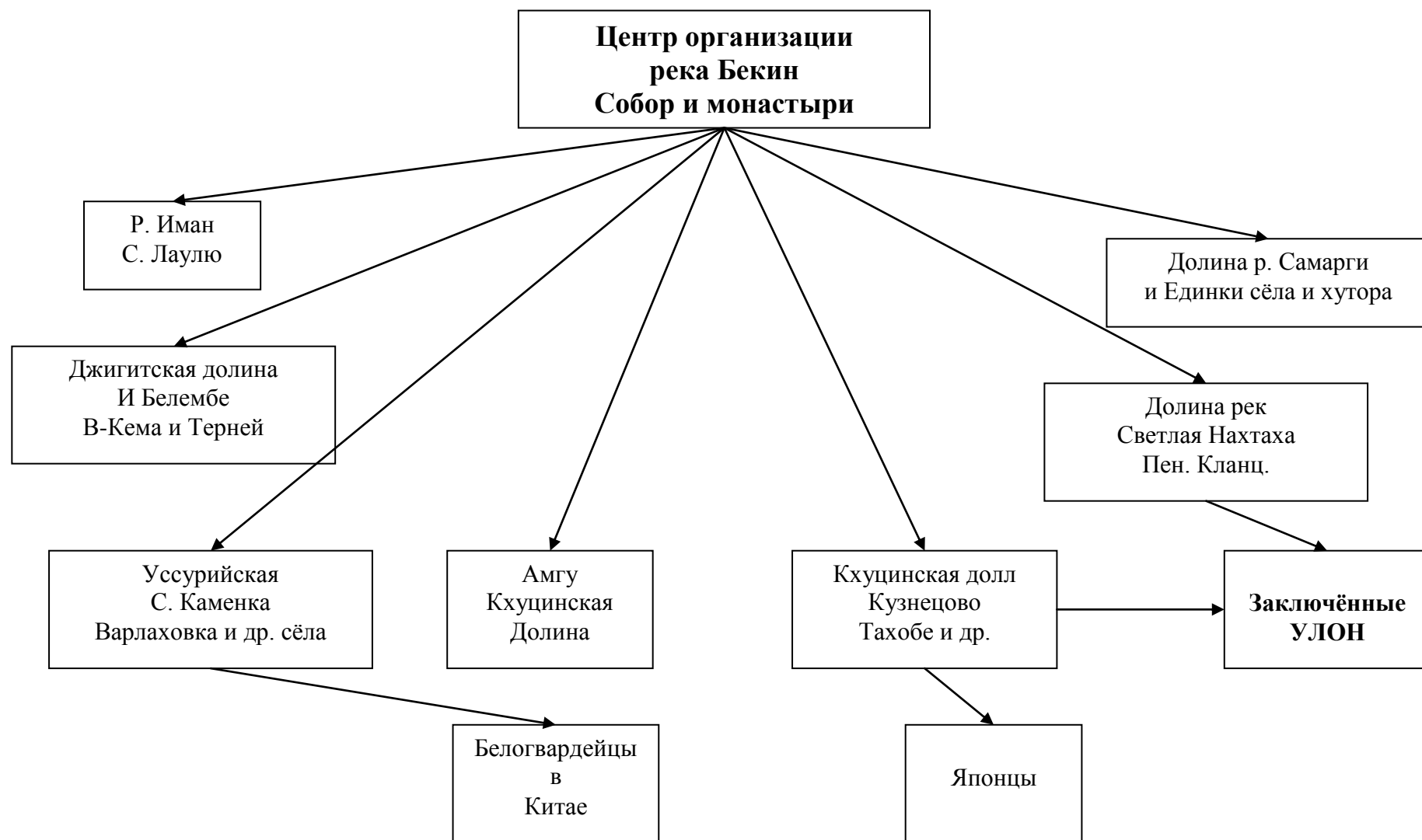
Карта составлена по данным:

ПАНИЧЕВ А.М., Тихоокеанский институт географии ДВО РАН.

<http://www.fegi.ru/scripts/adsinfo.pl?advert=NonSSI&page=670>

Дата просмотра: 10.10.04.

Староверческая повстанческая организация (составлена Начальником полевого штаба Кулагиным А.)

**Схема повстанческой деятельности, связей и руководителей к.-р. группировок
в кхунинской и кузнецовской долинах тернейского р-на ДВК**

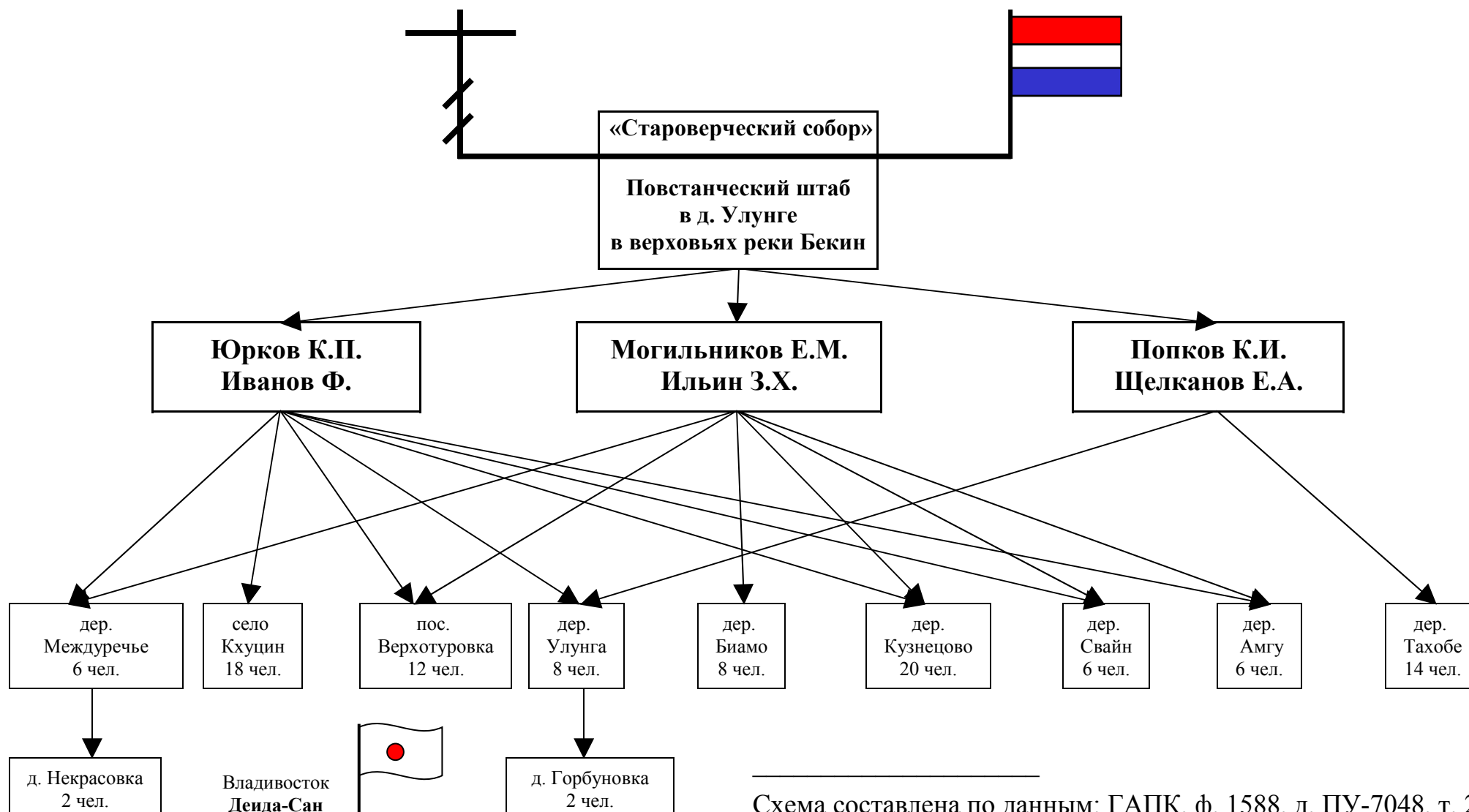

Схема составлена по данным: ГАПК, ф. 1588, д. ПУ-7048, т. 2, л. 1.